

«ନିର୍ଦ୍ଦେଶନା»

Часть первая

Глава I

Догорал длинный, знойный южный день.

Тяжелая жара была невыносима. Земляные полы тюрьмы источали ядовитое зловоние, отравлявшее небольшое количество проникавшего с воли воздуха. Царил глубокий мрак. Только тонкий светящийся лучик — скромный посланник пышущего жаром солнца — пробивался в одну из камер через небольшое отверстие вверху. Но свет раздражал узника, и он с проклятиями отворачивался, закрывал лицо скованными руками, кусая губы в бессильной злобе, пока рот не наполнялся кровью.

И хотя арестант часто впадал в такую ярость и смотрел на солнечный луч, мечом резавший плотный тюремный мрак, как на заклятого врага, светящийся столбик был не бесполезен узнику: по нему он судил о времени. Когда луч появлялся — начинался день, исчезал — и ночь вступала в свои права.

Существование в каменном мешке было мукой, каждый новый день не приносил ничего хорошего — заканчиваясь, он оставлял обитателя подземелья в еще большем, чем вчера, животном отупении. Но слепящий глаза свет мучительно напоминал о внешнем мире и не давал окончательно забыться. Заключенный здесь человек выдержал бы сияние яркого восточного солнца в открытом пространстве — никто не бросит такого смелого взгляда па огненный шар, царящий в синеве неба! Но в смрадной темнице эта тоненькая струйка света, излучаемого дневным светилом, казалась узнику воплощением вызова и злой насмешки. Корчась на подстилке из грязной, трухлявой соломы, он отодвигался подальше, в темноту, проклиная и судьбу, и людей, и Бога.

Он был не один. В угол, где он ежился как дикий зверь, была вмурована железная решетка, граничащая с таким же каменным мешком. Через эту решетку к нему тянулась изможденная, грязная рука. Пошарив в темноте, рука наконец нашла и потянула край его рубища; слабый хриплый голос позвал:

Он погнулся быстрым, гневным движением. Цепи его зазвенели.

— Чего тебе?

— Про нас забыли, — простонал жалобный голос. — Я умираю от голода и жажды и проклиная тот час когда связался с тобой...

Варавва молчал.

— Ты помнишь, — продолжал тот же голос, — какое сегодня число?

— Не все ли равно, — отозвался Варавва, — месяцы или годы прошли-с тех пор, как нас сюда заточили... А ты знаешь?

— Восемнадцать месяцев прошло со дня убийства фарисея, — ответил сосед. — Сейчас идет пасхальная неделя.

Варавва не выразил ни удивления, ни интереса.

— Помнишь ли ты обычай Пасхи? — продолжал невидимый собеседник. — Один преступник, выбранный народом, должен быть отпущен на свободу! Ах, если бы это был кто-то из нас! Если невинность — заслуга, то выбор падет на меня. Бог моих отцов свидетель, что мои руки не запачканы кровью... Я фарисея не убивал... Немного золота — вот все, что я хотел...

— И разве ты его не взял? — прервал его Варавва. — Лицемер! Разве не ты ограбил фарисея, сняв с него все, до последнего украшения? Тебя схватили, когда ты зубами рвал с его руки золотой браслет. Не прикидывайся невинной овечкой! Ты — злейший вор в Иерусалиме!

За решеткой послышалось рычание разъяренного зверя. Затем после некоторого молчания опять раздался стон.

— Весь день без пищи! И ни капли воды! Я скоро умру! Умру в темноте и смраде! Стенания переходили в визг.

— Туда тебе и дорога! — устало сказал Варавва. — Зато каждый, кто имеет золото, может спать спокойно!

— Ты демон, Варавва!

Через решетку просунулась сжатая в кулак рука. Потом бледное, искаженное злобой лицо притиснулось к прутьям.

— Клянусь, я буду жить хотя бы для того, чтобы дожидаться того часа, когда тебя поведут на казнь!

Варавва молча отодвинулся подальше от злобного соседа и, глянув вверх, облегченно вздохнул: ослепительно-золотое сияние сменилось мягким красноватым светом.

— Закат солнца, — бормотал он. — Вот час, который она любит! Она пойдет с рабынями к колодцу и будет отдыхать и веселиться, а я... я... О, Бог мести! Я никогда не увижу ее лица! Полтора года в этой

могиле и никакой надежды на избавление!

Узник резко встал, и голова почти коснулась потолка темницы. Кандалы снова напомнили о себе громким бряцанием. Поставив голую ногу на выступ стены, Варавва приник к щели, откуда пробивался горячий свет заходящего солнца, но мало что было видно ему — огороженная небольшая площадка сухой, выжженной земли, да одинокая пальма с чахлыми листьями. Пристально вглядываясь, он старался различить что-то в туманной дали, но истомленный долгим вынужденным постом, не смог удержаться и опустился на землю, продолжая мрачно следить за розовым отблеском солнца на полу.

Этот свет падал и на его лицо, оттеняя нахмуренные брови и темные негодующие глаза, освещал голую грудь и блестел на массивных железных наручниках.

Всклокоченные волосы и спутанная борода делали узника похожим на дикого зверя. Он был почти раздет: бедра опоясывал кусок полуистлевшей ткани, подвязанной грубой веревкой. Хотя было очень жарко, узник дрожал в этом душном мраке и, уронив голову на колени, пристально и упорно, как филин, смотрел на солнечный луч, который с каждой минутой бледнел, угасая. Днем луч был ярко-красный («Как кровь убитого мной фарисея», — со зловещей улыбкой подумал Варавва), теперь же он стал бледно-розовым, как румянец зардевшейся красивой женщины.

От этого сравнения узник содрогнулся и до боли сжал руки.

— Юдифь, Юдифь! — прошептал он. — Дорогая Юдифь!

И, прижавшись лбом к скользкой стене, замер, как каменное изваяние.

Последний отблеск солнца пропал, и темная мгла укрыла все. Ни один звук, ни одно движение не выдавали присутствия человеческого существа в этом ужасном месте. Только изредка слышался шорох пробегающих по полу мышей, и снова воцарялась тишина — глубокая, мертвая...

А небеса облекались в свое ночное величие. Просыпаясь, звезды белыми, хрупкими лилиями выплывали в необъятное, темное, словно гладь озера, пространство.

Но в щель темницы была видна лишь одна маленькая звездочка. Показавшаяся на горизонте серебристая луна еще не заглянула в тьму

камеры, чтобы сочувственным бледным светом озарить заключенного. Одиноким и невидимым, он боролся с физическим и нравственным недугом. Стена, на которую он опирался, была обильно полита слезами.

Глава II

Медленно тянулось время... Вдруг ночную тишину прервал какой-то неясный шум. Он, как прилив моря, начинался издали и, приближаясь, зловеще гудел, делался все громче и громче, ударялся о стены темницы и отражался от них, умноженный эхом...

Уже были различимы отдельные голоса, топот множества ног и лязг оружия. Хрипло спорили, свистели, кричали.

Язвительный, с издевкой, голос спросил:

— Скажи, Пророк, кто Тебя ударил?

Раздался оглушительный смех, визг, гиканье, улюлюканье. Потом толпа ненадолго угомонилась, притихла в ожидании конца спора, возникшего между начальниками.

Через несколько минут гул возобновился и медленно покатился мимо тюрьмы, постепенно замирая, как удаляющиеся раскаты грома.

Но пока он был рядом, в подземелье загремели цепи, скованные руки слабо застучали о решетку, и голос, говоривший прежде, опять позвал:

— Варавва!

Ответа не последовало.

— Варавва, ты слышал проходящую толпу? Снова молчание.

— Варавва! Собака! — сосед яростно заколотил по решетке. — Ты глух к хорошим вестям! В городе мятеж! Долой закон! Долой тирана! Долой фарисеев! Долой всех!

Он рассмеялся. Смех его походил на хрип.

— Нас освободят! Свобода! Подумай, Варавва! Тысяча проклятий тебе! Ты спишь или умер!

Но он напрасно бил кулаками по решетке. Варавва был нем.

Луна, между тем подкатившаяся к середине небосклона, заглядывала в каменный мешок и окутывала призрачным светом фигуру неподвижного Вараввы.

— Варавва! — раздраженный, слабый голос соседа стал сильнее от злобы. — Ты не внимаешь хорошим вестям, так слушай же плохие! Послушай твоего друга Ганана, который лучше тебя знает коварство

женщин! Зачем ты убил того фарисея? Он говорил правду... Ты — глупец! А твоя Юдифь...

Позорное слово не успело слететь с его языка. Безучастный до сих пор Варавва внезапно и молниеносно, как лев, кинулся к Ганану, схватил его через решетку за руку и стиснул с такой бешеной силой, что чуть не сломал.

— Еще раз произнеси это имя, и я вырву твои разбойничьи руки и оставлю для воровства одни плечи!

Лицом к лицу, почти невидимые друг другу, они яростно боролись. Наконец, страшно крича от боли, Ганан высвободил руки и рухнул в темноту камеры. Тяжело дыша, Варавва бросился на свою грязную подстилку.

— Что если это правда? — Он скрежетал зубами, каждая его жилка билась в нервном напряжении. — Вдруг вся красота Юдифи — только искусная маска, за которой скрывается коварство и подлость? О Бог, тогда она в тысячу раз хуже меня!

Уронив голову на руки, влюбленный узник старался разрешить загадку собственной природы, своих страстей, сильных и неукротимых. Но это было так трудно, что понемногу его мысли стали рассеиваться, и он впал в забытие, сладостное после недавней сердечной боли. Сжатые в кулаки ладони раскрылись, дыхание стало ровным, и, вытянувшись во весь рост, он заснул.

А ночь торжествовала. Луна и звезды спокойно следовали своим законам; молитвы разных людей, говорящих на разных языках, исповедующих разные религии, поднимались от земли к единому для всех небу. Молитвы о милосердии, прощении и благоденствии для того человечества, которое само не обладало ни милосердием, ни умением прощать?

С волшебной быстротой темные небесные своды стали бледно-серыми, луна тихо скрылась, и звезды погасли одна за другой, как лампы после праздника.

Наступило утро.

Варавва продолжал спать, повернувшись в сторону проникающего в тюрьму утреннего света, и тихая улыбка сменила прежнюю суровость его лица. Над нечесаной густой бородой виднелся нежный изгиб губ. Отпечаток былой степенной красоты лежал на широком лбу и закрытых

глазах. Этого спокойно спящего нераскаившегося преступника можно было принять за невинную жертву жестокой судьбы.

В наружном дворе тюрьмы зашумели, задвигались. Варавва сначала слышал это сквозь сон, но шум все усиливался, и арестант нехотя открыл глаза и приподнялся на локте. Прислушавшись, он различил бряцание оружия и мерные шаги людей. Пока он вяло размышлял, что бы это могло значить, звуки приблизились и наконец затихли у его камеры. Повернулся ключ в замке, со скрежетом отодвинулись огромные засовы, дверь распахнулась, и хлынул такой яркий свет, что узник невольно понял руки к глазам, словно защищая их от удара. Моргая, как ночная птица, он привстал. Перед ним стояла группа сверкающих металлом доспехов римских солдат, во главе которых был офицер. Рядом стоял тюремщик.

— Выходи!

Варавва смотрел сонно, непонимающе. Вдруг за решеткой раздался визгливый крик:

— Я тоже!.. Я невиновен! Отведите и меня в суд! Будьте справедливы! Не я убил фарисея, а Варавва! Не оставляйте меня здесь!

Никто не обращал внимания на эти вопли. Офицер повторил, глядя на Варавву.

— Выходи!

Очнувшись наконец, тот приложил все усилия, чтобы исполнить приказание, но мешали тяжелые цепи. Видя это, офицер отдал распоряжение солдатам, и через несколько минут оковы с ног арестанта пали.

Ганан продолжал вопить.

Оглянувшись на стражу, Варавва слабым голосом сказал:

— Прошу вас, дайте воды и пищи этому человеку... Начальник конвоя взглянул на него с удивлением.

— Ты ничего не просишь для себя? — сказал он. — Сейчас у иудеев Пасха, и мы разрешим тебе все, что благоразумно...

Он засмеялся, и его люди дружно подхватили смех. В глазах Вараввы стояла тоска пойманного зверя.

— Сделайте это из милости, — пробормотал он. — Я тоже голоден и жажду, но Ганан слабее меня,

— Эй, тюремщик, накорми крикливого разбойника, — приказал

офицер и, быстро повернувшись, стал во главе своего отряда, плотно окружившего Варавву. Все вышли из тюрьмы.

Глава III

Во дворе все остановились в ожидании, пока откроют ворота. Там, по ту сторону ограды, была свобода! Варавва издал хриплый стон и, задыхаясь, поднес скованные руки к лицу.

— Что с тобой? — спросил один из конвоиров и ткнул его копьем в бок. — Не может быть, чтобы ветерок так подкосил тебя!

А Варавва и в самом деле зашатался и упал бы, если бы воины с руганью и проклятиями не подхватили его и не поставили на ноги. Лицо арестанта смертельно побледнело, белые губы над всклокоченной бородой скривились, он едва дышал.

Офицер все понял.

— Дайте ему вина! — сказал он кратко.

Приказ был тотчас исполнен. Но зубы обессилевшего узника были стиснуты, и вино — каплю за каплей — пришлось насильно вливать в рот. Скоро грудь Вараввы поднялась с глубоким вздохом возвращающейся жизни, глаза широко раскрылись.

— Воздух, воздух! Чистый воздух! Свет! — восторженно стонал он. Потом, почувствовал прилив сил от выпитого вина, рассмеялся. — Свободен! Я свободен!

— Замолчи, собака! — прервал его восторги офицер. — Кто тебе сказал, что ты свободен? Посмотри на наручники и отрезвись. Вперед, солдаты!

Тюремные ворота со скрипом выпустили их, и равномерный шаг конвоя и спотыкающийся — арестанта эхом отдавался на улицах, по которым они проходили, а затем и под сводами подземного хода, ведущего прямо в зал суда. Ход этот был длинный, каменный, освещаемый такими тусклыми светильниками, которые, казалось, только усиливали глубокую темноту подземелья.

Мрак здесь был почти такой же, как в темнице, и Варавва запинался на каждом шагу. Чудное видение свободы улетучилось. Его вели на казнь. Какого милосердия мог ожидать преступник от могущественного Пилата, прокуратора Иудеи, убив одного из немногих в этой стране друзей римского правителя?

Будь он проклят, этот фарисей! Его манеры, его самодовольную улыбку, его холеные руки с огромным перстнем на указательном пальце, все детали роскошной, пышной одежды, осанку, отличавшую его от других людей — все это Варавва вспомнил с отвращением. Ему опять представился тот момент, когда, сваленный на землю сильным, точным ударом ножа, фарисей лежал, обливаясь кровью; в лунном свете глаза Габриаса казались белыми от переполнявшей его ненависти к убийце.

Насильно отнятая жизнь взывает о мести! Варавва это понимал. Но казнь, применяемая к опасным преступникам, была так страшна, так жестока, что Варавва содрогнулся от предчувствия предстоящих ему страданий. Если бы, как убитый им фарисей, расстаться с жизнью в одно мгновение! Но быть растянутым на деревянных брусках и часами мучиться под лучами палящего солнца — одной мысли об этом было достаточно, чтобы привести в ужас даже храброго человека!

Поэтому Варавва с трудом переставлял ноги. Голова его кружилась, глаза слезились, в ушах гудело. В приближающемся вое разъяренной толпы он расслышал свое имя.

Встревоженный, арестант стал заглядывать в лица солдат, но по их невозмутимым чертам не мог узнать свою участь. Сквозь бряцание оружия и шум шагов снова послышалось: «Варавва, Варавва!» Очевидно, жестокая толпа, как всегда, требовала казни. Для озверевшей толпы нет ничего приятнее агонии человека. Ничто не вызывает такого злорадного смеха, как отчаяние и страх жертвы, приговоренной к мучительной, медленной казни на кресте!

От этой мысли крупные капли пота выступили на лбу арестанта. Медленно двигаясь вперед, он молча молил о внезапной смерти. Но ему предстояло быть объектом насмешек толпы, ждущей чужой смерти как развлечения.

Все ближе становился гул, прерываемый паузами молчания, и во время одного такого затишья путешествие подошло к концу.

Арестант и стражники оказались в огромном зале, разделенном на два квадрата, один почти пустой, другой плотно заполненный людской массой, которую с трудом сдерживал от проникновения в просторную половину римский отряд с центурионом во главе.

Когда появился Варавва в окружении конвоя, ни один взгляд

любопытства или участия не обратился к нему. Внимание народа привлекал другой Узник, Какого еще не бывало в человеческом судилище. Допрашивали такого Обвиняемого, Который никогда не давал ответа смертному человеку...

С чувством облегчения Варавва начал сознавать, что, пожалуй, его страхи были напрасными. Никто не требовал его казни. Заразившись всеобщим напряженным любопытством, он, насколько мог, вытянул шею, чтобы лучше следить за происходящим.

Под роскошным судейским балдахином восседали члены синедриона. Некоторых из них Варавва знал: первосвященника Каиафу и его родственника, тоже первосвященника, Анну. Но среди высокопоставленных лиц он с удивлением увидел маленького, худенького, сморщенного менялу, известного всем в Иерусалиме и всеми проклятого за бессовестное ростовщичество и жестокость.

«Как сюда попал этот подлец?» — подумал Варавва.

Потом его глаза остановились на человеке, чье строгое лицо не раз являлось ему в тюрьме. Понтий Пилат, наместник римского цезаря, суровый посредник между жизнью и смертью, выглядел бледным и очень усталым. Черты лица его застыли, но рука теребила осыпанную драгоценными камнями печать, висевшую на груди; под низко спадавшими складками судейской мантии одна нога в сандалиии нетерпеливо постукивала по полу.

Хотя сегодня Пилат больше походил на грустного вельможу, чем на жестокого тирана, все же строгий профиль и твердость поджатых тонких губ прокуратора не предвещали никакого мягкосердечия.

Пока Варавва размышлял об этом, страшный крик вдруг потряс воздух:

— Распни! Распни Его!

Варавва вздрогнул. Чью жизнь так яростно просили? Не его ли? Нет, толпа его по-прежнему не замечала. Все взгляды были обращены в другую сторону. Вытянувшись всем телом в том же направлении, Варавва в восторженном удивлении затаил дыхание.

Все величие, все великолепие ясного дня, весь свет, льющийся из огромных окон, сосредоточились в облике второго Узника. Такой лучезарности, такой силы, такого сочетания совершенной красоты и могущества Варавва никогда не встречал, да и не думал, что такое

возможно. Он смотрел так, словно его душа превратилась в одно чувство зрения. Он прошептал: «Кто этот Человек?» Никто ему не ответил. Варавва не сводил глаз с Божественного Существа, стоявшего молча, с видом покорности закону, с легкой таинственной улыбкой на губах и смирением ожидая того приговора, который Он Сам постановил. Освещаемый солнцем, Он был спокоен, как мраморная статуя. Белые одежды, падая назад с плеч ровными, красивыми складками, открывали руки, скрещенные на груди, и в это позу видна были загадочная, непреодолимая сила Узника. Величие, власть, неоспоримое превосходство — все это торжествовало в чудном и несравненном Образе.

Крики толпы возобновились с еще большей яростью:

— Распни Его!

Далеко, в самых последних рядах, выделялся женский голос, серебристый и звонкий. Этот сильный, красивый звук еще больше подстегнул азарт разъяренных людей. Поднялась суматоха. Крик, вой, свист.

Пилат сердито и повелительно встал и повернулся к народу. Когда он поднял руку, гул понемногу смягчился, постепенно замирая. Но прежде чем воцарилась полная тишина, тот самый юный, сладкий, мелодичный голос, теперь с веселой ноткой прозвенел еще раз:

— Распни! Распни Его!

Задорный смех горячей волной окатил сердце Вараввы: его он слышал раньше, при других обстоятельствах...

— Скажите, какое зло Он совершил?

Вопрос прокуратора и реакция на него толпы отвлекли Варавву от приятных воспоминаний.

Стены судилища затряслись от страшного воя, насмешек, громового, звериного бешенства. Мужчины, женщины, дети — все принимали участие в этом хоре. К ним присоединились первосвященники, старейшины и расположившиеся прямо на полу писцы.

Пилат резко повернулся и, сдвинув брови, окинул грозным взглядом высокий суд. Первосвященник Каиафа, встретив этот взгляд, слащаво улыбнулся и мягко сказал, как бы делая приятное предложение:

— Распни Его!

— Действительно, хорошо бы Его казнить, — пробормотал Анна,

толстый родственник Каиафы, исподлобья глядя на Пилата, — Почтенный правитель будто колеблется. Но ведь этот изменник — далеко не друг цезаря.

Пилат не удостоил их ответом.

Он сел в свое кресло и стал пристально смотреть на Обвиняемого.

Какое зло Он совершил? Правильнее было бы спросить: какое зло Он мог совершить? Разве был хоть малейший признак греховности на этом открытом, красивом и мудром челе? Благодородство и правда запечатлелись в каждой черте молчаливого Узника. Кроме того, в Нем было нечто такое, что страшило Пилата, что-то невыговоренное, но бесспорно существующее — чрезвычайное величие, казалось, Его окружало и от Него исходило. И это тем более пугало, потому что было глубоко скрыто.

Пока взволнованный правитель изучал спокойную, величественную осанку Загадочного Обвиняемого, размышляя над тем, как лучше поступить, Варавва также пристально смотрел на Него, всё более чувствуя удивительное, волшебное очарование Человека, Которого народ хотел убить.

Любопытство придало Варавве храбрости, и он спросил одного из солдат:

— Скажи, пожалуйста, кто этот пленный Царь?

— Царь? — солдат захохотал. — Да, Он называет Себя Царем иудеев и за эту шутку поплатится жизнью... На самом деле Он сын столяра. Он поднял бунт и убеждал народ не подчиняться закону. Кроме того, Он вращается в среде закоренелых мошенников, воров, мытарей и грешников... Обладает искусством колдовства... Люди говорят, что Он может внезапно исчезнуть в тот момент, когда Его ищут. Но вчера Он даже не пытался скрыться. Его без труда схватили около Гефсимании. Один из Его учеников помог нам. Одни говорят, Назарей сумасшедший, другие — одержим дьяволом. Но как бы то ни было, Он сегодня умрет!

Варавва слушал, не веря. Этот царственный Человек — сын простого столяра?! Нет, это невозможно! Ему вдруг вспомнилось, что еще до его заключения ходили странные слухи, что некий Иисус творил чудеса, лечил больных и калек, возвращал зрение слепым, проповедовал бедным. Утверждали даже, что какого-то Лазаря, умершего и похороненного, Он спустя три дня воскресил из мертвых. Но эти слухи

опровергали фарисеи и книжники, заявляя, что чернь невежественна и суеверна, а Он, умея лечить тяжелые болезни, пользовался огромным влиянием среди народа в Своих целях.

Варавва не мог припомнить всего, что рассказывали об Иисусе. Полтора года проведенные в тюрьме, многое изгладили из памяти, тем более, что в своем жалком состоянии узник думал только о собственном несчастье и представлял образ любимой. Теперь же он не мог думать ни о чем другом, кроме как о судьбе Того, с Кого не сводил глаз. И пока Варавва так пристально вглядывался, ему показалось, что зал суда вдруг расширился и наполнился ярким, ослепительным сиянием, которое исходило от фигуры Иисуса. Крик изумления вырвался из груди Вараввы.

— Нет, нет! — забормотал он. — Вы не можете, не смеете распять Его! Он — Дух! Такого человека не может быть. Он — Бог!

Один из солдат больно ударил его по губам.

— Молчи, дурак!

Пытаясь скованными руками стереть хлынувшую кровь, Варавва вдруг почувствовал, что Иисус смотрит на него. Прежде никто не одаривал Варавву таким взглядом — жалость и нежность были в нем. Он всем телом подался вперед, чтобы быть ближе к Тому, Кто так необыкновенно мог смотреть на людей. Ему хотелось броситься к ногам этого нового Друга, чтобы своей грубой, животной силой защитить Его ото всех! Но частокол обнаженных копий не позволял и надеяться на подобное.

Один из книжников, высокий и худой, в темной одежде, встал и, раскручивая свиток пергамента, монотонно начал читать обвинение, наспех составленное еще накануне вечером в доме Каиафы. Тишина внимания и ожидания воцарилась в толпе.

Пилат слушал, нахмурившись и прикрыв рукой глаза. Во время пауз ясней становился шум улицы, веселый голосок поющего ребенка звучал радостным колокольчиком. Солнце, стремящееся к зениту, освещало то яркую, кокетливую повязку на женских волосах, то блестящие латы римского солдата, и только члены суда оставались в холодной тусклой белизне, а пурпурные занавеси, на фоне которых они восседали, казались украшением величественных похорон.

Чтение обвинительного заключения закончилось, а Пилат все

молчал. Наконец, убрав руку, которой прикрывал свои глаза, он окинул весь синедрион долгим, хмурым взглядом.

— Вы привели сюда этого Человека... В чем вы Его обвиняете?

Каиафа и Анна возмущенно переглянулись, после чего Каиафа с выражением глубоко оскорбленного достоинства и как бы даже с вызовом сказал:

— Все слышали обвинение, и вопрос почтенного правителя странен. Разве нужны еще свидетели? Если бы этот Человек не был злодеем, Его не привели бы сюда. Он богохульствовал. Вчера вечером во имя Всемогущего Бога мы спросили, Он ли Христос, Сын Вечно Благословенного, и Он смело ответил: «Я. И увидите Сына Человеческого, грядущего на облаке, с силой и славой великой». Разве Он не заслуживает смерти?

Шепоток одобрения пронесся среди священников и старейшин. Но Пилат сердито откинулся в своем кресле.

— Вы говорите притчами и только распространяете заблуждения. Обвиняемый сказал о Себе, что Он Сын Человеческий, а вовсе не Сын Божий...

Каиафа побагровел и хотел возразить, но, справившись с собой, продолжал с циничной улыбкой:

— Ты удивительно милостив, Пилат, твой государь не упрекнет тебя в слишком строгом правлении! По нашим законам, тот, кто богохульствует, подлежит смерти. Но если в твоих глазах богохульство не преступление, что ты скажешь об измене? Есть свидетели, которые клянутся, что Он подстрекал против платежа дани цезарю. К тому же Он лжец. Он надменно заявил, что разрушит святой храм, так что камня на камне не останется, и в три дня построит новый и больший храм! Такие сумасбродные речи возбуждают народ. Вдобавок Он обманывал чернь, делая вид, что творит чудеса, хотя это просто ловкие фокусы. Наконец, Он въехал в Иерусалим с торжественностью царя, — тут Каиафа обратился к Анне. — Ты, Анна, можешь рассказать об этом, ты был там, когда устроили это возмутительное шествие.

Анна выступил вперед, сжимая руки и с показной честностью опустив свои бесцветные, фальшивые глаза.

— Свидетельствую перед законом, что я сам видел, как народ встречал этого изменника на дороге из Вифании с приветственными

возгласами, устилая Его путь ветками пальм и маслин, даже своими одеждами, как перед всемирным победителем. Люди кричали: «Осанна! Благословен Грядущий во имя Господне. Осанна в вышних» Я был страшно удивлен и обеспокоен и сразу же пошел к Каиафе, чтобы рассказать ему про дикие, противозаконные действия толпы, про эту непристойную выходку черни — чествовать царскими почестями сына простого столяра из Назарета!

— Разве Он из Назарета? — спросил кто-то из старейшин. — Я слышал, что Он родился в Вифлееме Иудейском и что царь Ирод Великий будто бы узнал о различных чудесах, свершившихся при Его рождении...

— Это слухи, — торопливо заверил Анна. — Все знают, что Он из Назарета. Его родители живут там.

Пилат слушал молча.

Доводы Каиафы и Анны были обычным пустословием членов синедриона, которых он не любил. Он знал, что они искали только собственной выгоды и блюли лишь собственные интересы, а главная причина, почему они возненавидели Назарейского Пророка, был страх. Страх, что их власть поколеблется, их законы пошатнутся, и их авторитет в народе исчезнет.

Они видели, что этот Узник, кто бы Он ни был, думал самостоятельно. Для власть предержащих нет ничего более страшного, чем свобода мысли, свобода совести и презрение к общепринятому мнению.

Пилат сам чего-то боялся — не так, как иудейские священники, но все же...

Он старался не смотреть на Назаря, высокая фигура Которого, казалось, излучала сверхъестественный свет, контрастирующий с бледностью и холодностью судей. Не поднимая глаз, он напряженно думал, но решить ничего не мог. А время шло... Синедрион изъевлял нетерпение. Пилат чувствовал, что молчать больше нельзя, что надо говорить и действовать. Он медленно повернулся к Обвиняемому, Который тотчас поднял голову и встретил беспокойный взгляд прокуратора с великим терпением и бесконечной нежностью. Пилат задрожал, но, пересилив себя, громко произнес:

— Исус Назорей, Ты слышишь, в чем Тебя обвиняют?

Человек в белоснежной одежде медленно и с царственной свободой стал приближаться к Пилату. Яркие лучи солнца, падающие из высокого окна, подчеркивали бронзово-золотистый оттенок Его волос. Не отводя глаз от своего судьи, Он смиренно улыбался, заранее прощая ему еще не совершенное преступление. Но Он не произнес ни слова!

Пилат был в ужасе. Ледяной холод проник в его жилы. Он невольно встал и попятился, хватаясь за золоченую резьбу своего судейского кресла. Приближение Существа в белоснежном одеянии наполнило душу прокуратора безумным страхом. Ему вспомнились старые предания, в которых Божество, внезапно явившееся людям, уничтожало их одним дыханием вечного величия. Миг, который Пилат простоял рядом с Божественным Обвиняемым, показался ему вечностью. С поразительной ясностью перед ним мелькнуло все его прошлое, и, как темная туча на горизонте, возникло предчувствие чего-то неминуемого и ужасного в будущем.

Не сознавая что делает, прокуратор закрыл лицо руками, как бы защищаясь от жестокого и сильного удара. Члены синедриона с удивлением смотрели на этот животный страх, охвативший римского правителя. Один из старейшин — черноглазый хитрый старик быстро притиснулся к нему и, тронув за плечо, тихо сказал:

— Что с тобой, Пилат? Тебя хватил удар или ты сошел с ума? Прошу тебя, поспеши с приговором. Время идет, и на Пасху было бы неплохо исполнить волю народа. Что тебе этот преступник? Вели Его распять — Он изменник, называющий Себя царем. Но у нас нет иного царя, кроме цезаря. Спроси Его, правда ли, что Он хвастается Своей силой?

Пилат смотрел на непрошенного советчика, и ему казалось, что он видит скверный сон и злые духи нашептывают ему о непроизносимых преступлениях. Усталый и с похолодевшим сердцем, судья все же сознавал, что нужно продолжить допрос Узника. Облизав пересохшие губы, он спросил едва слышно:

— Ты ли Царь иудейский?

Сначала ответом было молчание. Потом голос, приятнее самой чарующей музыки, сказал спокойно:

— Ты говоришь от своего имени или так про Меня сказали?

Лицо Пилата покраснело, а руки судорожно ухватились за спинку стула. Он сделал нетерпеливый жест головой и резко ответил:

— Твой же народ и Твои первосвященники привели Тебя ко мне. Так что Ты сделал?

Внутренний свет ярче озарил глубокие, ясные глаза Назаря, таинственная улыбка еще явственней проступила на Его лице. Этим взглядом и этой улыбкой Он уже давал ответ, красноречивее всяких слов, который гласил: «Что Я сделал? Я пришел на землю к людям, чтобы сделать их жизнь сладкой и отнять у смерти ее горечь. Теперь есть надежда для всех, и рай для всех, и Бог для всех! И урок любви, Божественной и человеческой, воплощенной во Мне, осветит землю на веки вечные».

Но эти великие истины остались непровозглашенными, как слишком трудные пока для человеческого понимания.

Обвиняемый медленно ответил:

— Мое царство не от мира сего. Если бы оно было от мира сего, то Мои слуги дрались бы, чтобы не отдать Меня в ваши руки, но пока Мое царство не здесь.

И Он поднял голову и посмотрел на высокое окно, за которым сияло солнце. Вид Иисуса был проникнут таким величием и такой силой, что Пилат снова пошатнулся, потрясенный чувством неодолимого страха, сжимавшего его сердце.

Священники и старейшины, слегка подавшись вперед, внимательно слушали ответ Пленника. Иронически улыбаясь, Каиафа что-то сказал Анне.

Пилат неохотно продолжил допрос. Притворяясь спокойным и равнодушным, он спросил:

— Значит, Ты царь?

Божественный Узник бросил лучистый взгляд на тех, кто с таким судорожным нетерпением ждал, что Он скажет, и, спокойно и пристально глядя в глаза Пилата, ответил:

— Ты сказал.

И когда Он произнес эти слова, солнце озарило Божественное чело таким радужным сиянием, что, казалось, сами небеса венчали Иисуса.

Пилат молчал. Члены синедриона возмущенно шептались. Какие еще нужны доказательства? Он Сам произнес Себе приговор! Он признался в измене. Да будет Он предан смерти!

Солнечные блики скользили по белому одеянию Пленника, сливаясь

с ярким светом, исходящим от Него.

В глазах у Пилата помутилось, в висках тупо стучало и ломило. Он почувствовал беспредельную усталость. Красота Человека, Который стоял перед судом, была слишком впечатляюща, чтобы не оставить неизгладимого следа в душе прокуратора. Пилат понял, что, осудив Его на смерть, он совершает великое преступление, о последствиях которого страшно подумать. Он хорошо понимал, какую активную роль играли в происходящем первосвященники Каиафа и Анна, добившиеся привлечения Проповедника нового учения к суду; знал, как и с чьей помощью они достигли этого.

Один сумасбродный молодой человек — Иуда Искарот, сын богатого ростовщика, приятеля Каиафы, примкнул к ученикам Иисуса Назаря. Легко было догадаться, что недовольный внезапной приверженностью любимого чада какому-то Незнакомцу, старик по наущению первосвященника употребил весь свой родительский авторитет, чтобы убедить сына предать Учителя.

Повернувшись к совету, прокуратор спросил:

— Где Иуда?

Старейшины и священники беспокойно переглянулись, но ответа не дали.

— Вы мне говорили, что Иуда привел стражу к тому месту, где скрывался Назарянин, — медленно продолжал Пилат. — Активный участник поимки должен быть здесь. Я хочу знать, что он скажет про Человека, за Которым сначала следовал, а потом вдруг предал Его. Приведите Иуду ко мне!

Анна подобострастно согнулся:

— Молодой человек бежал из города. Он впал в какое-то буйное помешательство. Вчера поздно ночью он явился к нам, громко оплакивал свои грехи и хотел вернуть те серебряные монеты, которыми ему оплатили оказанные услуги. Мы старались успокоить его, но он с бешенством бросил перед нами деньги и исчез.

— Странно, — сказал Пилат.

Отсутствие Искариота было ему крайне неприятно. Ему очень хотелось узнать, почему этот юноша внезапно изменил своему Учителю, но теперь, когда это оказалось невозможным, прокуратор почувствовал себя еще более угнетенным. Его окутал глубокий мрак, в

нем он различал большие огненные круги, которые, постепенно уменьшались, стягивали голову горячим обручем. Это ощущение все усиливалось, мешая дышать и смотреть — хотелось куда-то бежать и громко кричать, чтобы избавиться от этого кошмара. Но вдруг невыносимое страдание прекратилось, словно чье-то свежее дыхание коснулось пылающего лба прокуратора. Подняв глаза, он увидел, что кроткий взор Обвиняемого устремлен на него с выражением такой бесконечной нежности, любви и милосердия, что ему вдруг открылся смысл новой жизни и безграничного счастья, путь его прояснился.

Обращаясь к первосвященникам и старейшинам, Пилат твердо и решительно произнес:

— Я не нахожу вины в этом Человеке. Оставив напускную сдержанность, Каиафа вскочил и яростно закричал:

— Ты с ума сошел, Пилат! Назорей возмущает народ, учит везде, что...

Анна, вытягивая свою длинную худую шею, торопливо перебил зятя:

— Он водит знакомство с одними только мытарями и грешниками, а всем благочестивым открыто обещает ад. Здесь присутствует раввин Миха, который слышал все это. Говори, Миха! Правителю мало наших показаний, чтобы вынести приговор этому мошеннику и богохульнику!

Старый раввин с темным сморщенным лицом и жестокими глазами не медля встал и вынул из-за пазухи несколько воощенных дощечек.

— Эти слова записаны мною — я своими ушами слышал их в храме. Молодой фанатик не стеснялся проповедовать свои вредные теории даже в местах, отведенных для молитв. Посудите сами, разве Его слова не дышат ненавистью?

И, поднеся дощечки к самым глазам, он стал медленно читать:

— Горе вам, книжники и фарисеи, что затворяете царство небесное — сами не входите и желающих войти не пускаете. Горе вам, книжники и фарисеи, что поедаете имущество вдов и лицемерно долго молитесь; за это примете тем большее осуждение. Горе вам, книжники и фарисеи, что обходите море и сушу, дабы обратить хоть одного, а когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас. Горе вам, вожди слепые, говорящие: если кто клянется храмом, то ничего, а если кто клянется золотом храма, то повинен. Безумные! Что больше —

золото или храм, освящающий золото? Горе вам, книжники и фарисеи, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей и всякой нечистоты. Порождения змия, ехидны, как избежите вы осуждения? — тут Миха остановился и, победно взглянув на окружающих, заметил все тем же монотонным голосом. — Воистину, для того, кто всячески старается внушить народу, что Он кроток и миролюбив, эти слова достаточно резки и полны злобы ко всем представителям порядка и закона! В них мало кротости, зато много самолюбия и досады!

Легкая улыбка скользнула по лицу Пилата. В душе он преклонялся перед смелостью Человека, который не побоялся обличить ложь и лицемерие в самом храме — там, где они более всего торжествовали.

— Говорю тебе, Миха, тебе, Каиафа, и тебе тоже, Анна, — произнес прокуратор решительно. — Никакой вины в Нем я не нахожу.

— Выслушай меня, почтенный Пилат! — раздался дребезжащий, дряхлый голос, принадлежащий маленькой, уродливой фигуре старого ростовщика. — Выслушай, прошу тебя! — сказал он с нескрываемым волнением. — Разве ты поставлен здесь не для того, чтобы соблюдать справедливость и защищать обнаженных и угнетенных? Говорю тебе, великий прокуратор, этот Человек — злоумышленник, лжец и изменник!

Тут старый негодяй остановился, чтобы набрать побольше воздуха, так как задыхался от переполнявшей его ярости.

— Этот лживый Пророк два дня тому назад вошел в храм и, увидев меня на обычном месте, — а ты знаешь, благородный Пилат, я бедный, честный человек, — как сумасшедший набросился на меня и, схватив твердой рукой, стал сечь веревочным кнутом! Он меня высек! — взвизгнул ростовщик. — И выгнал из святого места! Его уста были полны богохульства и проклятий. Он сказал: «Мой дом это дом молитвы, а вы из него сделали разбойничий вертеп!» Ты понимаешь, Пилат?! Он назвал Своим храм, так же как объявил Себя Царем Иудеев. Распни Его, почтенный правитель! Распни во имя Бога! И высеки! Пусть гордая и порочная кровь Назарея течет потоками из Его жил...

Пилат холодно улыбнулся.

— Захарий, ты поведал мне о хорошем поступке этого Человека. Ты давно заслуживал розги, и теперь, когда ты наказан, многие из твоих

несчастливых жертв в Иерусалиме возрадуются!

Смех раздался в совете, но быстро умолк под сердитым взглядом первосвященника Каиафы.

Захарий отошел, гневно бормоча, а Пилат спокойно продолжал:

— Более чем когда-либо я убежден, что нет вины в этом Проповеднике и Защитнике бедных и нет причины Его казнить, а потому, по обычаю Пасхи, я Его отпускаю.

— Народ тебя растерзает за такое необдуманное решение! — горячо воскликнул Каиафа. — Невинный человек, занимавшийся своим ремеслом, публично высечен, а ты, правитель Иудеи, не находишь нужным это прекратить?! Ты не друг цезаря, если отпустишь Виновника этого злодеяния! Кроме того, народ хочет освобождения Вараввы, который совершил преступление по неосторожности. Он сюда приведен по моему приказанию и ждет освобождения.

— И напрасно! — резко сказал Пилат. — Клянусь всеми богами Рима, он будет распят! Свободу Варавве?! Видно, у вас совсем нет памяти! Разве не он поднял бунт против римского правления? Не он проповедовал гораздо худшие вещи, чем этот невинный Назарянин? Наконец, разве не он убил одного из ваших фарисеев — Габриаса, человека ученого и знатного? Вы из зависти хотите уничтожить благородную жизнь и сохранить подлую! Вы подговорили народ! Но теперь я сам обращусь к нему и возвращу ему Того, Кого он называет Царем Иудеев!

И, встав со своего кресла, Пилат стал спускаться с возвышения, на котором размещались члены суда. Каиафа хотел было ему помешать, но Пилат отстранил его, и первосвященник сидел смущенный, скрывая бешенство. Его белые руки были стиснуты до боли, украшение на груди быстро поднималось и опускалось в такт учащенному дыханию. Его тесть Анна тоже был совершенно уничтожен решением правителя и неподвижно смотрел в одну точку.

Зато Захарий, давая волю своим чувствам, раскидывал руки и бил себя в грудь:

— Нет больше справедливости в Иерусалиме! Горе, горе детям Авраама, попираемым железным каблуком Рима! Горе нам, рабам языческого тирана и притеснителя!

И в то время как тот восклицал и раскачивался своим худым,

безобразным телом, Божественный Узник вдруг пристально на него посмотрел. Быстрая перемена произошла в поведении ростовщика: он перестал кричать и съежился, но все-таки шепотом продолжал произносить проклятия.

Исус следил за ним, и благородный гнев ненадолго омрачил ясность Его чела, но тень справедливого негодования исчезла быстрее, чем появилась. Его лицо опять приняло выражение смиренного спокойствия и терпения, Божественные глаза еще пристальнее стали смотреть вверх, как бы ища поддержки в великолепии яркого солнечного света.

Между тем к Пилату подошел старик с белой бородой, всеми уважаемый член синедриона, и обратился спокойно и сдержанно.

— Верь мне, Пилат, ты не совсем благоразумен в этом деле. Из-за одного человека ты хочешь обидеть и народ, и первосвященников. Даже такой; бунтовщик и разбойник, как Варавва, менее опасен для общества, чем этот молодой Проповедник нового учения, Который, пользуясь Своей красотой и физической силой, пытается заставить тебя отменить исполнение закона. Много таких к нам приходит из Египта, своими фокусами и красноречием они покоряют народ, заставляя простодушных верить в свои сверхъестественные силы. Но даже самые опасные мятежники не заходили так далеко, как этот Назарянин. Ведь Он собирал вокруг Себя всю сквернейшую чернь Иудеи и обещал ей одной рай. Он объявил, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому человеку войти в Царство Божие! Своим нелепым учением Он прямо доказывает, что даже великий цезарь не избегнет вечного ада! Если такие понятия распространятся в Иудее и что еще хуже — по другим провинциям и даже в Риме — то твой государь тебя же обвинит за слишком большую снисходительность. Берегись, добрый Пилат! Милосердие тебе очень к лицу, но как бы оно не вытеснило разум.

Прокуратор слушал поучение с явным нетерпением. Его прямые брови от раздражения сошлись в одну линию. Он запальчиво сказал:

— Возьмите Его и судите по своему закону.

— Мы не имеем права приговаривать кого-либо к смерти, — вступил в разговор Каиафа. — Ты поставлен над нами цезарем, и к тебе мы обязаны обратиться за правосудием.

Толпа вдруг зашевелилась, нехотя раздвигаясь, чтобы дать пройти

новому пришельцу — худенькому черноглазому юноше в бледно-голубом плаще. В молодом человеке, настойчиво пробирающемся сквозь толпу, Пилат узнал слугу своей жены, но не мог понять, что привело его сюда.

Подойдя к возвышению, посланец преклонил колени и подал прокуратору свиток. Пилат быстро взял его и, прочитав, изменился в лице. Вот что сообщала ему жена, одна из красивейших женщин Рима, гордая и бесстрашная Юстиция, питавшая самое глубокое презрение ко всем и всяческим обычаям и предрассудкам:

«Не делай ничего этому Праведнику, я сегодня во сне много пострадала за Него».

Отпустив слугу, правитель Иудеи нервно скомкал письмо и задумался.

Глава IV

Если бы Пилат бесконечно мог продолжать свои размышления, ему это было бы приятно.

Что-то загадочное, необъяснимое волновало его, превращая наделенного немалой властью наместника владыки мира, как называли римского императора подданные, в слабую человеческую щепку, не способную ни управлять собой, ни приказывать другим. Пилат чувствовал себя вдруг состарившимся, словно десятки лет каким-то чудом молниеносно пронесли над ним с тех пор, как он увидел необычного Узника. Это внезапное внутреннее старческое бессилие лишало его способности действовать, замораживало кровь в жилах. Пилат сознавал, что все члены синедриона удивлены его нерешительностью и промедлением в деле, по их мнению, самом обыкновенном. Но для Пилата оно было великим и страшно трудным.

Наконец он с усилием встал и, подобрав многочисленные складки роскошной тоги, снова приготовился сойти с судейского возвышения. Почти умоляющим жестом он дал знак Обвиняемому следовать за ним, и Тот смиренно пошел за своим судьей. За ними тронулись первосвященники и старейшины, что-то шепча и качая головами по поводу странного поведения прокуратора. Позади тащился кривой ростовщик Захарий, опирающийся на толстую золоченую трость, украшенную драгоценными камнями. Этот роскошный предмет странно

контрастировал с убожеством и грязью его нищенской одежды. Одобрительные возгласы слышались из толпы: наконец-то так долго ожидаемый приговор будет провозглашен!

Подойдя к решетке, отделяющей суд от народа, Пилат остановился. Повышая голос, чтобы его могли услышать последние ряды, он произнес, указывая на стоящего чуть позади Иисуса:

— Вот ваш Царь!

Дикий смех и свист грянули в ответ. Каиафа ехидно улыбнулся, а Анна весь затрясся, сдерживая смех, Пилат глянул на них, как патриций смотрит на плебс, — с безграничным презрением. Он ненавидел иудейских священников со всеми их догмами и обрядами и вовсе этого не скрывал. Подняв руку, чтобы восстановить тишину, прокуратор снова обратился к ярящейся толпе:

— Я при вас допрашивал этого Человека и никакой вины, достойной смерти, не нахожу в Нем! У вас есть обычай, по которому я должен отпустить одного узника ради праздника Пасхи. Хотите, чтобы я отпустил вам «Царя иудеев»?

Гул единодушного отрицания покрыл его голос.

— Нет, Этого нам не надо!

— Отпусти нам Варавву!

— Варавву! Варавву!

Пилат понял, что он обманут. Толпа, вероятно, была подготовлена первосвященниками и настойчиво требовала освободить известного разбойника вместо невинного человека; она имела полное право требовать, что ей угодно... единственный раз в году, в праздник Пасхи.

Раздосадованный, Пилат вздохнул и стал смотреть в первые ряды, словно отыскивая кого-то в толпе.

— Где Варавва? — сказал он нехотя.

Варавву вытолкнули вперед. Пилат смотрел на него негодуя. Варавва неожиданно ответил презрительным взглядом.

Он, долго представлявший себе эту встречу и боявшийся ее, вдруг душой восстал против «римского тирана», как недовольные иудеи прозвали Пилата; гордость и возмущение будоражили бунтарскую кровь. Если бы не удивительно лучезарный Облик Человека, Который с царственным спокойствием воспринимал происходящее, он ударил бы судью связанными руками.

Но он не сделал этого, хотя глаза его метали молнии, темная голая грудь бурно дышала, и весь он казался воплощением сильного, первобытного, необузданного человечества.

Рядом с ним стоял великий Образец, выразитель совершенного, одухотворенного человека, чья натура сродни Богу, и которого из-за этого родства присуждали к позорной казни на кресте.

Дерзко глядя на Пилата, Варавва подумал о том, что если по воле народа его действительно освободят, он станет убеждать толпу быть милосердными к этому необычному Человеку, Который оказал на его темную, истерзанную душу какое-то волшебное влияние.

Размышления эти были прерваны резким вопросом Пилата:

— Итак, ты убил фарисея Габриаса? Варавва усмехнулся:

— Да. И сделал бы то же самое, если б в городе нашелся еще один такой же подлый лжец! Пилат повернулся к членам синедриона:

— Слышите, что он говорит? И этого убийцу вы хотите освободить? Он даже не раскаивается в своем преступлении! Разве он заслуживает прощения?

Каиафа, несколько озадаченный, ненадолго опустил глаза, потом поднял их, придав своему длинному лицу выражение сдержанности и милосердия.

— Добрый Пилат, ты не знаешь правды в этом деле. Варавва действительно виновен, но в его преступлении есть смягчающие обстоятельства. Мы научим его, как лучше искупить свое преступление перед Всевышним. А несчастный Габриас, хоть и был знатен и учен, но имел очень злой язык и оклеветал добродетельную девушку, которую Варавва любил.

Пилат надменно поднял брови.

— Твои слова отдают женской сплетней. Ведь не один Габриас злоязычен! Убийство есть убийство, грабеж остается грабежом, какие бы мотивы не побудили к этим преступлениям. Варавва — убийца!

И снова обращаясь к толпе, он повторил:

— Кого отпустить вам — Варавву или Иисуса, называемого Христом? Народ выдохнул:

— Варавву! Варавву!

Пилат негодуяще взмахнул рукой и через плечо посмотрел на Назарянина, погруженного в глубокое и, видимо, приятное

размышление, так как Он улыбался.

— Какую же участь определить Тому, Кого вы называете Царем иудейским? — еще раз обратился к народу Пилат.

— Распни! Распни Его!

Ответ был дан в страстном нетерпении, и, как и раньше, выделялся в хоре серебристый женский голос.

Варавва вздрогнул, как конь от удара шпор, С хищным блеском в глазах он искал в беснующейся толпе прекрасное лицо, которое так страстно хотел и боялся видеть. Но опять, покоряясь неосознанному порыву, он направил свой взгляд к месту, где солнечные лучи окружали сиянием Того, Кого Пилат называл Христом. Кому предназначалась глубокая любовь, озарявшая этот чудный Лик? Какое невысказанное слово дрожало на этих божественных устах? Варавве вдруг, показалось, что вся его жизнь, со всеми тайнами, лежала открытой перед мягким пронизательным взором, с такой заботливостью устремленным на него. И смерти такого необыкновенного Человека требовал бесконечно дорогой ему голос?!

— Нет! Нет! — забормотал Варавва, волнуясь. — Это не она! Не могла она так говорить! Она не может желать чьей-нибудь пытки!

— О, народ Иерусалима! — уже громко произнес он, повернувшись к толпе. — Зачем вы, требуете смерти этого Пророка? Он никого не убил, ничего ни у кого не украл. Он лечил ваши болезни, разделял ваши горести, совершал чудеса для вас. И за это вы хотите Его казнить?! Где же справедливость? Это я, я достоин наказания. Я, убивший Габриаса и радующийся этому злодеянию! Я, проливший чужую кровь и нераскаявшийся, заслуживаю смерти, а этот Человек невинен!

Послышались смех, рукоплескания, крики:

— Варавва, Варавва! Отдайте нам Варавву!

— Заткните ему глотку! — кричал Анна. — Он сошел с ума!

— Сумасшедшего или нет, вы сами выбрали его для жизни, — спокойно заметил Пилат. — Но, может быть, теперь вы от него откажетесь, так как он оказался защитником несчастного Назарянина.

Пока он говорил, грозная толпа качнулась к решетке. Солдаты, стоявшие в оцеплении, едва устояли от этого движения. Тысячи рук тянулись к неподвижной фигуре Христа.

— Распни! Распни Его!

Пилат шагнул вперед и гневно спросил:

— Распятъ вашего Царя?

Десятки сотен голосов ему ответили:

— Нет у нас царя, кроме цезаря!

— Своей нерешимостью, Пилат, ты добьешься бунта в городе, — сказал Каиафа с упреком. — Толпа уже неуправляема.

Высокий человек с седой головой, украшенной красным тюрбаном, кричал из толпы:

— По нашему закону Он должен умереть, потому что называл Себя Сыном Божиим!

Пилата словно ударили: Сын Божий!

Когда об этом говорил Каиафа, Пилат слушал его с презрением, зная, что первосвященник не остановится ни перед какой ложью, если она ему выгодна; но теперь, когда и в народе выдвинули это обвинение, оставить его без внимания было нельзя. Богохульство у иудеев считалось самым тяжким преступлением. Хотя сам Пилат, как римлянин, смотрел на это гораздо снисходительнее. Римские боги были так смешны, так похожи на людей своими преступными страстями, что почти не было причин ставить их выше человечества. Любой воин, удостоившись славы, мог смело утверждать, что он — сын Бога, нисколько не оскорбляя этим религиозных чувств соотечественников. А в таинственной стране, орошаемой ленивым Нилом, разве не поклонялись Озирису — богу, принявшему человеческий облик? Идея облечь божество в смертную внешность весьма популярна. Что же удивительного в том, что молодой философ из Назарета, увлекшись, присоединился к общечеловеческим преданиям?

Несколько успокоенный воспоминаниями о традициях различных верований и своими размышлениями, Пилат дал знак обвиняемому приблизиться.

Пленник подошел почти вплотную, и Пилат смотрел на Него с новым любопытством. Потом дружелюбным тоном спросил:

— Откуда Ты?

Ответа не было. Только взгляд. Но в этом величественном взгляде заключалась сила, как в грозовой туче. Страшная тоска и предчувствие чего-то ужасного, неминуемого снова стиснули сердце прокуратора. Ему хотелось кричать, дать выход внутреннему напряжению, высказать

всем — первосвященникам, старейшинам, народу, как он страдает, как тягостны ему судейские обязанности... Но слова умирали в горле, отчаянное чувство безнадежности и бессилия сковали его волю.

— Почему Ты молчишь? — произнес он хриплым, тихим голосом. — Разве не знаешь, что я имею власть распять Тебя или отпустить?

Большие лучистые глаза смотрели на прокуратора с жалостью. Христос сказал:

— Ты не имел бы надо Мной никакой власти, если бы это не было дано тебе свыше. Поэтому больше греха на том, кто предал Меня тебе.

Всевидящий взор передвинулся на Каиафу, который при этом отшатнулся, как от пламени.

Находясь под впечатлением величия, власти и бесстрашия этого Узника, Пилат снова стал припоминать различные легенды об изгнанных монархах, бродящих по всему миру, проповедующих — мистические учения Востока и обладающих чудесным даром врачевания.

А вдруг этот так непохожий на иудея Узник, несмотря на разговоры о Его плебейском происхождении, и был одним из развенчанных царей? Эта идея увлекла Пилата, и он спросил:

— Ты — Царь?

Он вложил в эти слова особенную интонацию, намекающую Пленнику, что если это так, то освобождение еще возможно. Но Назарянин устало вздохнул:

— Ты говоришь, что Я — царь.

И с чувством сострадания к своему судье добавил:

— Я родился и пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине. Всякий, кто от истины, слушает голос Мой.

И вдруг Пилата осенило. Это никакой не изменник, не преступник, не царь, а просто сумасшедший! Тот, кто хотел свидетельствовать об истине в этом мире, полном лжи и лицемерия, был болен! Разве ложь не существовала всегда? Разве не будет она вечной? Разве афинянин Сократ 500 лет назад не был убит потому, что провозглашал истину?

Хорошо знакомый с греческой и римской философией, Пилат знал, что в любом обществе всегда преследовали тех, кто открыто говорил, что думал.

С отчаянием глянув на Обвиняемого и обвинителей, он решился сделать то, от чего вся душа его содрогалась. Поманив к себе одного из служителей, Пилат дал ему какое-то приказание.

Тот удалился и быстро вернулся с большой серебряной чашей, наполненной водой. Тогда правитель встал и направился к толпе. Служитель нес за ним чашу.

Народ недоумевая, но зорко, словно хищник за жертвой, следил за непонятными действиями правителя. А он, завернув до самых локтей золотом расшитые рукава, высоко поднял руку так, что все перстни заискрились в лучах солнца, медленно погрузил ладони в воду и, затем протянув их к народу, резким, громким голосом произнес:

— Не виновен я в крови этого Праведника: смотрите!

Толпа взвыла. Она поняла и принимала вызов. Римский судья публично снимал с себя всякую ответственность за происходящее — да будет так! Они же, избранники Бога, дети Израиля, с восторгом ухватились за великолепный случай казнить Невинного.

Послышался оглушительный крик:

— Кровь Его на нас и детях наших!

Глава V

Невежественная, бессердечная толпа не обладала ни справедливостью, ни милосердием; как капризная, вздорная женщина, она требовала исполнить ее прихоть.

Пилат понял, что если он рискнет продолжать защиту Обвиняемого, пыл толпы перельется через край и дело кончится беспорядками.

Видя, что Пилат смирился с неизбежностью, Каиафа облегченно вздохнул: колебания прекратились; Иисуса из Назарета казнят. И он радостно стал нашептывать что-то своему тестю Анне, который, слушая его, удовлетворенно потирал руки и поднимал глаза для благодарственной молитвы в честь избавления святого города от опасного человека.

— Он умрет, — шептал Каиафа, — и о Нем скоро забудут. Его немногочисленных учеников будут презирать, Его безумное учение будет осмеяно. А мы уж проследим за тем, чтобы Его рождение, учение и смерть не были упомянуты в летописях... Уличный бродяга! Проповедник рая для черни! Его имя будет забыто!

— Конечно, конечно, — соглашался Анна. — Ты, Каиафа, слишком много значения придавал бредням Назарянина. Многие самоуверенные философы, глупые поэты и проповедники типа этого надеются на то, что если их не признают современники, они станут известными потомкам. Но напрасно! История не сохранит Его имени, никто не будет знать, что Он существовал!

Каиафа холодно улыбнулся и прибавил:

— Его ученики неграмотны, а наши книжники запишут то, что мы им прикажем.

Этот разговор был слышен ростовщику Захарию, и он одобрительно кивал головой. Смертный приговор, вынесенный ненавистному Назарянину, изгнавшему его из храма, как бальзам действовал на душу скряги.

Хотя Пилат омовением рук показал всем присутствующим свою непричастность к преступлению, он с лихорадочной быстротой и чувством омерзения все же продолжал исполнять свои обязанности правителя. На его лице то полыхали яркие краски стыда, то мертвенной бледностью проявлял себя страх. Он избегал смотреть на Осужденного.

По приказу Пилата двадцать солдат с обнаженным оружием окружили Приговоренного к казни, Который так же молчаливо и неподвижно стоял в ярких солнечных лучах. Охранники — грубые мужланы — издевались над Ним. Он же словно не замечал этого.

В то время как охрана Иисуса умножилась, Варавву, наоборот, оставили одного. Офицер подошел и снял оковы с отекавших рук. Они с грохотом упали на каменный пол. Этот звук возбуждающе подействовал на толпу, и все принялись восторженно кричать:

— Варавва!

— Радуйся, Варавва!

А он ошалело смотрел на сброшенные наручники, восемнадцать месяцев день и ночь, обвивавшие его запястья, причинявшие боль. Он поднимал руки, водил ими в воздухе, трогал себя и удивлялся быстроте и легкости собственных движений. Но восхищения свободой, о которой он столько мечтал, не было.

— Не прикажешь ли ты, Пилат, надеть эти браслеты Назарею? — слышался вкрадчивый голос Каиафы. — Когда Его поведут на казнь, Он может взбунтоваться.

Пилат нахмурился.

— Для чего? Разве Он сопротивлялся при аресте? Разве сейчас Он оспаривает приговор? Он молчаливо покорился судьбе, предписанной вами. Зачем же вязать Его?

Тут взгляд прокуратора скользнул по Варавве.

— Чего ты ждешь, негодяй? Вон отсюда! Народ тебя освободил, чтобы ты мог убивать и грабить дальше.

Варавва вздрогнул, его темное лицо налилось кровью. Эти слова его глубоко задели, но он не возражал. Он словно прилип к месту и не мог оторвать взгляда, полного раскаяния и тоски, от Лица Того, Кто вместо него был приговорен к смерти. Ему вдруг показалось, что мягкий свет окружил голову Назарея; бледное туманное кольцо становилось все ярче и ярче. Он испуганно огляделся: видят ли остальные это чудо. Неужели Пилат, священники, солдаты, народ слепы к тому, что так ясно видит он сам?

— Ты что, не слышал приказа правителя? Убирайся! И не подходи близко к дому Искарриотов!

Этот наказ Каиафы, произнесенный сердитым шепотом, отвлек Варавву от созерцания чуда и вызвал в нем раздражение. Сияние над головой Назарейского Пророка исчезло. Окинув презрительным взглядом судилище, Варавва гордо выпрямился и быстрыми шагами пошел от решетки в ту часть зала, где помещался народ.

Его приняли как победителя. Мужчины обнимали его, женщины со смехом целовали, маленькие дети прыгали, визжа от радости, которой они заразились от взрослых. Сияя восторгом, хорошо одетый человек снял с своих плеч богатый плащ и, прослезившись от умиления, накинул его на освобожденного узника.

Толпа торжествовала. Ее слово и воля даровали свободу арестанту. Убийцу приветствовали ликующими возгласами, словно входящего на престол царя.

Задохнувшийся от поцелуев и объятий, закутанный в дорогой плащ, которым его наградил человеколюбивый незнакомец, Варавва придумывал способ избавиться от бурных лобзаний. Зная цену таким проявлениям дружбы, он был утомлен и раздражен. Толпа ему была интересна лишь тем, что в ней он искал лицо, которое было для него олицетворением счастья.

Вдруг кто-то крикнул:

— Смотрите, Назарея бьют!

Толпа дружно хлынула за новым зрелищем. Становясь на цыпочки, вытягивая шею, люди старались разглядеть, как это происходило. Мужчины высоко поднимали детей. Варавва, притиснутый толпой, очутился у самой решетки и видел все.

Плотно окружив Назарея, солдаты грубо срывали с Него одежды, а Он смиренно сносил удары. Офицер подал Пилату плеть, свитую из длинных, связанных в узлы веревок, с острыми гвоздями. Одна из обязанностей правителя состояла в том, чтобы собственноручно наказывать приговоренного к смерти преступника, но тот, кто должен выполнить эту работу, дрожал всем телом и отстраняя варварское орудие пытки, отрицательно тряс головой. Зрители недоуменно переглядывались: почему прокуратор медлит? Человек из Назарета, на обнаженных плечах Которого играл солнечный свет, с глубокой жалостью смотрел на своего несчастного палача. — Ты уклоняешься от своих обязанностей, Пилат! — прозвучал негодующий голос первосвященника Каиафы. — Время дорого. Исполни, наконец, свой долг — бей!

Глава VI

Прокуратор, затравленно озираясь, все не решался ударить. Лицо его было безжизненным, и в своем богатом одеянии он казался мертвецом, приготовленным для погребения. О, если бы боль в его сердце усилилась так, чтобы, потеряв сознание, он мог избавиться от ужасной необходимости бичевать это царственное смирение, это олицетворенное терпение! Но жизнь, хотя и причиняла ему жестокие страдания, отказывалась его покинуть, и народ, которым он управлял, требовал от него полного исполнения обязанностей. Прокуратор протянул руку и, взяв плеть, спотыкаясь, медленно подошел к Осужденному.

Не в его власти было отменить закон, он — несчастное орудие судьбы. С глубоким отвращением к себе самому и к тому, что должен был совершить, он отвел глаза.

Бич тяжело и с жгучим шипением ударил по телу, и опять поднялся, и опять опустился... Кровь оросила мраморный пол.

Но Божественный Страдалец не произнес ни звука, не издал ни

вздоха боли. Никакой пророческий голос не провозгласил истину: «Он был ранен ради наших прегрешений, и Его ранами мы исцелены».

Странное для такой шумной оравы молчание царило в толпе, с любопытством следившей за исполнением наказания. Но когда острый железный гвоздь вцепился в золото волос Узника, послышался истерический женский плач. Он отвлек Пилата от страшного дела, и пытка приостановилась.

— Еще, еще, благородный правитель! — раздался резкий, надтреснутый голос ростовщика Захария. — Твои удары могут повредить лишь ребенку! Он бил других, теперь пусть Сам попробует кнута. Он еще ни разу не крикнул. Он еще не ощутил боли. Бей еще, превосходный Пилат, справедливость того требует! Он бичевал меня, старого, честного человека, пусть испытает плеть на Себе, а то умрет не раскаявшись! Пусть твои удары будут сильнее!

Он выкрикивал это, яростно жестикулируя. Вдруг роскошная трость выпала из его рук и упала на мраморный пол; огромная жемчужина выскочила из оправы. С отчаянным криком старик упал на колени и стал шарить по полу своими когтистыми пальцами, ощупывая каждую щель и умоляя помочь ему.

Угрюмая улыбка появилась на многих лицах, но никто не пошевелился. Горько рыдая, совсем потеряв человеческий облик, старый ростовщик ползал на четвереньках по полу здания.

Пилата позабавило поведение Захария, он рассмеялся и далеко откинул от себя окровавленный кнут.

— Почему ты так быстро закончил бичевание, Пилат? — вкрадчиво спросил Каиафа.

Глаза Пилата загорелись бешенством.

— Не раздражай меня! Я сделал свою проклятую работу.

Каиафа отпрянул. В выражении лица правителя Иудеи было нечто такое, что заставило первосвященника утратить прежнее хладнокровие. Он испугался. Но, быстро придя в себя, он сделал знак центуриону, что бичевание закончено.

Охрана тесно окружила Приговоренного и через специальную дверь стала выводить Его на улицу, чтобы конвоировать к месту казни.

Пилат спрятался от взоров толпы за мраморную колонну и, прислонившись к этой холодной опоре, старался понять причину

ужасного переживания, которое испытывал. Казнь Пророка, назначенная сегодня в Иерусалиме, казалась ему самым великим преступлением во всем мире и во все века. Он вынул из складок тоги письмо жены и прочел: «Не делай ничего этому Праведнику, я сегодня во сне много пострадала за Него».

Почему страдала Юстиция? Во сне?! Она, которая никогда не ведала, что такое сновидение, смеялась над предсказаниями и насмеялась над самими богами! Она в определенной степени была жестокой и немилосердной, ей было присуще то, что римляне называют героизмом. Она спокойно и даже с наслаждением смотрела на бои гладиаторов. Когда ей было всего двенадцать лет, она хладнокровно следила за тем, как сдирают кожу с раба, уличенного в краже. И теперь ее возражение против казни неведомого ей преступника, было не случайным.

«Не делай ничего этому Праведнику...» Что бы сказала Юстиция, увидев сейчас этого Праведника! Пилат содрогнулся от ужаса, представив, что произошло и что еще произойдет. Он бы отдал жизнь, чтобы этого не случилось, но знал, что это невозможно. Чернь провозгласила свою волю! Не было никакой защиты для той истины, которая отвергнута ложью всего мира! Не было никогда, да и вряд ли будет!

Размышления Пилата прервал шум, снова возникший в толпе. Конвоируя Пленника по ступенькам, ведущим на улицу, воины остриями своих копий толкали Его вперед, надеясь, что Он потеряет равновесие и упадет и это даст им новый повод для издевательств. Но Божественный Страдалец, по плечам Которого струилась кровь, шел прямо. Ни боль, ни оскорбления не нарушали Его величия, лучистые глаза по-прежнему выражали любовь к людям и недоступное человеку знание.

А стража свирепствовала, потешаясь и крича в уши Пленнику непристойности. Один из охранников раздобыл где-то красный плащ и, накинув его на израненные плечи Иисуса, закричал, указывая на Него пикой:

— Радуйся, Царь Иудейский!

Эта шутовская выходка вызвала одобрительные крики толпы. Варавва один пытался возражать:

— Стыдитесь! — кричал он. — Стыдитесь, римляне! Стыдитесь, люди Иерусалима! Зачем издеваться над несчастным?

Но голос его тонул в общем шуме. Всем понравилась выдумка солдата, и в толпе, издеваясь, кричали:

— Царя венчали!

Другой солдат, вдохновленный примером первого, вышел на улицу и принес ветки дикой розы, густо усыпанные шипами. Оторвав листья и бутоны, он придал колючим стеблям форму венца и под шумные возгласы и смех подошел к молчавшему Христу.

— Радуйся, Царь Иудейский, — крикнул он, надевая терновый венец на Божественного Узника и так плотно прижимая ко лбу, что кровь выступила на нем густыми каплями. — Радуйся! Радуйся!

Со смехом многие люди упали на колени, кривляясь и простирая руки как бы в знак поклонения, повторяли:

— Радуйся, Царь Иудейский!

Но с таким же успехом они могли нападать на солнце или издеваться над звездой. Тот, над Кем они безжалостно шутили, был спокоен. Он не произнес ни слова. И это раздражало толпу.

— Будь Он проклят!

— Разве у Него вырвали язык?

— Что, Он не хочет больше проповедовать? Заставьте Его говорить!

Один из стражников ударил Иисуса копьем:

— Говори! Ты часто рассказывал про грех и добродетель! Почему же молчишь сейчас?

Но ни насмешки, ни удары не заставили Узника ответить. Его благородные черты оставались невозмутимыми. Лучистые глаза все так же были устремлены ввысь и словно наслаждались каким-то видимым только Ему великолепным зрелищем, и лишь сочившаяся из-под шипов тернового венца кровь была свидетельством того, что Он страдает.

Словно в бреду видел Пилат, как Иисуса грубо толкали и смеялись над Ним. Прокуратор вдруг ринулся через зал и загородил путь страже. Опешившие воины прекратили свои издевательства над Пленником и остановились, опершись на копья.

В последний раз Пилат посмотрел в лицо Осужденного. Избитый, истекающий кровью, в колючем венце, шипы которого впивались в виски, Он встретил этот тоскливый взгляд с нежностью и спокойствием.

Пилат вдруг с ужасом увидел, что над шутовским венцом Иисуса светится еще один — сплетенный из трех золотистых лучей; его сияние, казалось, соединяло небо и землю.

Почему появился этот нимб? Что означает это волшебство? Как утопающий цепляется за щепку, плавающую над морской бездной, так и Пилат, схватив красную мантию, облекающую Спасителя, потянул ее к себе. Узник не сопротивлялся и покорно дал отвести Себя на последнюю ступеньку лестницы, ведущей из здания суда. Там, в Своем трагическом величии Иисус оказался лицом к лицу с народом. Люди, ради которых Он жертвовал Собой, молчали.

С раздирающей сердце болью, ошеломленный и уничтоженный видом страдающего и не сопротивляющегося величия, Пилат отбросил край багряницы, словно она жгла его, и, высоко подняв руки, не заботясь о том, поймут ли его, закричал на своем родном языке:

— Ессе Номо! (Се человек!)

В припадке смеха и плача он снова судорожно схватил край одежды Обреченного, уткнулся в нее, чтобы заглушить рвущие душу стоны, и внезапно упал лицом вниз.

Глава VII

Толпа испуганно ахнула. Несколько человек подбежали, чтобы оказать помощь правителю. Но никто не ушел — все хотели идти за Осужденным, чтобы увидеть Его смерть. Быть свидетелем последнего вздоха умирающего для многих представляется развлечением. А в этот день, кроме молодого галилейского Пророка, намечалось казнить еще двух преступников. Зрелище это редкое, и толпа не хотела его упустить.

Римские воины, озадаченные неожиданной болезнью Пилата, приписывали ее чародейству Назарянина и уже потеряли охоту шутить. С мрачным видом вывели они

Его из здания суда.

Утро было нестерпимо жаркое. Во дворе, безуспешно пытаясь охладить знойную синеву неба, бил серебряной струей фонтан.

Здесь отряд остановился, а центурион вступил в разговор с человеком, на котором лежала обязанность поставлять кресты для преступников. Тот сомневался, найдется ли у него достаточно высокий и крепкий крест, чтобы выдержать сильную фигуру Узника в терновом

венце.

— Напрасно Его осудили! — говорил человек центуриону Петронию. — У Него благородный вид. Разве ты не помнишь, как Он вылечил слугу твоего друга? Нехорошо подвергать Его позорной смерти!

— Наш правитель был против казни. Пилат хотел Его спасти, — тихо сказал Петроний. — Это иудеи потребовали смерти.

— Наверно, потому, что Он — не иудей.

— Нет, Он иудей, — ответил Петроний. — По крайней мере, так говорят. Он сын столяра из Назарета, и мать Его, Мария, была недавно здесь.

Поставщик крестов недоверчиво качал головой,

— На вид он чужестранец, хотя и не грек, и не римлянин, и не египтянин... Я не могу определить его национальность, но готов поклясться, что Он не иудей! А с крестом вам придется подождать, пока я подберу подходящий... Был бы я таким силачом, я бы одним ударом раскидал всю стражу...

И, смеясь своей шутке, он с несколькими помощниками ушел в мастерскую.

Нетерпение людей усилилось. Время шло, а Осужденный все еще был здесь, а не на Лобном месте. Кое-кто покинул плотные ряды толпы, чтобы выпить вина в кабачке. В их числе был и Варавва, окруженный прежними своими друзьями.

Сначала он был занят только едой, так как, голодавший столько времени, все не мог насытиться. Но, утолив наконец голод, он мрачно сидел, не присоединяясь к общему веселью.

— Что с тобой, приятель? — спросил его один из товарищей. — Ты скучнее умирающей собаки! Где твоя удаль?

— Пропала! — ответил Варавва резко. — Раньше я был весел, не зная почему. Теперь я грущу без причины... Это преступление — казнить Невинного Назарянина!

Его друзья расхохотались.

— Тюрьма тебя сделала слабой женщиной, Варавва! Ты — волк, вдруг превратился в ягненка? Кто бы мог подумать! Ты жалеешь человека, которого совсем не знаешь, и который к тому же вполне заслужил наказание!

— Этот Человек невиновен! — Варавва встал. Все бросили пить и пристально смотрели на него.

— Я говорю вам, нет греха в молодом Пророке. Он много сделал добра людям, и я, глядя на Него, увидел...

Варавва замолчал, раздумывая, стоит ли говорить дальше.

— Что? Что ты увидел? — любопытство разбирало его друзей. — Он одержим бесом?

— Нет! — Варавва отвернулся от них с горькой усмешкой. — Ничего того, что вы могли бы или хотели увидеть!

Вся компания удивленно смотрела на него. Неужели этот задумчивый печальный человек и есть Варавва, буйный их товарищ?

— Извините, что прерываю ваше веселье, но я хочу высказать почтение и приветствовать избранника народа...

Приятный насмешливый голос вдруг произнес эти слова у стола, где сидел Варавва с друзьями.

— Велики дети Израиля! Правилен их приговор по каждому вопросу, непогрешимо их решение! Велик тот, кто оказался достойным их милости! Значит, велик Варавва, и я его приветствую!

Каждая нотка этой маленькой речи язвила иронией. Все повернулись, чтобы глянуть на говорившего, и, сделав это, отшатнулись в страхе. Но Варавва, не знавший этого человека, смотрел на него как на обычного незнакомца, хотя и не без любопытства. Перед ним стоял мужчина с оливковым лицом, небольшого роста, изящного, но крепкого телосложения. Глаза под прямыми черными бровями так блестели и были такого странного цвета, что казались сверкающими камнями. Они были темными, со странным золотистым блеском, и порой становились совсем светлыми. Он выглядел как чужестранец — одежда его была из мягкой желтой ткани, широкий плащ схвачен у шеи богатой опаловой пряжкой.

Неприятное впечатление, которое произвело на всех появление нового посетителя, казалось, ему самому доставило радость. Он подошел ближе к Варавве и низко, шутовски поклонился. Варавва недоуменно смотрел на него.

— Превосходный Варавва! — продолжал гость все тем же холодным, приятным голосом. — Не откажи мне в своей дружбе! Я странник и чужеземец! Я варвар, знающий мало, но я не бесполезен в

вещах, касающихся твоего благополучия, например, в любви!

Варавва насторожился. Один из друзей тихо зашептал ему на ухо:

— Это Мельхиор! Не перечь ему! У него скверная репутация, он водится с нечистой силой!

— Я не знаю его, — сказал Варавва громко, не обращая внимания на подмигивания товарищей. — И его приветствие мне безразлично, даже такое пылкое и льстивое.

Незнакомец улыбнулся.

— Люблю честность! — сказал он. — Ты честен, Варавва!

Грубый смех прокатился по комнате. На Варавву он подействовал, как удар кнута.

— Да, ты меня пока не знаешь, но мы с тобой познакомимся! Меня, действительно, зовут Мельхиор, как сообщил тебе твой сосед, но дружбы с демонами я не вожу!

Его глаза сверкнули как топазы.

— Ты почти наг под этим одеянием, — он дотронулся до дареного плаща. — Вот великолепная эмблема всего человечества! Сверху — роскошь, а под ней самая грязная беднота! Ступай за мной и смой тюремную грязь. Я живу в этой гостинице, в моей комнате ты можешь переодеться, чтобы предстать в приличном виде перед глазами девушки, которую ты любишь. Иначе она будет смеяться над тобой. Пойдем!

Но покрасневший Варавва не тронулся с места.

— Я не для того получил свободу, чтобы снова стать рабом! К тому же у меня нет времени — я хочу видеть смерть приговоренного Назарянина.

Лицо Мельхиора подернулось грустью.

— Ты непременно увидишь эту смерть, — сказал он. — Но та, которую ты любишь, тоже будет там. А разве ты похож на любовника в таком наряде? Скорее на дикого медведя!

Он рассмеялся и настойчиво продолжал:

— Еще раз повторяю, что в моей комнате ты можешь прилично одеться и... услышать новости, которые тебя, заинтересуют. Предлагаю тебе следовать не за мной, а за собственным желанием.

И мягкой кошачьей поступью иноземец начал подниматься по узкой лестнице, ведущей на второй этаж постоялого двора. Растревоженный

его словами, Варавва внимательно следил за тем, как Мельхиор уходил, затем, невольно повинувшись таинственной силе, поспешил за ним.

Глава VIII

— Он с ума сошел!

— Кто — Мельхиор или Варавва?

— Оба!

Такие восклицания раздались после их ухода.

— Кто этот Мельхиор? Чем он занимается? — подозрительно спросил кто-то из оставшихся.

Хозяин гостиницы с угодливыми манерами подошел к ним и заискивающе сказал:

— Мне кажется, вы напрасно подозреваете Мельхиора в темных делишках. Он бесспорно человек богатый и умный. Точно никто не знает, из какой он страны, но вернее всего из Египта...

— Не удивительно, что ты так хорошо отзываешься о нем, бен Эзра! — засмеялся один из гостей. — Ты знаешь, как наполнить свой кошелек золотом. Надо быть глупцом, чтобы бранить курицу, несущую золотые яйца... Со своего постояльца ты наверняка дерешь вдвойне! Деньги всегда создают хорошую репутацию!

Эзра улыбнулся и стал убирать пустые кубки.

— Должно быть, вы правы, — добавил он немного спустя. — Хозяин не станет ругать щедрого постояльца... Но все же вы зря опасаетесь Мельхиора, его поведение всегда безупречно, он никому не делает вреда.

— Откуда ты знаешь? — не унимался спорщик. — Имеющие превосходную репутацию очень часто оказываются чародеями и колдунами. Доказательством может служить грешный Пророк из Назарета. Разве у Него не лицо ангела? А Он проклял священный храм и уверял, что от его бывшего величия не останется и следа. За это одно Он достоин смерти. Назарей только глянул, и Пилат чуть не сошел с ума.

— Да, да! Верно! — поддержали спорщика товарищи.

Вспомнив о предстоящей казни, вся компания встала. В то время как посетители расплачивались с хозяином, шум на улице стал сильнее. Все невольно переглянулись и, поскорее закончив расчеты, выбежали из

гостиницы. Огромная толпа запрудила главную улицу так, что торговцы, ведя нагруженных мулов, не могли расчистить себе проход и сворачивали на боковые улочки. Уже начиналась давка и паника. Громко плакали потерявшиеся дети, взвизгивали женщины. Впереди толпы вели Назарея в колючем венце. За Ним четыре человека несли большой крест, основание которого волочилося по земле — целиком поднять его на плечи им было не под силу.

Голгофа — Лобное место, где казнили преступников, находилась недалеко от городской стены. Туда и направлялось шествие.

Скоро к нему присоединились еще двое — Мельхиор и Варавва.

Варавва был одет в тунику и плащ темно-пурпурового цвета с золотой каймой, борода и волосы приведены в порядок. В таком виде он совсем не походил на грязного полуголого разбойника, кем и был еще рано утром. Варавва не отходил от нового знакомого, боясь упустить его из виду. Но главной его заботой было видеть в толпе высокую белую фигуру осужденного Царя Иудеев.

— Преступление — казнить невинного! — бормотал он.

— Нет, не преступление, если народ желает этого! — возражал ему Мельхиор, и было трудно понять, с иронией или всерьез он говорит. — Убивать безгрешного — всегда наслаждение для грешника. Разве не ставят ловушки певчим птицам и не вонзают нож в горло молодой лани? Разве грубая рука не рубит под корень дерево и не гибнет цветок под ногой безжалостного прохожего? Все стремятся уничтожить красоту и чистоту! Беспорочным телом и ангельской душой обладает этот увенчанный шипами Властитель многих стран, а посмотри, сколько нас идет, чтобы увидеть, как Он умрет!

Варавву озадачили слова «Властитель многих стран», и он шел, повторяя их в уме и стараясь понять.

Многочисленная толпа вдруг остановилась. Огромный крест выскользнул из рук несших его людей, и они безуспешно суетились возле, пытаясь снова водрузить его на плечи. Но им это не удавалось, и они решили передохнуть. Один из них заметил в толпе огромного широкоплечего человека, удлинённый разрез глаз которого и одежда вызывали предположение, что он не принадлежит к народу Израиля.

— Симон! Иди сюда! Помоги нам, Кириянин!

— В чем я могу помочь? Избавить Иерусалим от всех воров и

мошенников? Но тогда город опустеет!

В словах великана были независимость и даже дерзость. Но увидев светлый Лик Приговоренного, он уже другим, почтительным тоном спросил:

— Кто этот Человек? Царский сын?

— Ты, должно быть, сильно навеселе, если в опасном преступнике видишь царского сына, а нас называешь ворами и мошенниками, собака!

— Пусть он несет крест Назаря! — слышалось из толпы.

— Да, да! Пусть несет! Это подходящее наказание для глупого Киринеянина!

Верзила Симон хотел расправиться с обидчиками по-своему и кулаками расчистить себе путь к отступлению, но вдруг встретил ясный взгляд Христа. И ноги сами понесли его к тому месту, где лежал крест.

Его с радостью встретили усталые носильщики.

— Пусть поработает твоя широкая спина, Симон! А где твои сыновья?

— Дались вам мои сыновья! — пробурчал гигант.

— Один пьянствует, а другой торчит у менялы, — ответил за Симона стоявший рядом маленький бродяга.

— А ты болтаешь лишнее, — хотел дать тычка дерзкому мальчишке Симон, но передумал и ограничился наставлением:

— На моей родине тебя бы высекли за то, что ты открываешь рот, когда тебя не спрашивают! В Киринее уважают старших!

— Это ты-то старший! Ты — раб, покрытый грязью! Неси крест, да смотри не споткнись!

Симон колебался: мальчишке все-таки стоит наподдать. Но как отнесется к этому толпа и стража? А главное, ему мешали это сделать печальные глаза Ведомого на смерть. Наверное, по велению этих глаз Симон не сопротивлялся, когда несколько человек с шутками и насмешками подняли огромный крест и возложили эту непомерную тяжесть на его плечи.

— Хорошо ли тебе, великан из страны гор и моря? — кричала из толпы старуха, грозя своим сморщенным кулачком. — Будешь хвастаться своей Киринеей и силой, которую она тебе подарила? Мы еще услышим, как затрещат твои кости, киринейский разбойник,

осмелившийся ругать детей Израиля!

Симон не отвечал. Обхватив основание креста своими могучими руками, он нес на спине страшную тяжесть с удивительной легкостью.

Римляне восхищались и завидовали этой геркулесовой силе.

Центурион Петроний подошел к нему поближе и тихо, сострадающе спросил:

— Ты сможешь донести крест до Голгофы?

— С этой ношей я дойду до края свет, — грубый бас Симона дрожал от глубокой нежности. — Мне она кажется легкой, как тростинка.

Петроний недоуменно посмотрел на него, но ничего не сказал. Толпа снова качнулась вперед, как волны беспокойного моря. Ее вел за Собой Человек с божественным лицом.

Впереди была Голгофа.

Глава IX

Солнце стояло в зените. Прямые лучи, острые, как иголки, доставали и жалили все живое. Природа притихла, словно умерла. И это затишье являло полную противоположность настроению толпы. С каждым шагом бешенство ее удесятерилось от жары и усталости.

Солдаты часто останавливались у винных лавок, чтобы пополнить запас в своих фляжках, очень быстро пустеющих по такой жаре. Многие иудеи следовали их примеру, чтобы освежить горло, забитое пылью.

Действие вина скоро стало заметно. Кое-кто приплясывал на ходу, слышались пьяные разговоры. Предложили выпить Симону, но он отказался, и тогда вино в ярости вылили на крест. Красные капли стекали с дерева, словно кровь.

Изменчивая толпа совсем забыла про Варавву, освобождения которого еще недавно так рьяно требовала. А. может быть, его не узнавали — он был теперь роскошно одет. Но он находился среди них, в самой тесноте, и с печальной строгостью смотрел на полупьяные выходки, не теряя надежды увидеть дорогое лицо. Мелькиор насмешливо улыбнулся:

— Ее здесь нет. Разве она может идти с чернью? Ее место рядом с самим Каиафой.

— Какое ей дело до Каиафы? — угрюмо спросил Заравва.

— Большое, — ответил Мельхиор. — Тебя не было целых полтора

года — достаточный срок, чтобы случиться многое! Ну ладно, не сердись! Твоя любимая образец всех добродетелей, пока...

— Пока что? — спросил Варавва подозрительно.

— Пока не доказано иное! Что она красива — это неоспоримо, а красота — единственное, что требуется мужчине в женщине... И я повторяю: ее брат предал Назарея!

— Да, да... Ты говорил... — пробормотал смущенный Варавва. — Но я поражен... Иуда всегда был чистосердечным, открытым юношей!

— Ты его хорошо знал? — спросил Мельхиор, пристально глядя на Варавву.

— Не то чтобы хорошо, но все же... Мы вместе работали в доме купца Шадина, про которого я тебе рассказывал...

Краска стыда залила темное лицо Вараввы. Мельхиор продолжал:

— И чтобы угодить сестре твоего чистосердечного Иуды, ты украл у торговца золотом и жемчугами какую-то безделицу и был пойман! Достойный Варавва! Мне кажется, что именно из-за этой красавицы ты и совершил все свои преступления!

Варавва тихо, как бы извиняясь, сказал:

— Она так любит драгоценности!.. И я взял ожерелье из чистого жемчуга. Оно мне казалось символом ее девственности... Ему лучше быть на ее лебединой шее, чем в пыльных сундуках Шадина.

— Да, веская причина, чтобы ограбить своего хозяина! И повод для своих преступлений ты находишь довольно легко. Габриас оклеветал твою красавицу, и ты ударом ножа заставил злой язык замолчать навсегда. По правде говоря, Юдифь Искарот — единственная причина всех твоих злоключений, а ты ее все еще любишь!

— Если бы ты ее видел... — сказал Варавва мечтательно.

— Я видел ее! — ответил Мельхиор спокойным тоном. — Она не против того, чтобы все на нее смотрели! Разве она не первая красавица в городе? Зачем же ей прятать свою красоту? Но прелести ее не вечны. Пусть она их демонстрирует, пока они не исчезли! Но из тебя она сделала вора и убийцу.

Варавва не спорил, и Мельхиор продолжал:

— Пожалуй, и бунт, в котором ты был замешан, тоже подготовлен ею...

— Нет, нет! — возразил Варавва. — Она здесь не при чём... Мы все

во власти жестокой тирании. Виноват не столько Рим, сколько местные власти. Нами правят священники и фарисеи, и они злоупотребляют своей силой! Бедные угнетены, обиженные не имеют никакой защиты! Я когда-то читал по-гречески и по-латыни, старался усвоить премудрости Египта; у меня хорошая память, я обучался красноречию, и мне легко увлечь толпу. Я наткнулся на нескольких недовольных... и сам не знаю, как это случилось... В каждом человеке живет стремление к свободе...

— У вас скоро будет величайшая свобода! — сказал Мельхиор, и взгляд его странно потемнел. — Придет время, когда дети Израиля железной рукой будут управлять всем миром. Звон монеты даст им власть. И для тех, кто любит золото больше жизни, Дух в терновом венце жил на земле напрасно! Торжество иудеев еще впереди! Они долго были пленниками и рабами, зато в свою очередь возьмут пленных и победят великие государства. Даже твое имя, Варавва, послужит знаменем — ты будешь «Царем Иудеев», так как Тот, Кто идет впереди нас, — Царь более многочисленного народа, Царь бессмертных духов, на которых золото не имеет влияния!

Варавва смотрел испуганно, не понимая того, что говорил Мельхиор, но чувствуя, что грозный голос предвещал что-то ужасное...

— Про какой народ ты говоришь? — спросил он. — Про какой мир?

— Не один мир, а бесконечное множество миров! Там, далеко над нами, — Мельхиор показал на небо, — синева скрывает их от наших глаз, но они существуют! Это не сон и не бред! Огромные сферы, бесконечные системы следуют по указанному пути. Они богаты мелодией, переполнены жизнью, озарены светом, и Человек, Который идет сегодня на смерть, знает все эти тайны!

Испуганный Варавва еле выговорил:

— Ты потерял рассудок!.. Или... тебе тоже было видение?! Странные мысли посещают меня с тех пор, как я увидел лицо Иисуса, а над Ним... Мельхиор, скажи, почему это преступление должно совершиться в Иудее? Может быть, есть надежда на Его спасение?

— Спасение? — переспросил Мельхиор. — Ты хочешь спасти ягненка от волков, лань от тигров, веру — от священников? Ты смел и опрометчив! Назначенное должно исполниться!

Он замолчал. Варавва шел рядом, тоже не говоря ни слова. Зато

чернь, кричала и бесновалась.

Мельхиор поднял голову, и в его глазах Варавва увидел все тот же странный янтарный блеск.

— Как по-твоему, Иуда Искариот был человек простого нрава?

— Он казался таким, когда я его знал, — рассеянно ответил Варавва, занятый своими мыслями. — Шадин ему очень доверял, Иуда был его библиотекарем... Юноша мечтал о реформах и улучшениях, ненавидел тиранию и презирал священников. Он посещал синагогу только в угоду отцу и в особенности для сестры, которую очень любил. Все это Иуда рассказал мне сам! И в один прекрасный день он внезапно и тайно покинул город и после того...

— Ты украл у Шадина жемчуг для той, которую любишь, а потом убил клеветника, и за это тебя бросили в темницу и чуть не распяли! — договорил Мельхиор.

Глаза Вараввы засверкали.

— Я умер бы с восторгом, чтобы спасти Приговоренного сегодня!

Строгое выражение лица Мельхиора смягчилось.

— Хотя ты и преступник, но все же есть что-то благородное в твоей натуре, — сказал он. — Надеюсь, тебе это зачтется. А про Иуду я могу тебе кое-что рассказать. Внезапно покинув Иерусалим, он отправился к морю Галилейскому и там присоединился к ученикам Пророка из Назарета. Он странствовал вместе с Ним. Я сам его видел в Капернауме, и он всегда был рядом с Учителем. А здесь, в Иерусалиме, вчера ночью он передал Иисуса в руки стражи, и теперь навечно имя Иуда будет звучать как «предатель».

— А Юдифь про это знает? — тревожась, спросил Варавва.

Холодная улыбка промелькнула на губах Мельхиора.

— Юдифь знает много, но не все! Она не видела брата со вчерашнего заката солнца.

— Он бежал из города?

Мельхиор как-то странно посмотрел на Варавву, потом ответил:

— Да, бежал...

— А остальные Его ученики? Где они?

— Они тоже бежали... Что им оставалось делать? Бросить погибающего — это так по-человечески!

— Все они трусы! — горячо воскликнул Варавва.

— Нет! — поправил его Мельхиор. — Все они люди!

И видя опечаленное лицо своего спутника, добавил:

— Разве ты не знаешь, милейший Варавва, что все люди — трусы? Увлекался ли ты когда-нибудь философией? Если нет, то для чего читать латинские и греческие свитки и углубляться в учение египтян? Нет человека, который был бы героем постоянно, в больших и малых вещах — славные дела совершаются редко, в минуту сильного воодушевления. Вот ты — высокий, широкоплечий, сильный и кажешься храбрецом. И один кокетливый взгляд, чарующая улыбка могут тебя заставить украсть и даже убить! И потому ты — человек и тоже трус! Быть слишком гордым, чтобы воровать, слишком милосердным, чтобы поднять руку на другого — вот это было бы человеческим подвигом! Но люди — пигмеи. Они трясутся за свою жизнь. А что их жизнь? Ничтожная пылинка в солнечном луче — не больше! И выше этого люди не поднимутся, пока не узнают, как придать ценность своей жизни. Но это откроется немногим!

Варавва удрученно вздохнул.

— Тебе нравится повторять историю моих грехов, — сказал он. — Может быть, ты думаешь, что я не могу слишком часто слушать ее? Ты называешь меня трусом, но я не сержусь на тебя — ты иноземец, а я, несмотря на свободу, все-таки преступник... Кроме того, ты умен и обладаешь непонятной силой... Поэтому я лучше воздержусь от упреков. Но думаю, что еще не слишком поздно сделать свою жизнь осмысленной, и я этого достигну.

— Конечно, — сказал Мельхиор. — Но это такое дело, в котором тебе никто не может ни помочь, ни помешать. Жизнь — талисман, но цель этого волшебного подарка ты должен понять сам!

Движение толпы вдруг застопорилось.

Опять раздались восклицания:

— Он умрет прежде, чем Его успеют распять!

— Он теряет сознание!

— Если Он не может идти сам, обвяжите Его веревками и втащите на Голгофу!

— Пусть Симон и Его несет вместе с крестом!

— Поддержите Его, злодеи, — выделился из этого жестокого хора женский голос. — Или вы хотите, чтобы до цезаря дошло: иудеи —

варвары?!

Шум усиливался, возбужденная толпа бурлила, несколько человек упали, и их затоптали. Плакали дети, рыдали женщины — царила паника!

— Вот удобный случай попытаться спасти Его! — прошептал Варавва в сильном волнении и сжал кулаки, готовясь к драке.

Мельхиор удержал его.

— Лучше попробуй сорвать солнце с неба, — сказал он сердито. — Успокойся, опрометчивый дурак! Ты не можешь спасти Того, для Которого смерть — божественное преисполнение жизнью! Попробуем лучше протолкаться вперед, чтобы узнать причину остановки.

Глава X

С этими словами, крепко держа Варавву за руку, Мельхиор бросился в самую гущу толпы, которая раздвигалась перед ним словно по волшебству. Вскоре они вышли на сравнительно просторное место, откуда можно было наблюдать за происходящим. Остановка была вызвана тем обстоятельством, что внезапная мертвенная бледность Узника, Его плотно смеженные веки и неверный, спотыкающийся шаг навели охрану на мысль, что Он может умереть в дороге и лишит дарового зрелища накаленную до предела толпу. Чтобы этого не случилось, решили поддержать Его тающие силы. Петроний поднес свою фляжку к губам Страдальца. Почувствовав прикосновение металла, Он открыл Свои лучистые глаза и улыбнулся. Очарованна и нежность этой улыбки, бесконечное терпение и любовь, которые она выражала, озарили распалившихся, потных людей и подействовали на них как прохлада. Шум и крики прекратились, все невольно потянулось к светлому взгляду.

Приговоренный ими к смерти не стал пить вино. Все той же чудной улыбкой выразив центуриону благодарность, Он продолжал вглядываться в лица тех, ради кого добровольно обрек Себя на страдания. И многие, поймав этот полный неземной любви взгляд, стали сочувствовать Ему. Послышались рыдания.

— Еще пара таких остановок, и казнь, пожалуй, не состоится — народ отменит свой приговор, — недовольно пробурчал кто-то из

конвоиров.

— Молчи! — оборвал его Петроний гневно. — Разве ты не видишь, что Он изнемогает от усталости и боли. Пусть отдохнет!

Но Тот, о Ком шла речь, уже пришел в себя. Легкие краски жизни опять покрыли Его лицо.

Одна женщина с ребенком на руках подошла к Иисусу я, не обращая внимания на грозные взгляды стражников, дотронулась до Его одежд. Малыш дотянулся было к терновому венцу, но, уколовшись, стал перебирать золотистые волосы Узника. Бесконечная нежность, выразившаяся на лице Божественного Бессмертного, глубоко тронула сердце матери; сжимая дитя в своих объятиях, она громко зарыдала. Несколько женщин возобновили плач с такой истеричностью, что это вызвало недовольство окружающих мужчин.

— Вот глупые гусыни! Как бы своим плачем они не остановили исполнение закона!

Вдруг тихий, слабый голос прозвучал, как чудесная, грустная песня:

— Дочери Иерусалима! Не плачьте обо Мне, а плачьте о себе и детях ваших! Ибо приходят дни, в которые скажут: «Блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы не питавшие». Тогда горам скажут: «Падите на нас» и холмам: «Покройте нас».

Мелодичный голос задрожал, лучистые глаза Пленного Царя наполнились жалостью, но Он продолжал:

— Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?

Женщины смотрели на Него недоумевая и, хотя не поняли Его слов, успокоились. Последняя фраза Иисуса, казалось, особенно смутила их. Они не могли постичь, что под зеленеющим деревом Он подразумевал весь мир, что Он предвидел только одно горе — от неверия и непослушания людей.

Без веры, без любви этот мир будет похожим на высохшую шелуху и, как звездная пыль в мировом пространстве, улетучится, не исполнив воли своего Создателя. Но большая часть людей не имеет ни времени, ни желания думать об этом. Есть время пить и есть; время, чтобы красть и лгать; время убивать и унижать человеческое достоинство... Но нет времени остановиться и подумать, что, несмотря на то, что мы суедемся на этой планете, она принадлежит не нам, а Богу, и если Он только

пожелает, она в мгновение ока исчезнет без следа, а память о ней останется только лишь потому, что на Земле Божественный Христос родился и умер, этим освятив — ее.

Никто из народа Израиля в то знаменательное утро не мог понять чуда и таинственности, которые исходили от Божественного Человека, с таким спокойным величием идущего между ними. Они знали только одно:

Узник, обладающий удивительной физической красотой, приговорен к смертной казни за новое учение и богохульство.

Видя, что Иисус способен передвигаться, охрана снова заторопилась в путь. Грубо оттолкнув женщину и ее дитя от Приговоренного, стражники повели Его вперед, к Голгофе. Через несколько минут, гора хорошо просматривалась вдали, и, едва завидев цель, к которой так стремилась, толпа подняла оглушительный радостный крик.

Симон Киринаянин был опечален тем, что блаженный путь подходил к концу, ему не хотелось расставаться с состоянием чудесного забытья: не ощущая тяжести взваленной на него ноши, он словно парил в воздухе. Идущие рядом издевались над силачом, пытаясь рассердить его грубыми шутками, но он не отвечал на оскорбления, боясь, что произнесенные им слова уничтожат то умиленное состояние, в котором он находился, заглушат витающую над ним чудесную музыку.

Когда показалась Голгофа, Симон вдруг почувствовал усталость. Приближалось время, когда он должен сложить со своих плеч эту сладостную ношу — крест Божественного Человека, и снова взвалить на себя тягостное бремя житейских горестей и страданий!

Хорошо бы умереть рядом с Тем, Кто, как солнце, блистающее в вышине, излучал такой яркий внутренний свет. Голгофа представлялась Симону естественным завершением всей его нелегкой жизни. Грубый, темный человек не мог анализировать свои новые чувства и ощущения, но понимал, что какая-то разительная перемена произошла в нем с того момента, как он поднял крест Иисуса Назарянина.

Когда толпа была уже совсем рядом с местом казни, из других городских ворот вылетела группа всадников и, как вихрь, поднялась на Голгофский холм. Это римская знать, находящаяся в Иерусалиме по своим делам, решила поразвлечься, глядя на казнь презренных иудеев. Верхом на мулах поднялось на Голгофу местное высшее общество.

Несколько позже из сада, начинавшегося по другую сторону холма, вышли несколько богато одетых женщин и тоже направились к месту казни, громко и весело переговариваясь между собой.

Одна из них, самая высокая, гибкая, со смелыми телодвижениями, казалась особенно вызывающей. Голова и плечи ее были покрыты огненно-красным плащом.

— Вот она, — шепнул Мельхиор, хватая за руку Варавву. — Этот маковый цветочек и сводит тебя с ума! Вот твоя ценительница краденого жемчуга, невиннейшая и чистейшая дева Иудеи — Юдифь Искарот

Варавва рванулся туда, где полыхал красный плащ, но цепкая рука не пускала его.

— Клянусь своей душой, я убью тебя! — бешено закричал Варавва.

Но рука Мельхиора, на вид такая изящная, обладала недюжинной силой и не дрогнула, а искрящиеся, холодные глаза смотрели с нескрываемым презрением.

— Ты хочешь убить меня, — сказал он, — и клянешься своей душой? Не клянись душой, приятель, — как это ни странно, но она у тебя есть, и береги ее! Ты думаешь, меня убить так же легко, как фарисея? Ошибаешься! Сталь твоего ножа растает в моем теле, твои руки отнимутся, если ты дерзнешь их на меня поднять. Опомнись и не пренебрегай моим расположением — оно тебе очень пригодится!

Теперь Варавва посмотрел на него с досадой, ледяная тяжесть легла на его сердце: он сам в минутном порыве отдал себя во власть этого незнакомца, который совершенно парализовал его волю.

Он перестал бороться и только бросил тоскующий взгляд в сторону красного пятна, которое все выше поднималось по склону холма.

— Ты не знаешь, — пробормотал он, — как долго я мечтал увидеть ее!

— Мечта твоя сбудется! — уверенно ответил Мельхиор. — Но сделай по крайней мере хотя бы вид, что ты мужчина! Да и не забудь, что ты пришел сюда, чтобы увидеть смерть, и такую, которая выше земной любви!

Варавва горестно вздохнул и опустил голову. Сильные, четкие черты его лица были искажены страстью, но странная власть, которую имел над ним его спутник, была неодолима.

Зорко следивший за Вараввой, Мельхиор позвал:

— Идем! Он уже входит на Голгофу! Ты увидишь, как будет умирать мир и как померкнет солнце! Ты услышишь голос Всевышнего, возмущающегося убийством Божественного в Человеке!

Глава XI

Удрученный и дрожащий, Варавва следовал за своим новым другом.

Внутренний голос убеждал его в неоспоримой правоте слов Мельхиора. Но почему этот таинственный иностранец знал так много?

Он поднимался в гору с сердцем грустным, почти отчаявшимся. Он чувствовал, что должно свершиться что-то ужасное и на детей Израиля со страшной силой падет проклятие, которое они на себя навлекли. Даже Сам Бог не может отменить судьбу человека или народа, выбранную ими по своей воле.

Иссохшая земля потрескивала под ногами людей, будто горела.

Было почти три часа дня, и солнце беспощадно жгучими лучами опаляло гору, напоминающую огромный муравейник с роящимися пчелами — людьми. Невысокий Голгофский холм, подняться на который в прохладу было так легко, сейчас многим казался труднодоступным.

Наконец преодолев подъем, Мельхиор и Варавва увидели, как несколько женщин сгрудились возле одной из своих подруг, бывшей в обмороке. Подумав, что это Юдифь, Варавва кинулся вперед. Мельхиор его не останавливал.

Но Варавве пришлось разочароваться — там были только бедно одетые, горько плачущие женщины. Лишь одна из них выглядела знатной, и, хотя лицо ее скрывал капюшон, ясно было, что это не Юдифь — плащ на ней был не красный, и вся фигура ее выражала глубокую скорбь, чувство, не знакомое Юдифи.

Потерявшая сознание выглядела беднее всех подруг — на ней было грубое платье из серого полотна. Поражала ее тихая, трогательная красота. Роскошные волосы рассыпались по плечам и густыми золотистыми волнами обрамляли лицо, черты которого были нежны и округлы, как у ребенка. Темные ресницы зеленых глаз отбрасывали тень на бархатистые щеки.

— Что с ней? — участливо спросил Варавва. Женщины, посмотрев

на него, ничего не ответили. Варавва вернулся к Мельхиору.

— Там — девушка чудной красоты. Она в обмороке. Нельзя ли помочь ей? — сказал он.

— Эта златокудрая красавица — городская блудница, Мария Магдалина.

Варавва вздрогнул, как ужаленный, брови его нахмурились.

— Мария Магдалина, — растерянно бормотал он. — Я много про нее слышал! Сам я не бросил бы в нее камня, но всё же... если я сегодня увижу Юдифь...

— Ты не хочешь оскверниться, мой добрый Варавва! — прервал его Мельхиор. — Как я тебя понимаю! Твоя Юдифь невинная голубка, а Мария грешница!.. Так оставь ее там, где она лежит. Только знай, что та, которую ты, убийца, презираешь, раскаялась и прощена Тем, Кто сейчас умрет. Но что тебе до этого! Его распнут, а ты будешь жить... О, чудный мир, творящий правосудие!

Варавву жёг стыд.

— Если она раскаялась, то почему бы тебе не подойти к ней?

— Почему? — повторил Мельхиор задумчиво. — Если бы я сказал об этом, ты узнал бы то, чего пока не можешь понять. Могу сказать тебе только одно — среди этих женщин есть та, к которой я не смею подойти. Место, куда ступает ее нога, становится священным...

Варавва окинул женщин беспокойным взглядом, пытаясь понять, о ком говорил Мельхиор, и увидел, что Магдалина очнулась и хотя слабо, но стояла на ногах, поддерживаемая подругами. Варавва снова изумился великолепию ее волос, золотом сверкающих в лучах солнца.

Вдруг раздался душераздирающий вопль. А через мгновение — новый, с такой же страшной, звериной силой,

Варавва посмотрел на своего спутника.

— Это первое ощущение той боли, которую ты сегодня мог бы испытать, — сказал Мельхиор. — Это пригвождают к кресту двух воров.

Ближе к эпицентру событий толпа стояла глухой, каменной стеной, но вдвоем с Мельхиором Варавва легко проходил сквозь нее, и вот перед ним развернулась сцена страшной казни.

По указанию Каиафы два разбойника должны быть распяты раньше Назорея. Сделано это коварным священником для того, чтобы

устрашить Иисуса, заставив сначала быть свидетелем их мучений.

Но ни тени страха не было на Божественном лице. Иисус стоял прямо, как повелитель множества миров, сознающий Свою силу. Высокая Фигура в белых ризах резко выделялась на фоне пылающего неба и привлекала к Себе весь ослепительный блеск, все великолепие солнечных лучей. Каждый шип тернового венца сверкал, как бриллиант. Чудный лик выражал бессмертную красоту. Ноги Его легко касались раскаленной земли; весь Он казался белым облаком, спустившимся с небес. Земля, небо, солнце были частицами Его. Произнеси Он слово — одно повелительное слово, от него содрогнулась бы вселенная. Но Он продолжал молчать, и только глаза Его говорили: «Я пришел, чтобы поднять завесу смерти, которой все боятся. Я пройду через пытки и страдания, чтобы подбодрить слабое человечество! И Я приму смерть как человек, чтобы доказать: умирая на кресте, человек воскресает для новой, вечной жизни!»

Еще более страшные вопли неслись с лежащих на земле крестов, на которых корчились распинаемые разбойники. Глянув в ту сторону, Варавва не смог сдержать удивленного возгласа:

— Ганан!

Несчастный смотрел на него волком. Лицо, искаженное болью, выражало теперь еще страшную, злобную зависть.

— Ты, Варавва?! Ты свободен, собака! А меня распинают, и по твоей вине — ты подбил меня на преступление!.. Правосудия! Я требую правосудия! Ты должен быть на моем месте, а не глазеть на мои мучения, стоя рядом с приличными людьми!

Привязав руки разбойника к поперечине креста, палачи принялись вбивать огромные гвозди в ладони. Ганан неистово завопил, кровь хлынула у него из горла, лицо побагровело.

— Трусливый шакал, — засмеялись воины. — Римлянин не стал бы так кричать. Умри мужественно! А Варавву оставь в покое — он прощен и освобожден по закону!

— Прощен... — забормотал Ганан. — Будьте же прокляты адом ты и твоя распутная...

Он не успел договорить — крест подняли и поставили в заранее приготовленную яму. Распятый испытывал невыразимые муки и силился оторвать от креста ладони. Кровь сгустилась и потемнела на

его распухших руках. Похолодев, Варавва отвернулся.

— Все так страдают на кресте? — с дрожью в голосе спросил он своего покровителя.

— Да, все сотворенные из глины, — холодно ответил Мельхиор и посмотрел на мучившегося преступника так, словно изучал его. — Он мог быть счастлив, но не захотел. Он сам виноват в том, что происходит сейчас.

— А что ты скажешь про Назорея?

— То же самое, — ответил Мельхиор, но голос его звучал мягко. — Он Сам избрал этот путь, и Ему за то слава во веки веков! Время — Его рабыня, судьба — Его подножие, а Его крест — спасение человечества!

— Если ты так думаешь, — пробормотал растерянный Варавва, — то разве не лучше было бы поговорить с Ним, пока Он жив, попросить Его благословения...

— Его благословение предназначено не для меня одного, а для всех, — сказал Мельхиор торжественно. — Я с Ним говорил давно... Но теперь время бодрствовать и молиться...

Между тем палачи хлопотали возле второго распинаемого. Он не сопротивлялся и не кричал, лишь когда в ноги вонзились огромные гвозди, застонал от безумной боли, но почти сверхъестественным усилием превозмог себя и только прерывисто дышал. Его глаза смотрели на Назорея, и это помогало ему переносить боль.

Когда рядом с первым вознесся второй крест, толпа заколыхалась — пролог окончен, и скоро начнется главное действие захватывающей драмы. Разглядывая нетерпеливые лица, жаждущие увидеть смерть Того, Кто называл Себя Сыном Бога, Варавва словно обжегся об ослепительную красоту женщины, одетой в плащ цвета красного золота. Как мотылек, полетел он к этому яркому, опасному пламени, к этой зловещей красоте:

— Юдифь!

Глава XII

Та, которую он назвал по имени, гордо повернулась и вопросительно посмотрела в его сторону. Поразительная ее красота приковала Варавву к месту, как в былые времена.

Юдифь была воплощением той редкой женской красоты, которая во

все времена покоряла мужчин, отнимая у них рассудок и разжигая страсть. Она сознавала свою силу, которой могла безнаказанно мучить многочисленные жертвы своего непобедимого очарования.

По рождению и воспитанию Юдифь Искарот была дочерью одного из самых строгих и уважаемых фарисеев — и должна была бы быть скромнейшей из дев Иудеи, но природа взяла верх над воспитанием. Она дала ей много из того, что ценится людьми больше чистоты души. Природа бросила яркий свет солнечного заката в бронзовый оттенок ее волос, сплавила вместе темноту ночи и блеск звезд для ее глаз, выжала сок из граната для ее губ, нанесла розоватую белизну миндальных цветов на ее щеки.

Не было ничего удивительного в том, что красота Юдифи подчиняла всех, кто к ней приближался — даже строгий отец исполнял все ее причуды. Как же мог влюбленный Варавва не унижаться, как самый последний жалкий раб? Побитая собака, наказанный ребенок и те обладали большей волей, чем Варавва в ту минуту, когда взгляд красавицы безучастно скользнул по нему.

— Юдифь! — воскликнул он пылко и снова встретил равнодушные темных глаз, холодных, как дно морское.

— Юдифь! Ты не узнаешь меня?! Я Варавва.

Капризные губки слегка раскрылись, насмешливая тень промелькнула по лицу, оставляя ямочки возле самого рта и приподнимая углы тонких, словно нарисованных бровей. Юдифь рассмеялась — беззаботно, раскатисто.

— Ты Варавва? Это невозможно! Каких-нибудь два часа назад я видела его стоящим перед синедрионом — полугололого и грязного оборванца!

И она снова залилась серебристым смехом. Глаза ее смотрели презрительно. Но Варавва немного пришел в себя и встретил насмешливый взгляд с грустью: восторг и пыл его исчезли, когда он снова заговорил.

— Я Варавва, и ты, Юдифь, это знаешь... Разве я страдал не из-за тебя?

Она вскинула на него гневный взгляд.

— Как смеешь ты говорить мне такое? Какое дело дочери Искарота до низкого преступника?

— Юдифь, — опять не выдержал Варавва, он побледнел, глаза выражали глубокое отчаяние. — Сжался! Вспомни былые дни!

Повернувшись к своим служанкам, тщеславная красавица громко сказала:

— Помните, как этот человек проходил мимо колодца, где мы отдыхали, и перебирал с нами городские сплетни вместо того, чтобы заняться делом. Однажды, помнится, он связал мне гамак и повесил между смоковницами... Вот, кажется, и все, что он для меня сделал... Но свалившаяся на его бедную голову свобода помутила его разум... Разодетый, как павлин, и с таким смиренным видом он бы хорошо смотрелся на кресте...

Служанки рассмеялись, чтобы угодить госпоже, но не все — некоторые жалели Варавву и смотрели на него с сочувствием.

Слушая жестокие слова безжалостной красавицы, он продолжал пылливо и грустно смотреть ей в глаза. Румянец на щеках Юдифи разгорелся, ее, видимо, смутил пристальный взгляд Вараввы.

Видя это замешательство, Варавва взял Юдифь за руку и снова заговорил.

— Ты не можешь понять той тоски, которую я пережил вдали от тебя! Я преступил закон из-за тебя, как бы ты это ни отрицала! Издевайся надо мной, но всё же ты не можешь запретить мне безумно тебя любить! Убей меня, если это тебе доставит наслаждение, убей вот этой драгоценной игрушкой, что висит у тебя на поясе. Я умру счастливым у твоих ног...

Красавица слушала, и тщеславная улыбка расцветала на ее лице. Варавва все еще держал ее руку, и Юдифь не сопротивлялась. Другой рукой она нашарила кинжал — игрушку, маленькое лезвие которой было достаточно крепким и острым, чтобы убить.

Вынув миниатюрное оружие из ножен, осыпанных дорогими камнями, Юдифь торжествуя подняла его. Варавва не отступил и ни на секунду не отвел восхищенного взгляда от надменной красавицы.

Капризная, удовлетворенная улыбка плясала на ее губах. Юдифь засмеялась — неудержимо, весело и вложила лезвие обратно в ножны.

— Я дарю тебе жизнь! — сказала она с царской снисходительностью. — Для торжества смерти сегодня достаточно лукавого Назарянина и двух подлых разбойников. Но пусть же мою

руку — мне больно!

Тонкие брови красавицы сдвинулись. Варавва смущенно смотрел на красные пятна, оставленные его пальцами на белой руке Юдифи.

— Габриас поцеловал бы эту ручку, — сказала она улыбаясь.

Лучше бы земля разверзлась под ногами или молния поразила Варавву! Габриас, этот гадкий, лживый фарисей, которого он убил и за это долго страдал в темнице, опять стоит между ним и любимой! Варавву охватило такое бешенство, что он посмотрел на Юдифь с искаженным злобой лицом и сверкающими глазами.

Но тут толпа снова зашевелилась, стремясь поближе протиснуться к тому месту, где шли приготовления к казни Назорея; и пока охрана наводила порядок, несколько богато одетых людей подошли к Юдифи. Среди них был и Каиафа. Его длинное лицо еще больше вытянулось, когда он увидел Варавву.

— Что ты тут делаешь, убийца? — прошипел он яростно. — Разве я не предупреждал тебя?! Пошел прочь! Дарованная тебе свобода не очистила тебя от преступления, ты не смеешь подходить к людям именитым и праведным! Убирайся, не то я прокляну тебя, как прокаженного!

Варавва встретил угрозы спокойно.

— Почему только лицемерам дано блаженствовать в обществе Юдифи Искарот? Кажется, я начинаю понимать, кем я обманут! Я читаю твои мысли, кровожадный Каиафа! Ты, а не Иуда — виновник казни Назарянина. А значит, месть ждет тебя...

Он говорил, весь дрожа, почти не сознавая смысла сказанного.

— Он тоже сделался пророком! — насмешливо сказала Юдифь. — Распни и его.

Толпа опять рванулась, чтобы продвинуться вперед хотя бы на шаг, и снова была остановлена солдатами. Варавве пришлось отстаивать свое право на место, которое он занимал на земле в этот момент. Неожиданно пред ним предстал Мельхиор.

— Бедный, безрассудный грешник! — сказал он ласково. — Вот первый удар твоему доверчивому сердцу! Первое разочарование! Но забудь про свою боль. Пусть мир и его пути не тревожат тебя. Если твоя душа жаждет любви, пойдем — ты увидишь ее распятой со всей своей славой, чтобы удовлетворить ненависть, пожирающую человечество!

Голос Мельхиора задрожал. Варавва, потрясенный своими личными обидами, покорился. Он только поднял на своего друга глаза, полные тоски.

— Скажи, если знаешь, — сказал он хрипло, — она мне изменила? Нет! Лучше молчи. Я хочу умереть, не потеряв веру в нее.

Но Мельхиор не отвечал, он был занят тем, что тащил Варавву сквозь толпу как раз к тому месту, где уже хрипели распятые на своих крестах оба разбойника, а солдаты, окружив высокую фигуру На зоре я, срывали с Него одежды.

— Пилат сошел с ума, — сказал один из воинов другому, раскручивая пергаментный свиток. — Смотри, какую он сделал надпись для креста Галилейского Пророка.

И, развернув пергамент, он стал читать слова, написанные на латыни, на греческом и на арамейском: «Исус Назорей — Царь Иудейский».

— Надпись как надпись, — равнодушно ответил солдат.

— Да нет же, говорю тебе! — настаивал другой. — Каиафа сказал Пилату: "Не пиши: «Царь Иудейский», но пиши: «Он говорил: Я — Царь Иудейский». Но Пилат, верно не оправившийся от внезапного утреннего недуга, резко ответил первосвященнику: «Что я написал, то написал!»

— Это не наше дело! — сказал ничего не понявший в этих тонкостях солдат и, взяв лист, стал приколачивать его к изголовью креста.

Сделав несколько ловких ударов, он, любуясь своей работой, отошел на несколько шагов.

— Надпись как надпись, — повторил он и снова прочел таинственные слова, которые станут известны всему миру:

— "Исус Назорей — Царь Иудейский" ...

Глава XIII

Безуспешные попытки прорвать линию римской охраны сделали толпу еще сплоченнее и монолитнее; стоя плечом к плечу, люди издали напряженно следили за последними приготовлениями к казни Назорея.

Но для некоторых были сделаны исключения — им разрешили подойти ближе остальных к месту казни. В их числе Варавва видел несколько бедно одетых женщин, встреченных им на склоне, среди

которых выделялась своей красотой Магдалина. Чуть в стороне стояла другая группа, украшением которой был большой маковый цветок — Юдифь Искарот, вокруг которой вились сановитые шмели Иерусалима во главе с Каиафой. Сердце Вараввы сжалось. Разочарование и ревность угнетали его.

Вдруг земля колыхнулась, как морская волна. Варавва пошатнулся и упал бы, не поддержи его Мельхиор.

— Что это? — как всегда, Варавва за разъяснениями обратился к своему спутнику.

Тот смотрел на воинов, которые тоже почувствовали колебания почвы, но, приученные к дисциплине, только вопросительно переглянулись и сохраняли невозмутимый вид. Землетрясение больше не повторялось, а народ ничего не заметил, захваченный предстоящим зрелищем.

Палачи уже сняли с Осужденного Его ризы и, прельстившись, стали бросать жребий, кому они достанутся.

Пока солдаты спорили и кричали, Назарянин стоял почти обнаженный. Тело Его в лучах солнца белело мрамором, голубые жилы просвечивали сквозь кожу.

Развязка приближалась. Воины уже поделили одежды, и главный палач подошел к Назорею. Смирненно опустил Властитель вселенной к орудию пытки. С величественной готовностью и непобедимым терпением Творец веков лег на деревянные бревна. Он мог бы сказать в эту минуту: «Дети Моего Отца, принимайте, как Я, мирскую пытку. Если вы хотите обладать Божественной силой, то ложитесь на крест, чтобы и враги, и друзья могли бы вонзить в ваше тело острые гвозди. Носите терновый венец, пока ваше лицо не будет обагрено кровью. Сбросьте одежды свои под насмешливым взором чувственности и греха. Пусть враги думают, что они вас измучили, убили и похоронили, стерев с лица земли. Тогда воскресайте, дети Моего Отца, воскресайте, исполненные силой — живой, вечной, непобедимой! Весь мир будет у ваших ног, и отверзнутся небеса. Вся вселенная будет повторять ваши имена и историю вашей верности. Сонмы ангелов возрадуются вашей славе. Ибо с этого дня на веки вечные Я и те, которых Я называю Моими, превратят земную смерть в жизнь вечную!»

Но эти слова не были произнесены. Божественные уста молчали. По

толпе пронесся невольный шепот удивления и восхищения спокойным мужеством, с которым молодой Пророк покорялся судьбе.

Воины с молотками подошли к Нему боязливо и нерешительно.

— Он словно сотворен из мрамора, — заметил один.

— Из мрамора кровь не течет, — сказал его напарник грубо.

Остальные молчали.

Избранное общество пребывало в нетерпении. Юдифь Искарот, блистательная, как всегда, ждала казни с выражением лица довольного ребенка, которому обещано веселое зрелище.

Черные глаза равнодушно и холодно смотрели на Лежащего на кресте. Расшитый драгоценными камнями алый плащ равномерно поднимался и опускался на высокой груди. Казалось, она уже наслаждалась теми муками, которые еще предстояли Приговоренному.

В другой группе людей, бедно одетых, вдруг привлекла к себе внимание женщина, красивая и молодая, как Юдифь, но изнемогшая от слез, с бледным растерянным лицом. Высоко поднимая руки, она упала на колени. Раздался тихий, дрожащий стон.

Никто не подошел, чтобы утешить или помочь. Кто-то смотрел с любопытством, большинство — насмешливо и презрительно. Но из той же группы легкой царственной походкой к ней придвинулась женщина, закутанная в покрывало, и, опустившись на колени, обняла ее.

Юдифь Искарот с презрением глянула на них.

— Следовало бы прогнать камнями грешниц, с которыми общался этот сумасшедший Пророк! — сказала она Каиафе.

— Да, дурное общество должно быть отстранено от того места, где проходишь ты, прелестная Юдифь, — сказал Каиафа, но тень насмешки промелькнула на его тонких, бледных губах. — Потому-то я и прогнал Варавву. Но что касается распутной Магдалины — пока ничего нельзя сделать: женщина, которая ее обнимает — мать Назарянина. Если бы мы лишили ее права оплакивать своего сына с женщинами, с которыми она пришла сюда, то народ возмутился бы против нас. Закон всегда должен идти рука об руку с милосердием. Потерпи, прелестная Юдифь. Ты должна была предвидеть, что в такой толпе нельзя быть одним праведникам! — добавил он с иронией.

Гневный румянец покрыл щеки Юдифь, глаза зловеще засверкали.

— Я пришла сюда, чтобы увидеть смерть Назарянина, — сказала она

резко. — Только я буду смотреть на Его мучения не со слезами, Его агония будет моей радостью. Ведь я Его ненавижу! Он внес раздор в нашу семью. Он сделал брата фанатом Своего учения. Был ли человек счастливее Иуды?! Отец его любил, мне он был дороже всего на свете. И вдруг слухи о силе этого тщеславного Пророка выманили его из дома. К чему новая религия тем, кто поклоняется Богу Авраама, Исаака и Иакова и кто с колыбели свято исполняет закон! Иуда Искарот, благородного происхождения, единственный сын и наследник моего отца, странствовал по всей стране с сыном плотника. Жил с простыми рыбаками, посещал бедных и прокаженных, когда мог жить в довольстве... Он покинул дом, действовал наперекор воле отца — и все ради самозванца, которого наконец-то уличили в богохульстве и приговорили к давно заслуженной смерти! Моя ненависть к Нему огромна! Я встала сегодня как никогда рано, чтобы присутствовать в суде. Когда народ склонялся к милосердию, я говорила слова, разжигающие гнев, я первая кричала: «Распни Его!»

Каиафа сказал с заметной нежностью в голосе:

— Да, твой крик звучал как серебристый колокольчик... А Иуда мне всегда был симпатичен. Это галилейский Пророк увлек его и заставил бежать из города... Ты не знаешь, куда?

Тоска отразилась на красивом лице Юдифь.

— Не знаю, — ответила она грустно. — Вчера ночью брат приходил ко мне после того, как навел стражу на Назарянина... Он был как помешанный и проклинал и себя, и меня. Я пыталась его успокоить, называла всеми ласковыми именами, какие приходили на ум, но он не замечал моей любви. Пришел отец и стал умолять его вспомнить свой долг перед семьей и отечеством, но он еще громче кричал и бил себя в грудь: «Согрешил, согрешил! Невинная кровь жжет мне руки!» Вырвавшись затем их наших объятий, Иуда убежал в глухую ночь. С тех пор я его не видела...

Две слезинки задрожали на ресницах Юдифи Искарот и упали на драгоценные украшения ее накидки.

— Да, юноша повел себя очень странно, — говорил первосвященник. — Он исполнил свой долг, и надо бы радоваться, а не горевать. Надеюсь, это его настроение временное и все будет хорошо. Утешься этой мыслью, Юдифь, и удовлетвори свою жажду мести —

Назарянина уже пригвозждают к кресту.

Центурион Петроний поднял руку, давая сигнал к началу пытки, и, к своему ужасу, опять встретил терпеливый взгляд Божественных очей — они, словно две звезды, были полны далекой, неразгаданной тайны.

Петроний не выдержал этого взгляда. Дрожа всем телом, он быстро отвернулся.

Получив приказ, палачи встали на колени и взялись за свою страшную работу. Их сильные, грубые руки, забрызганные кровью двух других распятых задержались на мгновение. А вдруг этот Человек станет сопротивляться? Не лучше ли и Его привязать веревками, как тех? Но глаза, устремленные ввысь, были спокойны. Нет, здесь можно обойтись без пут... Галилеянин поразительно мужествен...

Не колеблясь больше, они стали вбивать огромные гвозди в Его ладони. Потрясенная земля глухим эхом ответила на гулкие удары молотков, звучащих как набат, извещающий о жертве Бога и о спасении мира! А к светлому Престолу Всевышнего полетела мольба распинаемого Сына Божия:

— Прости им, Отец: они сами не знают, что творят.

Глава XIV

Невыносимая жара давила, как груда раскаленного железа. Силы природы были парализованы. Земля словно остановилась в своем вечном путешествии вокруг Солнца. Люди ощущали невольный страх, причину которого никто не смог бы назвать, но страх великий, потрясающий!

Закончив с руками, палачи принялись за ноги Страдальца. Из пробеленного тела лилась кровь. Но Тот, Кого так жестоко истязали, по-прежнему стойко переносил мучения. Его тело молча протестовало против человеческой несправедливости, но Дух, который жил в этом теле, был непобедим.

Многие из стоящих на Лобном месте слышали бесстрашное, святое учение Того, чью пытку они так хладнокровно пришли смотреть. Они слушали Его в поле, на горе или у моря, когда Он говорил им неслыханные вещи — что Бог это Дух и нужно поклоняться Ему духом и истиной. По Его словам, не грозный, мстительный Иегова был Всевышний Творец, а любящий Отец, обещающий Своим детям рай.

Этот распятый по их повелению Человек однажды собрал вокруг Себя толпу бедных, больных и грустивших и, озаряя всех нежной как весеннее солнце улыбкой, сказал: «Придите ко Мне, все страждущие и обремененные, и Я успокою вас».

И они пришли к Нему, эти несчастные люди, они стояли перед Ним на коленях и плакали у Его ног; они целовали Его одежду и землю, которой касались Его ноги; они подносили к Нему детей и доверяли Ему свои горести. И Он, благословляя, возлагал на их головы Свои руки. Эти руки, обладающие таинственной целебной силой и творившие одно только добро, теперь были пригвождены к бревну.

Вся вселенная, казалось, ждала мгновения — водружения креста.

И вот палачи подозвали сотника, чтобы тот мог удостовериться в добротности их работы — гвозди плотно вонзились в тело Страдальца.

Петроний подошел с замирающим сердцем, глаза его затуманились. На этот раз Божественные очи не взглянули на него, они смотрели вверх, на небеса, как бы вбирая в Себя всю огненную силу сияющего солнца.

Сотнику вдруг показалось, что внезапно потемневшее светило отбрасывает какую-то загадочную тень. Он протер глаза, но таинственная тень — как от расправленных крыльев — все лежала на земле. Остальные, по-видимому, ничего этого не видели, их внимание было поглощено поднятием креста.

Озадаченный, Петроний отошел в сторону, и шестеро сильных, мускулистых людей нагнулись, чтобы довести свое дело до конца. Но напрасно они прилагали все усилия и пот градом лил с них — крест с Божественным Страдальцем не поднялся с земли ни на пядь.

— Я же сказал, что Он геркулес, — сказал один из них. — Видно, нам не обойтись без Симона. Эй, Кириянин, где ты?

Толпа раздвинулась и вытолкнула угрюмого силача.

Он покорно подошел к подножию креста и сказал палачам:

— Поднимайте верхние бревна.

Те не возражали — Кириянин добровольно избрал самую большую тяжесть, которая придется на его долю, когда будут устанавливать крест.

Все — и палачи, и зрители — были так увлечены тем, удастся ли водрузить крест непомерной тяжести, что не заметили, как с

невероятной быстротой распространились непонятные сумерки.

Толпа следила за Симоном Киринаянином. С умиленным видом грубый великан обеими руками взялся за крест и медленно, но уверенно стал приподнимать его от земли, пока кровотокающие ноги Христа не оказались на груди силача. Шестеро у других концов креста еле попевали за ним.

Лицо Симона потемнело от напряжения, но он выдержал, и скоро крест с Распятым Милосердием был вдвинут в яму на самой вершине горы.

Он упал с глухим звуком, словно ударил в самый центр земли, и несколько мгновений раскачивался как дерево во время бури, но его быстро укрепили, и он стоял, значительно возвышаясь над двумя другими, где висели разбойники.

Сделав все, что от него требовали, Симон отошел от Символа спасения, обгаренный кровью Невинной Жертвы, которая жгла его как огонь. Он запахнул свою одежду, чтобы скрыть кровавое пятно, как прячут чудесный талисман от посторонних глаз. Оно причиняло страдание, как если бы сам Симон был ранен, но это переживание наполняло его душу восторгом. Земля вокруг него кружилась, как водоворот, и он шел пошатываясь, тихо повторяя слова надписи над Божественным Мучеником:

— Иисус Назорей — Царь Иудейский...

Толпа торжествовала: для Безвинной Жертвы начались медленные предсмертные муки.

Бешеные, восторженные, оглушающие крики неслись все дальше и дальше с Лобного места и долетали до светлого храма Соломона, над которым предвестниками бури клубились тучи пыли.

Вопль кровожадных варваров неожиданно продолжился другим звуком — глухим ударом отдаленного грома. Он перекачивался в небесах сурово и гневно, и потрясенный народ оторвался от зрелища жестокой пытки и вдруг увидел, что небо потемнело, и солнце почти полностью закрыто черной тучей. Распятый на кресте Сын Божий казался в этом сумраке белее снега.

Вдруг толпа замерла, прикованная к месту сверхъестественной силой. Не смея шевельнуться, люди пристально смотрели на высокий крест с распятым на нем Божественным Страдальцем. Животный страх

леденящим ветром проник в их души.

А небеса все темнели, и не умолкали грозные удары грома.

Глава XV

Серый, непроглядный, как темная завеса, туман опускался на землю. Природа приняла какой-то призрачный вид. Линия римской охраны растворилась во мгле, и на том месте, где стояли солдаты, лишь иногда мелькал стальной блеск оружия. Стиснутые толпы слились в огромное темное пятно. Хорошо виден был только высокий крест с белеющим телом Божественного Распятого.

Очерченный резко и отчетливо, крест принял гигантские размеры, простираясь с востока на запад, от земли до самого неба.

Вдруг молния разорвала пространство, осветив его ярко-синим оттенком; грянул оглушительный, перекастистый гром. Мужчины побледнели, женщины закричали, даже невозмутимых римских воинов охватил суеверный страх: наверное, это колесница сурового Юпитера катится по небесам, значит, ярость его перешла все границы. Но неужели он гневался потому, что распяли какого-то Назарея?

Чутким к настроению толпы, Каиафа забеспокоился. Эта буря, начавшаяся в момент распятия, могла повлиять на невежественную чернь — как бы толпа не подумала, что небесные силы хотят отомстить за смерть галилейского Пророка.

Ему хотелось поделиться своими опасениями со стоящей рядом Юдифью. Когда Каиафа наклонился над ее ухом, внезапно яркий свет озарил всю Голгофу. Солнце вырвалось из-за туч, и его огненные лучи залили землю.

Люди повеселели, ободрились, а Каиафа торжественно подошел к кресту смиренного Страдальца и крикнул:

— Разрушающий храм и в три дня Созидающий, спаси Себя Самого — сойди с креста.

Толпа одобрительно засмеялась. Даже угрюмые римляне ухмыльнулись: если Он действительно Чудотворец, пусть покажет Свою силу!

Каиафа довольно улыбнулся — ему удалось снова заинтересовать толпу зрелищем казни. Все еще стоя перед крестом, он хладнокровно смотрел, как капля за каплей сочилась кровь Пророка.

Хитрый Анна, напустив на себя лицемерную жалость, тоже подошел поближе и, мягко потирая руки, тихо, но внятно сказал:

— Других спасал, а Себя не может спасти! Сойди с креста, и мы уверуем в Тебя!

Агонизирующий Ганан услышал эти слова и из последних сил присоединил к ним свои проклятия.

— Богохульник, — хрипел он, бешеными глазами глядя на Светлую Голову в терновом венце, склонявшуюся все ниже и ниже. — Хорошо, что Ты умираешь, хотя я с наслаждением увидел бы на Твоем месте Варавву. Если Ты не лживый Пророк, а Христос, спаси Себя и нас!

Другой разбойник, тяжело и редко вздыхая, с трудом поднял голову.

— Ганан, побойся Бога! Мы осуждены справедливо... А Он ничего плохого не сделал...

Собрав оставшиеся силы, он повернулся в сторону распятого Христа. Удивление, восхищение и надежда озарили лицо страдальца, потухающие глаза его засияли.

— Помяни меня, Господи, — сказал он тихо, — когда придешь в Царство Свое.

Медленно, с нежной кротостью Христос поднял голову, и лучезарные глаза с выражением вечной любви посмотрели на просящего. Тихий, бесконечно грустный голос произнес:

— Истинно говорю тебе, ныне же ты будешь со Мною в раю.

При этом обещании раскаявшийся грешник улыбнулся. Grimаса боли сошла с его лица, голова опустилась на грудь, мышцы перестали дрожать. Он успокоился.

А муки Ганана еще не кончились. Он продолжал борьбу со смертью, и все отвернулись от этого страшного зрелища.

Опять раздался сильный удар грома. Земля в ответ качнулась, и новый страх овладел толпой.

Каиафа не отошел от Невинно Осужденного Праведника, а, показывая на крест, громко закричал:

— Ты уповал на Бога! Пусть Он избавит Тебя, если Ты угоден Ему, Ты ведь говорил: «Я Божий Сын».

Но никто уже не смеялся. Встревоженные глаза людей устремились к солнцу, которое стало совсем неузнаваемым, густо-багровым. Их внимание также занимала маленькая коричневая птичка, сидевшая на

перекладине креста и тоненьким клювом дергавшая колючий венец на окровавленной голове «Царя». Стражник бросил в нее камень. Раненая, она вспорхнула, но опять вернулась и возобновила свой труд. Ее опять спугнули, но она настойчиво возвращалась и теребила терновую корону, словно пытаясь сорвать ее. Маленькое крылатое существо улетело насовсем лишь тогда, когда Страдалец взглядом поблагодарил птичку с окровавленной грудкой за ее усердную работу и приказал оставить напрасный труд.

Молния снова осветила небеса и землю, возобновились удары грома. Толпа беспокойно оглядывалась на Иерусалим, желая поскорей возвратиться туда. Но вдруг внимание людей привлекла Юдифь Искарот. Зловещая улыбка приклеилась к ее губам, лицо поразительной, но холодной красоты было приподнято кверху, а драгоценные камни на ее груди переливались всеми оттенками змеиной кожи. Подняв точеную белую руку с многочисленными украшениями, она презрительно указала на Христа и рассмеялась:

— Если Ты — Сын Божий, сойди с креста!

Серебристый голос был неповторим, и Варава узнал его. Он стремительно направился к его обладательнице, чтобы любой ценой прекратить издевательство над Смирненным Страдальцем. Склоненный Лик вознесенного на крест Богочеловека был омрачен тенью упрека.

Юдифь не унималась. Еще более звучным голосом она закричала:

— Слышишь меня, богохульник? Если Ты — Сын Бога, сойди с креста!

Как только злая насмешка слетела с ее губ, ослепительно сверкнула молния, ярко осветив крест Божественного Мученика.

Оглушительно ударил гром — казалось, тысячи миров столкнулись в небесах! Земля вздыбилась, как гребень морской волны, и медленно опустилась. Густая тьма объяла землю. Непроницаемая, черная ночь в одно мгновение изменила ландшафт, превратив его в беспорядочный, мрачный хаос.

Глава XVI

Визг и стоны, просьбы о помощи, испуганные крики множества людей, кидающихся то в одну, то в другую сторону, ничего не видящих перед собой...

— Света! Боже, дай нам света!

На тысячи ладов повторялась эта мольба несчастных, отчаявшихся мужчин и женщин, натыкающихся друг на друга в страшной темноте и давке.

Но ответа на их вопли не было. Царил глубокий мрак. Даже молния не сверкала больше, хотя раскатистый гром то раздавался совсем рядом над головами, то гремел вдали.

Одному солдату удалось высечь огонь и зажечь крохотную щепочку, и сразу сотни рук потянулись к нему. Стали жечь все, что могло гореть и давать свет. Появилась какая-то надежда... Но вдруг новый ужас сковал толпу.

— Мертвецы! — кричали со всех сторон. — Они поднялись из могил! Они среди нас!

Слышались рыдания и истерический смех. Многие кинулись на землю в припадке неодолимого страха. Затепленные слабенькие огоньки погасли, и снова неестественная, непроглядная ночь укрыла землю.

В этом мраке металась заблудшая овца дома Израилева, безрассудно просящая дать им света, когда Свет мира совершал переход из жизни в смерть и вся природа была обязана идти за Ним.

Птицы перестали петь, деревья прекратили свой таинственный шелест, журчащие ручейки притаились, солнце спрятало свое пылающее лицо, стихли ветры, и только человек своими трусливыми стонами и жалобами нарушал траурную торжественность величайшего момента. Но силы небесные были глухи к людской мольбе.

Планета, потрясенная ужасом и страхом, вместе со Спасителем почувствовала муки полного разрушения и позволила смерти заключить себя в страшные объятия, которые должны были скоро разжаться, побежденные торжеством вечной, бесконечной жизни!

Минуты тянулись как часы, и ни лучика света не проникало во мрак, укутавший Голгофу.

Многие люди продолжали лежать в пыли и всхлипывали, как наказанные дети, другие просто молчали, третьи изрыгали вопли и проклятия. Все вместе это напоминало ад, наполненный мучившимися грешниками.

— Люди Иерусалима, — раздался в темноте хриплый, но сильный

голос Каиафы, — преклоните колена и молитесь. Просите Бога Авраама, Исаака и Иакова, чтобы это бедствие прекратилось. Иегова никогда не оставлял Своих детей, и теперь Он не покинет нас, хотя и гневается. Не бойся, избранный народ Господний, но взывай к Нему сердцем и голосом, чтобы Он нас избавил от этого мрака! Мы вызвали Его негодование тем, что терпели в нашей среде этого Лжепророка и богохульника. И хотя окружающая нас темнота полна бесами, пришедшими за душой хвастливого Назарянина, склоните головы, сыновья и дочери Иерусалима, — и молитесь Богу ваших отцов, чтобы Он избавил вас от опасности!

Воззвание достигло цели. Все бросились на колени и стали молиться — кто громко, кто вполголоса. Взывали по-гречески, по-арамейски, на латыни. Молитвенный напев иудеев смешивался с обращениями язычников к своим богам.

— О Бог наш, Бог наших отцов! Услышь нашу молитву! Не отвернись от нас! Мы согрешили, мы не следовали Твоим предписаниям и за это наказаны. Вспомни нас, Боже, и помилуй! Не уничтожь нас Своим гневом! Будь милосерд и пошли нам Свое благословение! Верни нам жизнь! Вспомни Свой обет спасения и прощения! Спасите нас, Зевс, Аполлон, Гермес!

Пока они бормотали так, полу боясь, полу надеясь, гром в небесах вновь грянул с таким неистовством, так оглушительно, что паника снова овладела толпой, голоса иудеев и иноземцев слились в непрерывный беспомощный вопль.

В этой страшной, преждевременной ночи Варавва пытался отыскать Юдифь. Вытянув руки вперед, как слепец, он шел в направлении, которое казалось ему правильным и должно привести к любимой. Вдруг он споткнулся — путь ему преградило чье-то тело. Варавва нагнулся, руки его коснулись дорогого тончайшего виссона.

— Юдифь?! — прошептал он с замирающим сердцем.

Ответа не было, и Варавва стал ощупывать съежившуюся комочком фигуру — он искал миниатюрное оружие у пояса той, которую любил. Он не ошибся — кинжальчик был на месте. Это — Юдифь. Она, наверное, потеряла сознание.

Варавва тер её руки и старался взглядом пронзить тьму, желая убедиться в том, что находится достаточно далеко от креста с распятым

таинственным Человеком из Назарета. Нечаянно коснуться Его окровавленных ног, услышать Его последний вздох — это было сверх сил грешника, который должен был умереть вместо этого Святого.

Подняв Юдифь на руки, он осторожно, шаг за шагом, относил ее подальше от места, внушавшего ему такой ужас.

Сколько раз в мыслях он отдавал свою жизнь за то, чтобы вот так держать любимую возле своего сердца, но теперь было что-то противное его душе в том, что при других обстоятельствах вызвало бы прилив счастья. Лоск одежды, надушенные волосы, холодное прикосновение ее украшений — все эти мелочи действовали на него отталкивающе, сознание тяжкого греха угнетало душу. Грех и Варавва были старыми приятелями, не раз они буйствовали вместе. Почему же грех стал ему противен? Почему теперь, коснувшись губ страстно любимой женщины, он весь содрогнулся от ужаса?

Почувствовав поцелуй, Юдифь пошевелилась и, глубоко вздохнув, прошептала:

— Это ты, Каиафа?

Острые иглы впились в сердце Вараввы. Он пошатнулся и едва не уронил свою ношу. Но справившись с собой, глухо ответил:

— Нет, это Варавва!

— Варавва! — Она схватила его за шею и крепко прижалась к нему. — Ты всегда был храбрым и мужественным! Спаси меня! Выведи из этого мрака!

— Я не могу, Юдифь, — грустно ответил он. — Весь мир укрыт этой черной ночью. Все молятся, не пытаясь уйти отсюда. Надо и нам ждать здесь — может быть, свет еще вернется...

— Нет, уйдем в город — там можно зажечь факел и бороться с мраком! Или я ошиблась, считая тебя сильным, и ты всего лишь ничтожество? Ты — трус, Варавва, и эгоист, как все люди...

— Юдифь, твои обвинения напрасны, — защищался Варавва.

— Тогда идем, — шептала ласково Юдифь, сильнее прильнув к нему. — Видишь, как я тебе доверяю? Мы пойдем медленно и осторожно... Тропинка где-то здесь, недалеко...

— Найти ее в этой кромешной мгле — все равно что отыскать жемчужину на дне морском, — все еще надеялся отговорить любимую Варавва.

Но она были по-царски непреклонна.

— И все-таки мы не останемся здесь! Если ты любишь меня...

Варавва задохнулся от объятий ее ласковых рук.

— Я так люблю тебя, Юдифь, — наконец смог выговорить он, — что могу возненавидеть! Ты непостоянна, как ветер! Скажи, пока я был в тюрьме, кем ты повелевала?

— Жестокий! Ты устраиваешь сцены ревности, когда мне угрожает опасность! Спаси меня, и ты будешь вознагражден! Но ты не можешь двинуться с места, где царит мрак, вызванный чародействами Назарянина Исуса, потому что дорожишь своей жизнью больше, чем моей!

— Юдифь! — отчаянно воскликнул Варавва. — Не произноси имя умирающего Пророка! Ты смеялась над Его страданиями, и как только были произнесены твои жестокие слова, страшная тьма окутала нас. Пойдем! Я подчиняюсь твоему капризу, хотя лучше было бы остаться на Голгофе и молиться...

— Молиться, когда Бог так карает нас?! — воскликнула Юдифь горделиво. — Пусть чернь безропотно ждет смерти!

— Хорошо, всё будет как ты хочешь, — покорился Варавва.

Юдифь снова нежно прижалась к нему, и он забыл все сомнения, страх и предчувствия. Взявшись за руки, они двинулись в темноте по черным, непроглядным глубинам ада.

Глава XVII

Юдифь торжествовала и с каждым шагом вперед чувствовала себя все более спокойно и уверенно.

— Вот видишь, — сказала она ликующе, — опасность отступает перед храбрецами, и мы, сами того не замечая, скоро спустимся с этой проклятой горы.

— И что же потом?

— Я приведу тебя в дом моего отца, расскажу, что ты меня спас, и он, забыв все твои преступления, примет тебя с должным почетом. Разве это не лестно твоей гордости и чести?

Варавва тяжело вздохнул.

— Увы! Честь и я давно расстались друг с другом. Сейчас моему сердцу больше сродни тяжесть. Может быть, это из-за любви к тебе, или

мои грехи тянут меня вниз. Я так удручен, что словами не расскажешь... Ведь это я должен был умереть сегодня, а не святой Назарянин!

— Ты называешь Его святым? — в голосе Юдифь звучала усмешка. — Тогда ты сумасшедший! Этот Назарянин — преступник и богохульник...

Варавва не дал ей продолжить.

— Молчи, молчи! Умоляю — не говори ни слова... Тише! Кажется, кто-то плачет рядом... Юдифь рассердилась.

— Мне ни до кого нет дела! Не останавливайся! Не отвечая, Варавва пытался определить, откуда доносятся рыдания. Его самого вдруг охватила страшная тоска.

— Идем же! — нетерпеливо звала Юдифь.

— Я не могу идти вперед, — сказал Варавва грустно. — Какая-то сила влечет меня обратно.

— Трус! — крикнула Юдифь. — Оставайся, я и одна дойду!

Варавва удержал ее.

— Подожди, потерпи немного, — умолял он хрипло. — Я заставлю себя идти, даже если это будет стоить мне жизни. Все равно она принадлежит тебе. Но прошу, не говори плохо про Назарея!

— Кто ты такой, что смеешь меня поучать?! — сказала Юдифь презрительно. — И что ты так печешься о Нем? Ты, презренный раб, укравший жемчуг только потому, что я люблю эти перламутровые горошины?! Почтенный Варавва, совершивший преступление в угоду женскому капризу! Убивший Габриаса за то, что он меня любил!

Варавва не сдержался и больно сжал ее руки.

— Юдифь, теперь не до шуток! Нас окружает смерть, и я узнаю истину прежде, чем сойду с этого места или отпущу тебя! Признайся, ты тоже любила Габриаса?

Вырываясь, Юдифь ответила высокомерно:

— Я никого не люблю! А меня любят все! Разве я не первая красавица Иудеи? Сейчас ты рядом со мной и можешь держать меня в своих объятиях. Будь же доволен — тебе так много досталось! Есть люди, куда значительнее тебя, обожающие прекрасную Юдифь!..

— Например, священник Каиафа? — Варавва рассвирепел окончательно.

Она рассмеялась — лукаво, торжествующе и, не отрицая предположения, сказала:

— Идем! Сейчас я твоя, и только твоя!

Но Варавва, внезапно отпустив её, молча стоял.

— Мы теряем драгоценное время, — торопила Юдифь.

Варавва не отвечал, и Юдифь, придвинувшись к нему, осыпала его страстными поцелуями.

— Уведи меня отсюда, — шептала она ласково, — и ты не пожалеешь...

— Вот какова первая красавица Иудеи! — воскликнул Варавва брезгливо. — Не искушай меня, если не хочешь, чтобы в этом мраке я убил тебя, как Габриаса! Если бы я знал, что его слова — не похвальба, а правда, он бы остался жив. Иди одна, губительница душ! Я выкорчевываю из своего сердца любовь к тебе. И если позволю лукавому образу жить в моей памяти, пусть Всевышний проклянет мою душу! Ты — воплощение ада! Обманывай других, меня ты больше не проведешь!

Юдифь рассмеялась своим серебристым смехом и, не смущаясь, с змеиной гибкостью прильнула к Варавве.

— Не хочешь, чтобы тебя обманывали, бедный Варавва? — сказала она слащаво. — Не хочешь быть моим рабом? Но я же чувствую, что ты весь дрожишь! Идем! — Она дернула его за руку. — И ты одержишь победу, о которой и не мечтал!

На какое-то мгновение он сдался и уже рванулся за ней, но прежнее чувство омерзения охватило его с удесятеренной силой, и он остановился.

— Нет! Довольно! Я не пойду с тобой!

— Тогда подыхай, как собака! — закричала она и бросилась вперед, в темноту.

Вдруг огромный огненный шар, прорезав небеса, упал на землю. Прокатился чудовищный удар грома, и земля, глухо рокоча и колеблясь, внезапно разверзлась, а в образовавшейся пропасти заметались языки яркого пламени. На фоне бушующего огня возник силуэт Юдифи в накидке огненного цвета. Затем снова раздался грохот, и воцарился прежний беспросветный мрак.

Глава XVIII

Теряя разум, множество испуганных людей носились в темноте, натывая друг на друга, плача и неистово крича, проклиная и молясь. Паника охватила даже самых храбрых и стойких.

Варавва был там, где его оставила Юдифь. Холодный пот градом катился по его спине. Он ощущал не просто страх, а ужас. Неизгладимая вина лежала на всем человечестве, и она была причиной происходящего.

Удалось ли Юдифи спастись, или она сорвалась в полыхающую расселину?

Он громко позвал:

— Юдифь!

Ответа не было.

Тогда он побрел наугад, надеясь, что возвращается туда, где страдал Праведник, умирающий вместо него, грешника Вараввы. Не пройдя и нескольких шагов, он споткнулся о лежащего на земле человека.

— Осторожно, кто бы ты ни был — не поранься о мой меч! — предупредил глухой голос.

— Как твое имя, друг? — спросил Варавва и услышал:

— Центурион Петроний зовут меня.

Варавва вздрогнул и с замиранием сердца спросил:

— Скажи, Назарянин умер? Петроний ответил:

— Пока меня не поразила молния, Он еще дышал и страдал, а теперь не знаю...

Подняв к небу руки, Варавва робко произнес:

— Где Ты, Умирающий вместо меня?

И замер, надеясь услышать какой-нибудь звук, вселяющий надежду на то, что Распятый Праведник жив.

Его слух уловил тихое рыдание, и ему показалось, что это плачет Пророк.

— Откликнись, Святая израненная душа! — сказал бывший преступник, сердце которого рвалось от боли. Печальный вздох раздался в темноте.

— Где Ты? — забеспокоился Варавва. — Я не могу найти Тебя! Мрак покрывает мир, и я, великий грешник, в нем потерял, но сердце мое рыдает вместе с Тобой!

Он упал на колени, и слезы хлынули из его глаз.

Дрожащая женская рука коснулась его ладони.

— Тише! Успокойся и молись, страдающий грешник! Будь твои прегрешения многочисленны, как песчинки в пустыне, твои слезы их искупят! Не бойся! Мрак скоро исчезнет и засияет свет!

— Если это так, — благодарно сказал Варавва невидимой собеседнице, — почему в твоём голосе слезы?

— Я плачу над злом, причиненным Воплощению Величайшей Любви, — ответил кроткий, мелодичный голос, и Варавва догадался, кому он принадлежит.

Рядом с Матерью Иисуса Варавва уже не чувствовал себя одиноким. Но горе терзало его сердце.

Зачем ему жить? Он был изгоем в обществе! Вспоминая свои грехи, он ужаснулся количеству зла, гнездившемуся в нем. Слепая страсть к Юдифи казалась самым тяжким из всех его преступлений. Из-за нее он потерял честь и сделался извергом даже в собственных глазах. С того времени, когда его привели к Пилату, и до настоящей минуты прошла целая вечность, богатая событиями души и совести, которые в глазах Бога более значительны, чем истории государств! Народ освободил его, вора и мошенника; народ приветствовал его радостными криками... Но что значит восторг толпы перед сознанием бесконечной вины за свои грехи?! Свинцовым грузом висли они на бессмертном духе, рвущемся к совершенству.

Стоя на коленях, Варавва молился о наступлении смерти — такая жизнь ему была не нужна.

Вдруг ему почудился слабый свет. Медленно распространяясь вокруг величавой фигуры женщины с кротким лицом, обращенным в сторону невидимого креста, свет отвоевывал власть у тьмы. Расширяя свои владения, он достиг надписи «Исус Назорей — Царь Иудейский» и озарил Божественный лик Распятого. Отвращение от греха мира, жалость и любовь ко всем его существам, неизменное желание все простить людям и дать надежду раю — все эти великие чувства отражались на бледных чертах Сына Божия, вознесенного на древо.

Скоро целые потоки света хлынули на Голгофу, обнаружив странную картину. Все находящиеся на холме люди оказались на коленях перед распятым Христом, их лица были повернуты к Нему.

Испуганные, беспокойные, отчаявшиеся, они все как один обратились к Единственному их Спасителю.

Как только опасность миновала, и смерть уже не казалась неизбежной, к недавно удрученным, поверженным в прах людям вернулось прежнее настроение. И вот вновь послышались крики, гомон.

Варавва не принимал участия в ликовании. Он снова увидел Магдалину, в глубокой печали распростершуюся у подножия креста. Душа Вараввы затосковала от сравнения двух женщин. Юдифь Искарот — прекрасная, гордая аристократка, грешная, но скрывающая свои грехи, и раскаявшаяся блудница Мария Магдалина, не менее прекрасная, но убитая горем, презираемая людьми... Кто из них заслуживает более сурового приговора? Да и вправе ли люди, каждый из которых тоже не без греха, судить кого бы то ни было?

Магдалина подняла заплаканные глаза и посмотрела на Варавву. Губы ее дрожали, словно на них трепетало какое-то невысказанное слово. Затем, пряча лицо под покрывалом, она пала ниц рядом с Матерью Иисуса.

Безмерно скорбный, но ясный голос произнес:

— Или, Или! лама савахфани? (Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил!)

Любопытные взгляды жадно устремились к кресту.

— Или, Или! лама савахфани? — послышалось вновь, и проникновенная мольба Сына Божия была подхвачена небом.

Исчезнувшее солнце вновь запылало над Голгофой.

— Илию зовет, — сказали в толпе. — Посмотрим, поможет ли он Ему!

В ответ рассмеялись.

Началась предсмертная агония Назорея. Божественная Чистота, Божественная Любовь завершила Свой земной путь. Беспорочное тело Христа охватила дрожь, дыхание стало прерывистым, лучистые глаза застыли на какой-то, казалось, одному Ему известной мысли.

Петроний, оправившийся от удара молнии и занявший свой пост у креста Назорея, шепнул что-то стоящему рядом воину, и тот, насадив на копье смоченную уксусом губку, поднял ее к устам Божественного Страдальца.

Но вмешался Анна. Выдвинувшись из толпы, коварный священник

сказал со слащавой улыбкой:

— Оставь, оставь! Илия придет спасти Его — Он же Сын Божий...

В толпе захихикали.

Петроний нахмурился и посмотрел на Анну с глубоким презрением.

Освободившись от зловещих, черных туч, которые переместились к Иерусалиму и зависли над храмом Соломона, солнце ярко озарило Христа. С небес спустилось золотистое облако и, словно ангельскими крыльями, осенило крест. Бледный лик Спасителя мира сиял таинственным восторгом. Голос, торжественный и мелодичный, как райская музыка, произнес:

— Отче, в руки Твои предаю Дух Мой!

Лучистые глаза смотрели на людей с такой жалостью, с такой бесконечной любовью и тоской, что все замолчали, пораженные страхом и стыдом. Прощальный, долгий взгляд Бессмертного Бога, расстающегося со смертными! И последнее, завершающее слово:

— Свершилось!

Светлая голова в терновом венце тяжело упала на грудь... Смерть взяла свое. Все было кончено. Тот, Кто называл Себя Сыном Бога, умер. Золотистое крылатое облако, окружавшее крест, медленно таяло. Красный факел солнца погас, словно кто-то великий, невидимый дунул на него.

Глава XIX

С минуту продолжалась торжественная, траурная тишина. Но вот кто-то кашлянул, кто-то зашевелился, и толпа шумно стала расходиться — зрелище кончилось!

— Это был Сын Божий... — бормотал Петроний, глотая слезы.

Варавва испуганно прошептал:

— Ты так думаешь? Тогда что же будет с тем, кто убил Его?

— Не знаю, — ответил римский сотник. — Я всего лишь солдат и исполнял приказ. Но я, пожалуй, не так слеп, как те, кто подарил жизнь тебе, Варавва, и приговорил Его к смерти... Конечно, в этом виноват не ты, и даже не народ. Такова воля священников. Будь они прокляты, именем Бога добивающиеся своих целей! Распятый Праведник обличал лицемерие и потому погиб. Но мир еще услышит о Нем!

Несмотря на слова Петрония, Варавва был разочарован. В глубине

души он был убежден, что Человек из Назарета не может умереть. Он надеялся, что в последнюю минуту случится чудо, и посланник небес, сопровождаемый громами и молниями, сойдет на землю и объявит людям, что этот Страдающий Пророк — давно ожидаемый Мессия. Если бы Иисус действительно был Сыном Бога, как говорил центурион, произошло бы что-нибудь сверхъестественное...

— Свершилось! — сказал грустный, мягкий голос у самого уха Вараввы.

Тот вздрогнул и увидел своего таинственного знакомого, бледного, но с торжествующей улыбкой.

Мельхиор повторил:

— Свершилось! Весь мир получил это дивное уверение, и теперь ни один человек не должен бояться смерти. Пойдем! Предоставим тело Христа слезам и рыданиям женщин, которые Его любили. Мы уже сделали все, что могли — мы Его убили!

И он схватил за руку сопротивлявшегося Варавву.

— Говорю тебе, следуй за мной, не искушай судьбу!

— Ты смеешься надо мной! У меня нет другой судьбы, кроме полного отчаяния!

— Отчаяние — грех, — возразил Мельхиор спокойно. — Измена женщины — не причина для того, чтобы оставлять всякую надежду.

Темные глаза Вараввы повлажнели от тоски.

— Я нашел Юдифь и тут же потерял ее!

— Никогда потеря не была столь полезной! — насмешливо сказал таинственный спутник. — Я видел ее, она спускалась с горы...

— Значит, с ней ничего не случилось? — радостно воскликнул Варавва.

— Думаю... Она под надежной защитой. С ней был первосвященник Каиафа.

Варавва гневно сжал кулаки.

Пристально следивший за ним Мельхиор сказал:

— Ты все еще в ее путах и не можешь обуздать своих страстей, но я буду терпелив...

— Терпелив?.. — возмутился Варавва. — Кто ты такой, чтобы так говорить? Какое тебе до меня дело?

— Да никакого, — бесстрастно ответил Мельхиор. — Разве что,

изучая людей, я выбрал объектом наблюдения тебя. Ты — типичный представитель племени Израиля, так же как Назарянин — символ новой веры, новой цивилизации! Разве я тебе не говорил, что не Он, а ты будешь «царем иудеев»?

— Я тебя не понимаю, — сказал Варавва тоскливо. — Ты всегда говоришь загадками!

— Это обычай востока, — ответил Мельхиор. — Скоро ты все поймешь. Многие еще случится на удивление миру! Подожди!

Он внезапно остановился. На земле лицом вниз лежал человек. Мельхиор нагнулся и перевернул его. Лежащий посмотрел такими бешеными глазами, что Мельхиор и Варавва невольно отшатнулись.

— Убейте меня! — закричал он хрипло. — Растяните меня на раскаленной решетке! Переломайте все мои кости одну за одной! Пусть лживая кровь вытечет из моих жил! Придумайте самую жестокую пытку для меня!

Он вскочил на ноги и яростно продолжал:

— Я трус, трус, трус! Раструбите это по всему свету! Вырежьте это на камне — пусть все знают про лживого ученика Христа!

Закрывая лицо руками в порыве неизбывного горя, этот сильный человек зарыдал.

— Если ты — Петр... — начал Мельхиор.

— О, если бы я им не был! — закричал несчастный. — Если бы я только мог быть камнем, прахом земным, но не самим собой! Я — тот, кто в час беды покинул своего Учителя, Царя, Бога!

Слезы душили Петра, он умолк.

— Не оплакивай Назорея, — сказал Мельхиор участливо. — Его страдания кончились, Он умер.

— Да, умер, и мир без Него стал мрачным, как ад. А я... я трижды предал Его. Это случилось вчера. Он не упрекнул, не сказал ни слова...

У несчастного Петра начался новый приступ отчаяния.

— Почему, когда я отрекся от Него, от Его дружбы, земля не разверзлась, чтобы поглотить меня? О Боже, Боже, я до сих пор ощущаю это нежный, любящий взгляд Его очей, видящих все тайны моей души!

Горе Петра было так глубоко и искренне, что даже самый равнодушный человек пожалел бы его.

— Что было, то прошло, — сказал Мельхиор мягко. — Содеянного уже не уничтожить. Бедный Петр! Ложь твоя будет известна во все времена, всему миру! И ты будешь символом! Символом ошибки. На твоей не правде люди построят целое здание лжи... Но все же ты менее грешен, чем Иуда...

— Нет, он по крайней мере нашел в себе силы умереть, а я продолжаю жить! Варавва вздрогнул.

— Что ты говоришь? Разве Иуда Искарот умер? Голос Петра понизился почти до шепота.

— Тело его висит на масличном дереве в ущелье, темном, как могила, недалеко от того места, где он предал Учителя. Иуда убил себя вчера ночью, боясь увидеть дневной свет. Если бы я не был трусом, я бы тоже освободил себя от мучительных воспоминаний!

Варавва был ошеломлен.

— Брат Юдифи наложил на себя руки! Как она перенесет это? Кто сообщит ей горестную весть? Услышав эти слова, Петр в бешенстве закричал:

— Кто сообщит, говоришь ты? Я. Я уличу этого беса в женском обличье, натолкнувшего нас на измену. Отведи меня к Юдифи Искарот, и я провозглашу правду. Я небеса разорву силой моего обвинения!

Петр грозил кулаком, он весь был воплощением гнева,

— Не только я, но и мертвый Иуда проклинает ее! Его смерть будет омрачать всю ее жизнь! Будь она проклята! Она обманула нас? Она убедила своего брата предать Учителя! Пусть каждое слово, сказанное мной, вопьется в ее хитрое, лживое сердце и мучит до бесконечности!

— Петр! Сними свое проклятие! Она женщина, и я ее любил!

Петр посмотрел на Варавву безумным взглядом.

— Кто говорит о любви в эти скорбные дни! Любви больше нет — она распята! Пойдемте со мной!

— Куда ты хочешь нас вести, Петр? — спросил

Мельхиор.

— В Гефсиманию. Но не туда, где молился Небесный Посланник в то время, когда Его ученики спали! Бесчувственные, мы спокойно улеглись спать, мы были глухи к Его голосу. «Вы не могли бодрствовать со Мной один час», — сказал Он нам терпеливо. Мы

спали, не желая для Него пожертвовать ни часом своего покоя! Вот вам доказательство земной любви! Мы клялись, что любим Иисуса, и все же покинули Его! Когда явилась стража, мы все разбежались... Вот что люди называют преданностью!

Весь дрожа, Петр продолжал:

— Мы пойдем к Иуде! Он терпеливо ждет нас. Мы можем отнести его домой, к отцу! Положить к ногам его сестры! Пусть она плачет, пусть рыдает, пока не исчезнет последний след ее красоты!

— Но есть ли у тебя доказательства, что Юдифь и в самом деле виновата? — защищал любимую Варавва. — Ты бредишь! Смалодушничав, ты отрекся от своего Учителя и теперь хочешь, чтобы и остальные были запятнаны.

— Да нет же! — настаивал Петр. — Пойдемте со мной, я расскажу вам правду. Все было так ловко и умно задумано, что таким простакам, как Иуда и я, показалось хорошим делом — Петр вдруг умолк. Он увидел на дороге высокого, почтенного человека, который торопливо шел куда-то. Проводив его долгим взглядом, Петр глубоко задумался.

— Куда так спешит Иосиф Аримафейский?

Задав сам себе этот вопрос, он посмотрел вверх.

Луна, невозмутимо плывшая над местом трагедии, призрачно-мертвенным светом окутывала три креста на самой вершине Голгофы. Они были пусты.

Закрыв лицо плащом, Петр стал спускаться вниз. Варавва и Мельхиор шли за ним. Временами они слышали его рыдания.

Глава XX

Скоро Петр остановился. Под сенью плотных, широких пальмовых листьев прятался колодец и рядом — каменная скамейка. Мириады звезд мерцали над головами. В бесцветном свете луны лицо Петра выглядело безжизненным, бледным.

— Здесь, — сказал он дрожащим голосом, — три дня назад сидел Учитель и говорил с нами.

Он упал на колени и приник головой к скамейке. Спутники не мешали ему. Варавва жадно вдыхал прохладную, влажную свежесть, исходившую от колодца. Мельхиор стоял, опершись о тонкий ствол пальмы. Его бронзовое лицо было спокойным, почти суровым.

Наконец перестав плакать, Петр посмотрел на него усталыми глазами, как бы впервые видя.

— Ты, наверное, из Египта... На тебе лежит отпечаток древней страны...

— Кто я и куда иду, не имеет значения, когда Сам Бог согласился принять смерть! Взгляд Петра стал пристальнее.

— Ты тоже был Его учеником?

— Лучше спроси меня, ощущаю ли я тепло и свет солнца... — ответил Мельхиор. — Эти тайны не для твоего народа и не для этого времени! Я всегда был и буду иностранцем в Иудее...

Он говорил мягко, но тоном, не поощряющим дальнейшее любопытство.

Петр все же сказал:

— Глядя на твое лицо, невольно вспоминаешь о том, как в ночь рождения Господа в Вифлеем пришли волхвы с Востока поклониться Ему... Ты не один из них?

Мельхиор покачал головой.

Но Петр не унимался.

— Если ты — восточный мудрец и будешь записывать происшествия этих дней, прошу тебя — пиши правду. Мне кажется, наши книжники и фарисеи извратят события или вообще умолчат о них...

— Об этом напишешь ты, Петр! — уверенно сказал Мельхиор. — И в своем рассказе упомянешь о том, как согрешил.

— Я не обучен грамоте! — ответил Петр грустно. — Но если я смог писать, неужели я бы умолчал о своей слабости? Я бы честно поведал о ней... Но я темный человек, и даже слова Учителя доходили до меня с трудом...

Петр с жаром стал просить таинственного спутника:

— Прошу тебя, опиши все! Не забудь рассказать и про Иуду, который так любил своего Учителя, что предал Его!

Варавва смотрел на Петра во все глаза.

— Да, да, Иуда любил Учителя! Все мысли его были обращены к добру. Он мечтал о счастье для всех людей! И он любил Учителя больше, чем все мы, он верил в Него как в Бога, он поклонялся Ему! И, невольно предав Его, лишил себя жизни...

— Но как, как это случилось? — нетерпеливо спросил Варавва.

Петр тихо продолжал.

— Мы вернулись в Иерусалим неделю тому назад... Знаете, как мы вошли в город? Народ приветствовал Учителя, называя Его Царем, крича «Осанна» и устилая Его путь цветами и своими одеждами. Но какой-то человек подошел к нам, ученикам Иисуса, и сказал: «Почему вы не остановите это безумие? Разве священники простят триумф молодому Пророку? Они казнят Его как изменника!» Иуда весело рассмеялся: «А разве наш Учитель не Царь земли и небес? Даже силы ада не могут Его одолеть!»

Тоска в глазах Петра усилилась.

— В ту же ночь Иуда пошел домой, — говорил ученик Христа. — Он часто, восторженно рассказывал о сестре, описывая ее красоту. Он и ее хотел привлечь к стопам Учителя, поведать ей о чудесах, которые Он совершал, объяснить Его божественное учение, рассказать о любви, которую Он дарил всем страдающим и угнетенным... Иуда покинул нас с легким сердцем, а вернулся угрюмым и все смотрел на нашего Господа, словно силился разгадать великую, глубокую тайну. Оставалось два дня до той вечера, когда мы должны были есть пасху с Учителем. И тут Иуда поведал мне то, что мучило его...

Петр отчаянно, со слезами стал бить себя в грудь.

— Глупец! Когда я услышал план Иуды, мне он показался верным. Пусть весь мир увидит, что мы не зря следуем за Божественным Человеком! Желание земной славы для Небесного Учителя, любовь к Нему побудили Иуду поступить так, как он поступил... Злого умысла не было в его намерениях. Тщеславие — вот что погубило пылкого юношу. Иуда не изменник! Верьте мне!

— Я слышу твои слова, Петр, и буду их помнить, — успокоил его Мельхиор, и Петр благодарно на него посмотрел.

— Иуда — не предатель! Он сказал мне тогда, что первосвященники и старейшины взбешены огромным влиянием Учителя в народе и решили Его погубить. «Надо поскорей предупредить Его и вернуться к берегам Галилейского моря, где наш Учитель будет в безопасности среди любящих Его рыбаков», — предложил я. «Нет, — возразил Иуда торжественно. — Наш Учитель не может умереть! Так зачем бежать из Иерусалима? Послушай, что говорит моя сестра Юдифь...»

При упоминании этого имени Варавва забеспокоился, и Петр понимающе посмотрел на него.

— Она, как я узнал от Иуды, встретила брата с такой нежностью, что тронула его до глубины души, — говорил незадачливый ученик Христа. — Без единого упрека, терпеливо и даже с интересом слушала она его рассказ о странствованиях с Иисусом. Потом мягко заметила, что вовсе не сомневается в миссии Назарянина, но хорошо бы получить от Него доказательства, что Он — Бог. Иуда с жаром ответил, что Учитель не раз доказал это Своими чудесами. «Только не в Иерусалиме! — возразила коварная Юдифь. — Священники и старейшины не верят слухам. И ты, брат, можешь предоставить своему Пророку удобный случай явить Свою силу здесь, в Святом городе, и тем докажешь свою любовь и преданность Ему!» Заинтригованный Иуда спросил сестру, как может он добиться для Господа всеобщего признания. «Предоставь Его закону! — сказала дьяволица. — Предай Его священникам! Тогда Он вынужден будет явить Свою Божественную силу! Весь Иерусалим, все дети Израиля признают в Нем настоящего Мессию, все народы земли поклонятся Ему! Милый брат, ведь если Он действительно Сын Бога, Он недоступен смерти!»

— Вот, — продолжал свой рассказ Петр, — что открыл мне Иуда. Его слова показались мне правильными. Зачем нашему Господу скитаться, терпеть бедность, когда Ему могут принадлежать все царства мира?! Зачем Ему странствовать по земле, когда все дворцы мира должны быть распахнуты настежь перед Ним?! Так думал Иуда, так рассуждал и я... Мы не видели ничего плохого в том, чтобы провозгласить Его славу!

— Слава никогда не дается без подвига, без страдания! — сказал Мельхиор уверенно. — Божественному Духу, принявшему человеческий образ, вы хотели придать мишурное величие земной власти!.. Был ли на земле во все времена такой правитель, который избавил мир хотя бы от частицы его грехов? Какое имя, прославленное людьми, подарило спасение пусть одной-единственной душе? Все пророки вашего племени говорили на ветер! Никакие предсказания для вас не авторитетны! Разве твой Учитель не предрекал Своей участи? Поверил ли ты Ему?

Петр смущенно опустил голову.

— Да, Он говорил... Но я возражал, что этого не может, не должно случиться. Тогда Он сказал, гневаясь: «Отойди от Меня, сатана... Ты думаешь не о Божием, а о человеческом...»

Мельхиор отошел от дерева, на которое опирался все время, и, подойдя к Петру, положил руку на его плечо.

— И ты, слабая душа, — сказал он соболезнующе, — не мог понять того, что Божие?.. Ты не оторвал своих мыслей от земного и ничтожного, от глупого тщеславия... Мне жаль тебя, ибо привязанность твоей души к вещам земным будет тебе мешать и испортит твою миссию.

Петр посмотрел на нового знакомого с удивлением и страхом.

— Во имя Бога, кто ты? — спросил он. — Кто дал тебе власть пророчествовать?

Мельхиор ничего не ответил, но Петр возбужденно продолжал:

— Я и сам понимаю, что я человек грешный... Я подвержен искушениям, и многим... Учитель знал это и еще вчера сказал мне: «Такими, как ты, сатана засекает свое поле... Но Я молился, чтобы не оскудела вера твоя».

— И она не оскудеет! — заверил Мельхиор. — Все здание, построенное тобой, будет держаться только верой. Но твоя трусость и твои сомнения тоже останутся; семя лжи, брошенное тобой, даст урожай не правды! Одно твое отрицание, Петр, будет причиной многих других отрицаний!

При этих словах Мельхиора Петр вытянул руки, как бы отталкивая судьбу. Он дрожал всем телом.

— Ты наполняешь мою душу ужасом! — шептал он. — Что мне до тех, кто будет после меня? Хотя, наверно, когда станут вспоминать эти дни, то и мой грех будет назван и проклят во веки! Но кто может воздвигнуть здание на лжи, как ты утверждаешь? Пророчествуй, незнакомец, если хочешь, но только не здесь, где еще недавно был Учитель! Мне кажется, что Он слышит нас, даже в воздухе ощущается Его присутствие!

Петр окинул местность робким взглядом, потом встал и быстро пошел вперед. Двое последовали за ним.

Все шли по дорожке, освещенной луной.

«Как же этот человек мог отречься от Учителя? — думал Варавва. —

Я, великий грешник, видел Его недолго, а отдал бы свою жизнь за Него с радостью, если бы это только было возможно!»

Вдруг Петр остановился. Воспоминания опять нахлынули, и он начал говорить.

— Когда Иуда передал мне слова сестры, он предполагал, что если выполнить этот план, новый свет проникнет в нашу жизнь, мир станет раем, все люди будут братьями — Божественная любовь объединит их, ведь Бог явится им! Но мне было страшно... Видя это, Иуда уговорил меня пойти к Юдифи. «Послушай, что скажет она, и ты убедишься в ее правоте», — сказал он мне.

Петр в гневе взмахнул руками.

— Лучше бы я никогда ее не видел! — закричал он. — В какой прекрасный образ облекся демон! Она казалась ангелом добра и света! Ее красота, ее обаяние, убедительность ее рассуждений уничтожили мои сомнения. Она стояла в саду вся в белом — воплощение кротости и смирения — и говорила так верно, так справедливо! «Я нисколько не сомневаюсь, что Он Бог. Но правители города, считают Его изменником и богохульником, и вы, любящие Его, должны заставить Его открыться! Если Он — лжемессия, то вы разоблачите обманщика... Если Он — Бог, то мы все поклонимся Ему...» — «Юдифь права, — сказал я. — Наш Учитель — Бог, и Он это докажет! Он — Господин неба и земли, и никто не может сделать Ему ничего плохого!» Юдифь ушла от нас, улыбаясь...

Петр поднял к небу тоскующие глаза, и лунный свет окинул его осунувшееся, грустное лицо.

— Что я мог знать?! — восклицал он. — Бедный, невежественный рыбак, бросавший сети в воды Галилейского моря — вот кто был я, когда этот удивительный Человек сказал мне: «Следуй за Мной!» Андрей, мой брат, может засвидетельствовать это. Мы были очень бедны и неучены, чувствовали и понимали только то, что Иисусу из Назарета надо повиноваться. Какое-то таинственное влияние исходило от Него, дом и наши родные не могли удержать нас — Его улыбка, Его взгляд были сильнее... Красотой, величием царя обладал наш Учитель... Почему же всему миру не узнать об этом? Но я не мог и предположить, куда пошел Иуда, когда встал из-за стола, где мы ужинали с Учителем...

Петр застонал, потом крикнул:

— Я проклиная женщину! Это из-за нее живут грех и смерть! Ради нее сотворен ад, и она предала этого Святого! Будь она проклята! Пусть будут прокляты все, любящие презренную, обманчивую красоту!

Мельхиор сочувственно смотрел на то, как неистовствует в своих проклятиях Петр.

— Не сотрясай воздух понапрасну! Твои проклятия падут на твою же голову! Из-за того, что всего одна женщина в мире была непорочной, спасен весь мир. Ее нежность, терпение, вечная любовь связывают землю с небесами! Как можешь ты проклинать женщину, когда женщина родила твоего Учителя?! Будь даже все остальные женщины лживы, но ради той, которую мы называем Матерью Иисуса, женщина — святыня в глазах Всевышнего!

Немного помолчав, Мельхиор сказал жестко:

— Кроме того, ты не можешь всю вину сложить на Юдифь Искарот. Она тоже была орудием... Организатора этого злодеяния надо искать среди священников и правителей, среди тех, кто кажется святыми и праведниками.

Варавва подхватил взволнованно:

— Да, это Каиафа затеял убийство Назаря! Мельхиор подтвердил:

— Сын Божий распят ни кем иным, как служителем Бога!

Глава XXI

Петр смотрел на Мельхиора с недоумением.

— Как же это могло быть? Иуда действительно был у Каиафы, но после того, как у него возник этот план, подсказанный сестрой...

— Ты не знаешь всего, — ответил Мельхиор. — Так же, как не будут знать всего те, кто последует за тобой... Разве ты не слыхал про любовь между мужчиной и женщиной, вернее, про страсть, прикрывающуюся тем же именем? Именно такое чувство связывает гордого Каиафу и грешную Юдифь. Терпи, Варавва, это — правда. Сладострастный священник посвятил Юдифь во все свои тайны. По его приказанию она одурачила своего доверчивого брата, хотя у нее была и своя цель — вернуть Иуду в дом, к религии предков. Все это Юдифь делала не бескорыстно — за помощь она получила от Каиафы много золота, драгоценных камней и роскошных тканей, что многие женщины ценят

больше, чем добродетель.

Варавву била дрожь. Он понимал, что Мельхиор не лжет, но ему было невыносимо тяжело слушать эти обличения.

Петра слова Мельхиора тоже привели в отчаяние.

— Эта ехидна была лишь исполнительницей заговора, задуманного коварными священниками! — прошептал Петр, потом обратился к Мельхиору:

— Но если ты знал обо всем, то почему не предупредил нас?

— А какая польза в моих словах? — устало произнес Мельхиор. — Вы не верили вашему Учителю, как же поверили бы мне?

Разговаривая, они продолжали идти вперед по дорожке, освещенной бледным светом луны. Легкий ветерок пробежал по листве растущего по обочинам кустарника. Сильнее повеяло прохладой, дышать стало легко.

— Вот уже Гефсиманский сад, — сказал Мельхиор. — Расскажи нам все про Иуду, прежде чем мы пойдем туда...

Петр, озираясь, как бы ожидая внезапного появления кого-то страшного, заговорил чуть слышно:

— Я уже говорил, что Иуда был у Каиафы за две ночи до нашей последней встречи с Господом. Первосвященник притворился равнодушным.

«Мы не боимся вашего сумасбродного фанатика, — сказал он. — Но если тебя беспокоит совесть, Иуда, что вполне естественно, ведь ты пренебрег законом и верой своего народа, мы не откажемся от твоей услуги. Но не думай, что весь синедрион будет оказывать тебе почести. Многие из священников не захотели бы воспользоваться помощью того, кто оставил религию своих отцов и презрел нашу власть. Другое дело, если ты это сделаешь за деньги. Назови свою плату».

Иуда возмутился. Он пришел к сестре и, все ей рассказав, заявил: «Я не продам своего Учителя даже ради Его славы!»

Юдифь подняла его на смех:

«Простая ты душа. Этим ты не продаешь Его, а просто придаешь законную форму своему поступку. Честь фарисеев не позволяет пользоваться неоплаченной услугой того, кто отвергает их веру... В конце концов, ты можешь истратить эти деньги на бедных... Ты ведь делаешь это ради своего Господа, ты готовишь путь к Его славе, и каким чудом скоро озарится весь мир! Деньги же — пустая

формальность!»

Иуда, убежденный сестрой, возвратился к Каиафе.

«Есть законы, которых я не понимаю... Но если так полагается, я спрашиваю: что дадите мне, если я вам предам Иисуса?»

Иуде тотчас же выложили тридцать серебряных монет.

— Если бы он только знал, — сокрушался Петр, — что эти деньги сыграли на руку Каиафе. Теперь тот мог заявить, что Иуда — добровольный изменник, а Каиафу никто не подкупал и потому нельзя обвинить его в жестокости и намерении убить Назаря! Вся вина ложилась на Иуду. Он один должен был выдержать страшную тяжесть этого преступления, которое и привело его в глубину ада!

Варавва угрюмо следил за рассказом Петра. Мельхиор тоже внимательно слушал, хотя ему все было известно.

— Все свершилось быстро, — сказал Петр после печальной паузы. — У входа в сад Гефсимании Учителя ждала стража, и когда Он вышел из-под густой тени деревьев, Иуда пошел Ему навстречу. Бледный от волнения любимый ученик Иисуса воскликнул: «Радуйся, Равви!», и поцеловал Его. «Скоро, — думал я, — проявится слава Бога. Могущественный и неустрашимый, Ой мигом уничтожит своих врагов!» Но Учитель смиренно и молчаливо посмотрел на Иуду, потом тихо сказал:

«Целованием ли предаешь Сына Человеческого!»

Иуда в страхе отшатнулся и, схватив меня за плащ, прошептал:

«Или я согрешил, или Учитель нас обманул!»

А стража стояла как вкопанная, не смея тронуть Его, пока Он Сам не обратился к ним со словами:

«Кого ищите?»

Смутившись, они ответили:

«Иисуса Назаря!»

Учитель посмотрел на них и сказал:

«Это Я».

Стражники пошатнулись и пали на землю.

И тут я подумал, что час, которого мы ждали, настал — такое величие, такую силу в ту минуту выражало лицо Господа! Это не было лицо смертного человека!

Он опять спросил стражу:

«Кого ищите?»

«Исуса Назарея», — был ответ перепуганных, дрожащих воинов.

«Возьмите Меня, а остальных оставьте».

И, посмотрев на Своих учеников, Он махнул рукой, прощаясь.

Воины, видя, что Он не сопротивляется, немного ободрились и, окружив Его, повели с собой.

Оставшись одни, мы, Его ученики, зарыдали.

«Он обманул нас! — кричали мы. — Он не Бог, а человек!»

Все разошлись кто куда, а я тайком пошел за Учителем и шел до самого дома Каиафы!

Тут от волнения у Петра перехватило дыхание, он заплакал, но затем, пересилив себя, хрипло пробормотал:

— И я от Него отрекся! Когда словоохотливые рабы сказали, вот он — Его ученик, я сказал, что не знаю этого Человека! И, в общем я не солгал, ибо я знал Бога, а не человека!

Мельхиор проницательно взглянул на Петра.

— Ты софист! — сказал он холодно. — Как ловко ты придумываешь извинения для своих грехов! Если ты и в самом деле знал Бога, ты не мог бы от Него отречься! Но признайся, Петр, ты верил в Исуса только как в земного царя, который со временем станет владеть Иерусалимом! К этой надежде ты привязался, а о небесном и не помышлял! Обладать вместе с Ним миром — было твоей мечтой! Но, может быть, ты и твои последователи и будут им обладать...

Петр сверкнул глазами.

— Ты судишь строго, незнакомец! — сказал он. — Кажется, естественно ждать славы от Того, Кто славен! Почему бы Богу не провозгласить Себя! Если Он — Властитель мира, почему Его власти не быть видимой всеми!

Варавва начал понимать характер этого человека, в котором боролись достоинство и трусость, раскаяние и гордость.

— Ему было так легко явить Свое величие, — оправдывался Петр, — а Он этого не сделал! Его смирение потрясло меня, и я зарыдал не только над собственной слабостью, но и над Его нежеланием прославиться перед людьми! А отчаявшийся Иуда бросился к первосвященникам с криком: «Я согрешил, я предал кровь невинную!» Позже я узнал, что он кинул им под ноги те проклятые деньги и

устремился прочь. Я встретил его, когда он бежал домой, как сумасшедший. Я пытался остановить его, но он меня оттолкнул: «Пусти! Я должен увидеть сестру — она меня уговорила совершить предательство, и я прокляну ее, прежде чем умру!»

— Всю прошлую ночь я бродил вокруг дома Искарियों, — рассказывал он дальше. — Никто не выходил из него, а сам я не осмелился войти и спросить об Иуде. Я ходил по саду, где мы беседовали с Юдифью, потом ноги сами понесли меня в Гефсиманию... Он там... Он провел много часов в одиночестве.

Петр свернул к небольшой рощице.

— Он сейчас недалеко от того места, где предал Учителя! Мы отнесем его домой, и пусть Юдифь, ждущая его возвращения, радуется!

Старые оливковые деревья, раскинув свои толстые ветки, словно преграждали путь любопытным прохожим, но Петр, нагнувшись, прошел под ними. Мельхиор и Варавва не отставали.

Ветра не было, но густо переплетенные между собой ветки таинственно покачивались, листья перешептывались о недавно увиденном — о мучительных угрызениях страдающей души, об ужасе юного грешника, умершего по своей воле такой же как эта ночью.

Глава XXII

Иерусалим веселился. В каждом доме светились огни, а из распахнутых дверей и окон доносились звуки музыки. Продолжался праздник Пасхи. Те, кто днем умирал от страха во время землетрясения и затмения солнца, радовались, что все их ужасы позади и грозные явления больше не повторились.

Все отдавали дань мужеству Назарея, с достоинством принявшего смерть, но никто не спорил, что все-таки следовало казнить Его. Он был опасен, Он хотел изменить весь мир. Нет, хорошо, что Его распяли! Кое-кто глубокомысленно качал головой и вспоминал что-то смутное, бессвязное про греческих и римских философов, искавших истину и ненавидевших ложь.

— Назарянин был из таких, — говорил старый законник, беседуя со знакомым. — Он сродни Сократу, также любившему истину и погибшему из-за нее. Но Сократ был стар, а Распятый сегодня молод, смерть же молодых всегда вызывает жалость. Но этот сумасшедший

Пророк проповедовал вечную жизнь... Избавь нас, небо, от другого мира — нам и этого достаточно. Даже если бы и существовал иной мир, никто из нас не достоин его! Мы умираем — таков конец человека, и никто еще не воскресал из мертвых!

— А Назарянин заявлял, что Он воскреснет! Старый книжник усмехнулся.

— Из всех произнесенных глупостей эта — самая большая! Несомненно, что последователи Распятого Назарянина непременно выкрали бы Его тело, а потом клялись, что Он воскрес, но Каиафа предпринял все меры, чтобы этого не случилось...

— Посмотрим, — задумчиво сказал приятель законника.

А во дворце римского правителя Иудеи царила глубокая тишина, установленная по приказу Юстиции, обеспокоенной здоровьем супруга, и никто не осмеливался нарушить это повеление — стражники замерли у входа, как истуканы, слуги ходили неслышными шагами.

Только фонтан, устроенный на дворцовой площади, забавлялся струей и, бросая воду в каменный бассейн, словно разговаривал сам с собой. Его бормотание молча слушали белые розы, казавшиеся кусочками бледного шелка, прибитого к стене.

Вдруг настойчивый голос у ворот разбудил царившее безмолвие.

— Мне необходимо видеть Пилата, — сказал почтенного вида иудей начальнику стражи.

— Правитель никого не принимает, — ответил тот. — Или ты хочешь, чтобы меня за непослушание распяли, как Назарянина?

— Мое дело касается именно Его... Скажи, что Иосиф Аримафейский просит аудиенции...

Офицер ушел в дом и вернулся в сопровождении управителя.

— Юстиция примет тебя, если речь идет о Человеке из Назарета. Пилат принять не может... — сказал управитель.

— Отведи меня скорее к своей хозяйке, — сказал тревожно Иосиф. — Дорога каждая минута...

Служитель провел посетителя в крытый дворик, украшенный множеством цветов и освежаемый струями воды, льющейся из разинутой пасти льва в бассейн желтого мрамора. Оставшись один, Иосиф стал нетерпеливо ходить по узорному каменному полу.

— Так ты из тех, кто добивался смерти Христа? — произнес

женский голос.

Увидев неслышно появившуюся жену Пилата, советник растерялся. Его смутил пристальный взгляд темных глаз Юстиции, обладающей величественной римской красотой — в ней было больше суровости, чем нежности.

Наконец он ответил:

— Прошу тебя, благородная Юстиция, не причисляй меня к этим заблуждающимся людям. Если бы я мог, я бы отдал жизнь за Иисуса. Я разделяю Его учение, хотя и держу это в тайне от соотечественников...

— Значит, ты признаешь в Нем Бога? — сказала Юстиция, пытливо глядя на посетителя.

— Если Бог когда-либо спускался на землю, то это Он...

— Значит, Он жив?

Иосиф Аримафейский смотрел на Юстицию недоуменно.

— Он умер, Его распяли!

— Разве Бог смертен? — темные глаза Юстиции странно заблестели. — Разве смерть может победить Божественный Дух? Ты уверен, что Он действительно умер?

Советник из Аримафеи не знал, что ответить. После некоторого колебания он решился произнести:

— Насколько об этом может судить человек, жизнь покинула Иисуса. Сняв Его с креста, палачи убедились в этом и даже не стали ломать Его кости, что сделали они с телами двух преступников, казненных рядом с Ним.

Строгое лицо римлянки побледнело.

— Но если Пророка нет в живых, то какое дело привело тебя сюда? — сказала она с привычной гордостью, перед которой склонялись все окружающие жену грозного правителя люди.

— Я пришел за разрешением похоронить Его в моем склепе. Умерев, я могу лежать и в худшем месте, а в эту гробницу хотел бы положить тело Того, Кто, по моему мнению, Христос, хотя Его и распяли... Получив согласие Пилата, я навсегда останусь должником милосердия Рима...

Юстиция невольно улыбнулась, слушая льстивый оборот последней фразы, потом брови ее сдвинулись и лицо приняло обычно строгое выражение.

— Я бы хотела тебе помочь, но у меня нет власти дать это разрешение, а Пилата мучат кошмары... Но подожди...

И она скрылась между мраморными колоннами.

Иосиф глубоко вздохнул и, глядя на фонтан, старался понять, почему сердце его бешено застучало и мысли спутались, когда он услышал вопрос: «Ты уверен, что Он действительно умер?» Так ничего и не решив, он снова увидел Юстицию.

— Пилат желает тебя видеть, — сказала она. — Но если ты заметишь какие-то странности в его поведении, не обсуждай это ни с кем. Я бы не хотела, чтобы по городу поползли сплетни, что Пилат не в себе...

— Обещаю не разглашать то, что ты хочешь оставить в тайне, — торжественно обещал Иосиф.

Юстиция кивнула и молча пошла в покои Пилата. Аримафейский советник последовал за ней.

Часть вторая

Глава I

В большой, с высокими сводами спальне правителя горело множество светильников, курились благовония.

Пилат возлежал на подушках, покрывающих роскошное, украшенное золотом ложе из слоновой кости. Лицо его осунулось, глаза запали — видно было, что он очень болен.

— Выслушай этого человека, Понтий, — сказала Юстиция, присаживаясь рядом с мужем на мягкую постель. — Это благочестивый Иосиф из Аримафеи.

Прокуратор вяло поднял руку.

— Подойди ближе, еще... — почти шепотом сказал он Иосифу, почтительно склонившемуся у двери. — Я не могу отличить тебя от теней, которые окружают меня...

Иосиф приблизился.

— Мир тебе, досточтимый наместник великого цезаря, — произнес положенные слова приветствия проситель.

— Что привело тебя ко мне? Я, кажется, уже исполнил сегодня

желание детей Израиля... — угрюмо сказал прокуратор Иудеи.

— Благодородный Пилат, я пришел просить Тело Христа.

Неожиданно резким для его состояния движением прокуратор приподнялся на ложе и сжал ладонь супруги.

— Ты слышишь, Юстиция? Тело Христа.

Глаза его лихорадочно заблестели.

— Я не осмелился бы потревожить в столь поздний час покой прокуратора Иудеи, но только ты, милосердный Пилат, можешь выполнить мою нижайшую просьбу, — в голосе Иосифа звучала надежда. — Не допусти, чтобы Праведник был погребен вместе со злодеями, как приказали старейшины... Позволь положить Священное Тело в склеп, приготовленный для меня, и похоронить с молитвами и слезами, как умершего героя...

— Умершего? — переспросил Пилат. — Ты уверен, что Он умер?

Иосиф испугался. Снова тот же самый вопрос... Но он не успел ничего ответить — Пилат вскочил с постели и закричал:

— Мирская сила не может убить Назорея! Он жив! Несчастные! Вы торжествуете, видя кажущуюся гибель Бессмертного! Он — Бог! Вы видели только страдания Человека, а я... я видел больше...

Нежно обнимая Пилата, Юстиция умоляла его не волноваться, но он горячо продолжал:

— Я надеялся, я верил, что и они наконец увидят очевидное: всю лучезарность этого удивительного Облика, такого неземного, что каждую минуту я ждал — Он вот-вот растворится во вселенной... Он не умер! Он не мог умереть, хотя Его и распяли! Он владеет тайной смерти, недоступной людям...

— Пилат, прошу тебя, не волнуйся так! — говорила заботливая супруга. Но Пилат не видел и не слышал ее — он мысленно снова стоял в синедрионе и омывал руки.

— Я не виноват! — кричал он в отчаянии. — Это дело иудеев, и они ответят за преступление! Я же заявляю и перед небом, и перед цезарем: не повинен я в крови Праведника!

Весь дрожа, Пилат простер руки к посетителю. Потом, опомнившись, вдруг сказал, глянув на него:

— Зачем здесь этот человек?

Иосиф недоумевающе посмотрел на Юстицию. Она быстро

смахнула слезы и сказала, глотая застрявший в горле комок:

— Ты забыл, Понтий? Он просит тело Казненного Пророка для приличествующего Ему погребения. Исполни его просьбу и отдохни — ты утомился...

Пилат смотрел на Иосифа, что-то припоминая.

Потом сказал решительно:

— Бери то, что ты считаешь смертным телом, и поступай, как велит обычай. Я даю тебе на это разрешение.

Пилат вдруг рассмеялся.

— Разрешение... положить в гроб то, что не вместит и не скроет ни один склеп, не уничтожит никакое время...

Иосиф протянул прошение, и прокуратор поставил на нем печать. Низко поклонившись, советник уже хотел выйти, как во дворце послышался шум и в покои Пилата ворвался разъяренный Каиафа.

— Ты ответишь перед цезарем за измену, Пилат! — кричал первосвященник. — Ты сговариваешься с фокусниками, чтобы осуществить мнимое воскресение одного из них — Назорея!

Прокуратор величественно встал.

— Кого ты называешь изменником, подданный Рима? — властно произнес он. — Хотя ты и первосвященник, но понесешь наказание за оскорбление наместника цезаря в его владениях!

Каиафа побелел от сдерживаемого бешенства.

— Ты тоже ответишь пред цезарем, Пилат! — сказал он, брызгая слюной. — Разве ты забыл, что обманщик, которого распяли, говорил: «Через три дня воскресну!»? А теперь ты даешь разрешение похоронить Его в склепе, тайна которого известна ему одному, — Каиафа ненавидяще посмотрел на Иосифа. — Он спрячет Тело, а потом провозгласит, что Христос воскрес!

Иосиф не отвел строгих, спокойных глаз. Глядя в лицо Каиафе, он сказал:

— Ты боишься, Каиафа... Ты не можешь опомниться с тех пор, как узнал, что в то время, когда Распятый испустил дух, завеса в храме разодралась надвое... Приди в себя... Самые жестокие и те оставляют мертвых в покое... И этот покой заслужил Тот, Кто казнен так несправедливо...

Кровь прилила к лицу обычно бледного Каиафы.

— Ты слышишь, Пилат? — воскликнул он. — Как дерзок этот аримафеянин!

— Он говорит правду, — вмешалась Юстиция. — Иисус из Назарета безгрешен.

Первосвященник гневно глянул на женщину, осмелившуюся перечить ему, и сказал сквозь зубы:

— Я с женщинами не спору — они не имеют права голоса в наших совещаниях.

Юстиция презрительно улыbnулась:

— Ты забыл, Каиафа, что перед тобой римлянка! Первосвященник вздрогнул и уже другим, более миролюбивым тоном сказал, обращаясь к правителю:

— Прошу тебя, взвесь все до мелочей, Пилат, чтобы не навлечь на себя недовольство цезаря! Хладнокровные римские воины — и те заразились странной болезнью: они говорят про милосердие! Они отказались переломить кости богохульного Назарея, заявив, что в этом нет надобности — Он умер... Они нарушили закон! Исполни они мое желание, Тело Распятого было бы изрублено на мелкие кусочки!

Глаза Каиафы горели мстительным огнем, он тяжело дышал.

— Твой сотник проявил самоуправство, — продолжал слугитель Иеговы. — Своей властью отдал Тело Назарянина женщинам, среди которых известная блудница Магдалина, Они подняли страшный вой, когда воины хотели отнести Его к месту, где обычно зарывают преступников... И эта распутная девка заявила, что Иосиф Аримафейский добьется разрешения прокуратора похоронить Назарея с почестями! Почести фокуснику и богохульнику!

Каиафа притворно воздел свои худые руки, призывая Иегову в свидетели.

— Пилат, если ты дашь это разрешение, ты поощришь хитро задуманный заговор!

Прокуратор смотрел на первосвященника как на низкого раба — с презрением, надменно.

— Юстиция, прикажи позвать Петрония. Вошедший центурион приложил правую руку к сердцу, приветствуя начальника:

— Слава цезарю!

— Слава! — махнул ответно Пилат и медленно и вятно, как на

допросе, спросил:

— Скажи, Назарей умер?

— Да, благородный Пилат!

— Ты точно знаешь? Тебя не обманули? — продолжал допытываться прокуратор.

— Один из воинов пронзил Ему бок копьем, чтобы убедиться в Его смерти... — ответил центурион,

— Что побудило тебя отдать Тело Распятого близким Ему людям, а не закопать возле городской стены, как преступника?

Петрония смутил этот вопрос, но, набравшись смелости, он твердо сказал:

— Распятый казался Человеком безгрешным и храбрости необыкновенной...

Пилат посмотрел на Каиафу.

— Вот видишь? Петроний, как всякий римлянин, уважает храбрость...

Первосвященник презрительно усмехнулся. А Пилат продолжал, обращаясь к центуриону:

— Ты поступил правильно. Милосердие — достойное чувство. Я ни в чем не обвиняю тебя, Петроний. А ты, великий Каиафа, — он брезгливо посмотрел на первосвященника, — демонстрируешь чувства, которые более всего соответствуют твоему званию служителя Бога — месть, кровожадность и страх. Молчи, не перебивай. Я знаю — ты боишься даже мертвого тела Того, Кто убит тобой. Но ты опоздал. Аримафеянин получил мое разрешение похоронить Назорея в своем склепе... А если ты подозреваешь его в кознях, то приложи печати к гробу и поставь какую угодно стражу из самых бдительных воинов. Пусть они охраняют склеп, пока не пройдет три дня... Если ты находишь, что Петроний слишком милостив, разрешаю тебе выбрать другого начальника стражи.

— Если бы ты был предусмотрителен, Пилат, — сказал недовольный Каиафа, — ты отказал бы последователю Назарея выдать тело...

Иосиф спокойно возразил:

— Довольно злобствовать, Каиафа! Чтобы развеять твои опасения, я приглашаю тебя присутствовать при погребении... Ты можешь тщательно осмотреть склеп внутри и снаружи и убедиться — в нем нет

тайного хода.

Не удостоив аримафеянина ответом, первосвященник язвительно сказал Пилату:

— Желаю тебе лучшего здоровья, мудрый правитель Иудеи!

— Прощай, Каиафа! Желаю тебе больше мужества! — парировал Пилат и повелительным жестом дал знать, что посетители могут уходить.

Когда Иосиф и Каиафа направились к двери, Пилат сказал, обращаясь к Петронию:

— Выполнил ли ты мой приказ? Навел справки о молодом Искарите?

— Прокуратор, Иуда Искарот умер! — доложил сотник.

Первосвященник резко обернулся и, остановившись, столкнулся с шедшим за ним Иосифом.

— Что с тобой, Каиафа? — спросил удивленный Иосиф.

— Ничего, ничего... — Каиафе удалось скрыть изумление.

— Я не попрощался с любезнейшей супругой Пилата... И, совсем справившись с собой он, сказал с иронией:

— Прощай, прекраснейшая из римлянок! Юстиция пристально смотрела на него, не отвечая. Сконфуженный Каиафа схватил за руку Иосифа.

— Пойдем скорее, пронырливый аримафеянин! Поскорее открой свой склеп, чтобы скрыть в нем причину многих бед. Я воспользуюсь разрешением Пилата! Я поставлю у гроба богохульника такую стражу, что она будет бдительна, как все римское войско разом! Он не воскреснет ни на третий, ни на тысяча третий день!

Глава II

Внимательно выслушав центуриона, Пилат отпустил его.

Оставшись одни, Пилат и Юстиция долго сидели молча. Наконец Пилат заговорил:

— Я бы многое дал, чтобы избавиться от того ужаса, который объял всех нас. На наших глазах совершается что-то великое, таинственное, чего мы понять не можем и потому мечемся из стороны в сторону. А, казалось бы, чего бояться? Человек, Который так поразил нас, умер!..

Посмотрев на Юстицию, Пилат продолжил участливо:

— В твоих глазах я вижу слезы... Ты плакала? Ты, гордая, бесстрашная? Почему ты страдаешь? Облегчи свою душу, Юстиция!

— Мне страшно, Понтий... Я вспомнила сон, который видела утром...

— Успокойся, любовь моя. Ты вся горишь... Давай выйдем на галерею — ночная прохлада освежит тебя...

Пилат распахнул решетчатую дверь, и они вышли на балкон. Бледный, призрачный свет луны и холодное мерцание звезд подействовали на них благотворно — душа успокоилась, страх улетучился.

Вдруг вдали послышалось пение, и скоро веселая стайка молодых людей показалась на дворцовой площади. В ночной тишине голоса разносились далеко.

— Ты не забыл, Эфри, тот напев, который звучал при триумфальной встрече Назаря на прошлой неделе? Удивительная была песня... Я помню только, что припев ее «Осанна...»

Чистый, звучный тенор подхватил: «Осанна в вышних, благословен Грядущий во имя Господне. Осанна в вышних»...

Эта песня испугала Юстицию, она прижалась к Пилату и замерла.

— Прекратите пение, — раздался голос начальника дворцовой стражи. — И не вздумайте повторить это при ваших священниках — вы подвергнетесь такой же страшной казни, как Назарянин...

Молодежь поспешно удалилась. Песен больше не пели.

Юстиция невидящим взглядом смотрела куда-то вдаль. Наконец она решилась.

— Я уже слышала эту песню, в своем сне... — начала она. — Я бродила одна в тихом, пустынном месте. Не было ни воздуха, ни света. Вдруг я очутилась на высокой скале, а внизу лежали миллионы мертвецов — мужчин и женщин, бок о бок. Над ними распростерлась огромная тень, словно от расправленных могучих крыльев... Я ужаснулась увиденному, но надо мной зазвучали волны сладкопевных арф и голос сказал: «Осанна»... Таинственная тень, витавшая над мертвецами, исчезла... Появился огромный крест, а за ним — сияющий, как солнце, Назорей. «Проснитесь, умершие, — возгласил Он. — Проснитесь — смерти больше нет. Войдите в жизнь вечную»... И миллионы давно умерших людей выстроились бесчисленными рядами.

Озаренные светом, они кричали: «Слава Тебе, Христос, Посланник Божий! Ты простил нам грехи и дал жизнь вечную. Слава Тебе, Спаситель мира!» Я... я испугалась, Понтий.

Пилат ласково гладил Юстицию по волосам, успокаивая.

— Странное видение, правда? — прошептала Юстиция. — Я всегда твердо верила, что смерть — конец всему. Мысль о том, что мертвые могут воскреснуть, меня страшит.

— Я тоже не хотел бы жить снова, — произнес Пилат. — Мы в своей жизни совершаем такие поступки, о которых лучше не вспоминать... Забвение нам может дать только смерть... Но вдруг, — Пилата словно осенило, — вдруг в нас есть вечная частица?..

Это предположение глубоко опечалило прокуратора, и он замолчал. Молчала и Юстиция.

Спустя некоторое время Пилат мягко сказал:

— Мне кажется, ты рассказала не весь сон...

— Увы, — ответила она, — то, что привиделось потом, заставило послать к тебе гонца с письмом. Я надеялась, что этим смогу предотвратить несчастье и устранить зло с твоего пути...

— Не бойся за меня, Юстиция, — успокоил жену Пилат. — Нет участи страшнее смерти, а ее никому не миновать.

— Мне снился великий океан, — шепотом говорила Юстиция. — Океан человеческой крови, покрывающий всю землю. Каждая капля его имела отдельный голос, который кричал: «Приветствую Тебя, Иисус Назарей, Сын Вечного Бога!» На страшных кровавых волнах, словно могучий корабль, плавал великолепный храм, украшенный золотом и драгоценными камнями, а на самой вершине сверкал алмазными гранями крест. Все государи, все правители мира возводили этот храм в честь Назарей и для поклонения Ему!

— Храм на крови... — задумчиво сказал Пилат.

— Да, — подтвердила Юстиция и продолжала говорить, сама поглощенная своим рассказом. — Вдруг небеса разверзлись и удивительные, бесконечно грустные лики глянули вниз, туда, где из кровавых волн поднимались к небу крики отчаяния и мольбы. Великолепный храм придавил сисящиеся вырваться из-под него человеческие души. «О, Господи, — зывали они, — помоги нам — мы гибнем!» Раздался страшный гром, и гигантский меч, упав прямо с неба,

рассек храм на две части, и они поплыли отдельно по морю крови. Я видела алтарь, забрызганный кровью и окруженный костями мертвецов, а вокруг — мешки, лопающиеся от нечестно приобретенного золота. Перед алтарем на коленях стоял злой дух в священническом одеянии и держал в обеих руках золотые монеты!

Юстиция умолкла, чтобы перевести дух. Пилат терпеливо ждал, когда она снова начнет говорить.

— Обе половины храма продолжали кружиться над кровавой бездной, — рассказывала дальше Юстиция, — когда раздался грозный голос: "Многие воззовут ко Мне, говоря: «Господи, Господи, мы пророчествовали Твоим именем и Твоим именем совершили много чудес». А Я скажу им: «Не знаю вас, откуда вы. Отойдите от Меня, все делатели не правды». Храм внезапно повергся в бездну, и не осталось ничего, кроме креста, плавающего по волнам.

— Опять крест, — беспокойно заметил Пилат. — Может быть, это какой-то символ?

— Не знаю, — сказала Юстиция, — но во сне я думала о том, пойдет ли он ко дну, как весь великолепный храм. Но он все плыл вперед, превращая кровавые волны в струи света. Неожиданно от горизонта стала приближаться маленькая, легкая, почти воздушная лодочка. В ней сидела женщина и что-то напевала. Она направляла свой кораблик прямо к кресту. Наконец она поравнялась с ним, легко подняла его и радостно обратилась к небесам: «Исус, Посланник Божий, ради Твоей огромной любви дай нам вечную славу!» Тотчас же ей был дан ответ: кровавое море превратилось в огонь, кораблик стал светлым облаком, а бесстрашная рулевая преобразилась в ангела. От креста, который победоносно светился в ангельских руках, шел такой яркий свет, что все небо озарилось. Снова прогремел гром, зазвучала волшебная музыка, и, предшествуемый сонмом ангелов, явился Назарей, а за Ним — новый мир, воскресший, как солнце после тьмы. Голос Юстиции дрожал от волнения.

— Ты понимаешь, Понтий, именно Назарей явился мне, окруженный славой! Потому-то я и послала к тебе слугу с запиской, где сообщала, что Тот, Кого ты должен судить, — Бог, но побоялась, как бы мое послание не попало в чужие руки, и только намекнула о своем видении...

— И так было ясно, что Он — не простой смертный, — хрипло вымолвил Пилат.

Юстиция побледнела, губы ее дрожали.

— Если ты видел сверхъестественную славу Назаря... — прошептала она и запнулась. Пилат поник головой.

— Если ты все это видел, — продолжила Юстиция, — если ты знал, что Он — Бог, ты должен был сказать это народу!

— Мне бы не поверили, — тихо сказал Пилат. — Все решили бы, что я лишился разума!

— Ну и что? — воскликнула Юстиция пылко. — Что стоит мнение священников и черни в сравнении с истиной! Если бы ты им сказал...

— Меня бы уверяли, что зрение меня обманывает, мысли блуждают... Разве можно убедить толпу в существовании чуда?

— А разве те же самые люди не клянутся, что случались чудеса, в которые трудно поверить? Например, говорят, что Сам Бог передал Моисею десять заповедей...

— Я сделал все, что мог, — виновато возразил Пилат — Если бы я провозгласил, что видел, меня объявили бы умалишенным, и цезарь отстранил бы меня от правления!

— Зато совесть была бы спокойной, — убежденно заявила Юстиция. Пилат тяжело вздохнул.

— Я еще не все тебе рассказала, — продолжала Юстиция дрожащим голосом. — Это касается твоей участи...

— Моей участи? — переспросил Пилат. — Какой бы она ни была, нужно искать в себе силы, чтобы перенести ее.

Юстиция схватила обе его руки и судорожно сжала.

— Я знаю, что сил у тебя много, иначе ты не был бы римлянином. Но погибнуть, как Искарот... Пилат вздрогнул.

— Как Искарот?! — воскликнул он негодуя. — Нет, я не предатель!

— Послушай же! — остановила его Юстиция. — Такая же бледная луна светила мне. Я стояла на безлюдной вершине горы. Внизу был пруд — темный, затхлый, неподвижный. И вдруг я увидела тебя, Понтий. Ты витал, как дух, и казался утомленным, старым. Я позвала тебя, и ты подошел так близко, что я хотела тебя обнять, но не успела. С криком «Исус Назарей, Сын Божий, помилуй меня!» ты бросился вниз,

в этот холодный омут, который поглотил тебя, как могила! Ужас охватил меня, и я проснулась со страшным криком!

— А проснувшись, тотчас же послала слугу с запиской? — ласково сказал Пилат.

— Тебя не беспокоит мой сон? — спросила Юстиция, склонив голову на плечо мужа. Он заставил себя улыбнуться.

— Только потому, что я вижу твое беспокойство. Посмотри, как хороша луна! Эта чудная серебристая ночь как раз кстати для спокойного сна Назарея!

Юстиция встрепелась.

— Ты думаешь, что Он только спит? Пилат крепче обнял ее.

— Тише, тише, успокойся. Не будем говорить об этом. Будем молчать, будем жить и думать, что во всей вселенной нет ничего важнее нас самих. Нас примут за здоровых людей, а о Распятом Сыне Божиим можно и не вспоминать...

Глава III

В ту же самую ночь перед великолепным серебряным зеркалом сидела Юдифь Искарот. Откинувшись на резную спинку стула, она лениво заложила свои белые, точеные руки за голову и любовалась собой. Тонкое гладкое платье из виссона плотно облегалo ее тело, подчеркивая мягкие линии. Золотистые волосы вились густыми волнами вокруг плеч. Темные глаза искрились то радостью, то презрением.

— Какие хлипкие эти мужчины, — сказала она вполголоса. — Даже сильный Варавва раскис, когда казнили этого проклятого Назарея! А Каиафа! Его чуть не хватил удар, когда он узнал, что завеса в святилище храма лопнула!

Юдифь рассмеялась, и губы ее сложились в такую очаровательную улыбку, что она подвинулась ближе к зеркалу — получше ее рассмотреть и запомнить.

— Нет ничего удивительного в том, что все в меня влюблены, — говорила тщеславная красавица. — С такой улыбкой я могу заставить кого угодно сделать, что захочу. Каиафа — мудрый, могущественный человек, а посмотри я на него так, — и она прикрыла глаза, придав своему лицу выражение бесконечной неги, — и он бледнеет, — так, —

Юдифь распахнула глаза во всей прелести, — он задыхается от любви... А Варавва?.. Нет, я должна отделаться от Вараввы, хотя в нем есть что-то такое, что мне нравится, дикость, наверное...

Юдифь взяла черепаховый гребень и стала медленно расчесывать свои огненные волосы. Вдруг она нахмурилась.

— Все-таки немало ужаса нагнала на всех эта внезапная тьма. И даже я неспокойна, но это скорее потому, что Иуды до сих пор нет...

Она встала, высокая, стройная. Луна бросала на нее серебристый рассеянный свет, и редкостные камни на ее шее и руках слабо мерцали, как звезды.

— Каиафа сказал народу то, что я ему советовала, — радовалась Юдифь. — Что тьма была вызвана злым волшебством Назарея, одержимого бесами, которые покрыли все густым мраком и разверзли землю.

Она вдруг задумалась.

— Никакой дьявольщины в Человеке из Назарета я не заметила, — призналась она своему отражению. — Но Он красив. Правда, не той красотой, что нравится женщинам. Его красота слишком строгая, бесстрастная. Хотя в Его глазах я видела свет, испугавший меня... Потом эта гроза и мрак...

Она уняла возникшую тревогу и рассмеялась.

— Но все кончено. Назорей умер, и очень хорошо — такие фанатики опасны. Иуда теперь по крайней мере знает, что Тот, Кого он называл своим Учителем, не Бог, а просто человек. Брат скоро смирится с этим и снова будет жить с нами. Как только уляжется его бешенство, он вернется в раскаянии и грусти. Мы с отцом встретим его полным прощением и с радостью, зададим пир и будем счастливы все вместе. Да, Каиафа дал мне благой совет, и со смертью богохульного Назарея Иуда избавлен от чар.

Юдифь открыла окованный бронзой ларчик, вынула горсть драгоценных украшений и, небрежно откидывая одно за другим, выбрала большую шестиконечную звезду из крупных рубинов.

— Ничего великолепнее этого я не видела, — прошептала она, любуясь игрой драгоценных камней. — Каиафа хорошо сделал, не подарив брошь своей болезненной супруге — бледная кожа дочери Анны не стала бы живее от этого украшения.

Губы надменной красавицы сложились в презрительную улыбку. Она высоко, победно подняла руки.

— Для таких как я, сотворен мир! Из-за подобных мне власть имущие сходят с ума и как рабы унижаются гордые герои! Мне бы покорить могущественного завоевателя и быть повелительницей всех народов!

Вдруг шум, возникший в доме, привлек внимание Юдифи. Она замерла, прислушиваясь. В дверь постучали, и на пороге показалась рабыня.

— Что случилось? — прошептала Юдифь внезапно пересохшими губами. Рабыня молчала.

— Иуда? — надежда в голосе Юдифь была перемешана со страхом. — Он вернулся?

— Да, госпожа, — нерешительно сказала служанка.

— Вернулся! — бормотала Юдифь, выходя на галерею внутреннего дворика. — Он дома!

Высокий человек преградил ей путь, словно пытаясь задержать. Девушка узнала Варавву, но оттолкнула его и ринулась к отцу, который стоял у одной из колонн, заслонившись руками.

— Отец! — закричала Юдифь.

Искариот открыл лицо, искаженное ужасом. Дрожащей рукой он указывал куда-то вниз. Пристально следя за этим жестом, Юдифь натолкнулась взглядом на тело, неподвижно лежащее на каменном полу. Упав на колени, она судорожно стала отворачивать покрывало, чтобы убедиться в том, чего так боялась.

— Иуда! — закричала она потрясением. — Иуда! — И, отдернув руки, словно могла обжечься о холодное тело брата, с бессмысленной улыбкой показала на умершего.

— Зачем вы так укутали его? Раскройте ему лицо. Никто ее не послушался, и Юдифь снова заговорила:

— Иуда, проснись! Ты ведь не умер? Вчера вечером ты разозлился на меня и проклял... Сними же это проклятие... Ты не хочешь простить меня? Разве я желала тебе зла? Я только посоветовала убедиться в притворстве Назарея... Встань, встань скорее! Если ты болен, я буду за тобой ухаживать. Проснись, не упрямясь! Ты слышишь мой голос, но дразнишь меня, не отвечая...

Дрожащие руки снова прикоснулись к покрывалу и отвернули верхнюю его часть. Grimаса недоумения отразилась на лице Юдифи. Разве это было лицо ее брата? Белая мраморная маска с выкаченными глазами — это бесконечно дорогой ей Иуда?.. Юдифь наклонилась к самому лицу покойника и вдруг увидела веревку на шее. Раздался душераздирающий вопль. Искарriot сжал дочь в объятиях, пытаясь успокоить, но напрасно — пойманной рыбкой билась она в его руках.

— Его убили! — вопила она. — Ученики Назарея убили брата. Каиафа! Где Каиафа? Нужно поймать и казнить убийц. Я требую правосудия!

Неожиданно исступленные крики прекратились. Юдифь кинулась к мертвому телу и судорожными движениями непослушных пальцев попыталась снять веревку.

— Почему никто не снимет этой ужасной веревки? Она же мешает дышать! — говорила девушка.

— Ты напрасно это делаешь, Юдифь! — послышался вдруг голос Петра. — Тебе не развязать это конопляное ожерелье — Иуда туго завязал его. Плачь и рыдай, коварная — с этого дня ты проклята навсегда! Подняв лихорадочно-возбужденные глаза, Юдифь улыбнулась. Она была так хороша, что Петр, хотя и злился на нее, был поражен ее необыкновенной красотой.

— Навсегда, — повторила Юдифь, словно не понимая этого слова, и обратилась к изумленному Петру. — Прошу тебя, друг, развяжи веревку. Ты говоришь, Иуда сам ее завязал вокруг шеи... Но зачем? Мощная фигура Петра грозно нависла над Юдифью.

— Ты виновата в смерти брата! — произнес он сурово.

Искарriot властно сказал:

— Как смеешь ты говорить такое, незнакомец?

— Угрызения совести дают мне силу, — решительно ответил Петр. — Твоя дочь требует расправиться с убийцами Иуды... Тогда первой надо казнить ее. Это она довела брата до самоубийства.

— Ты безжалостен даже в такую минуту, — ужаснулся Варавва.

— Ни в эту минуту, ни другую у меня не будет жалости к не праведным, — заявил Петр.

— И это говорит первый христианин! — заметил тихий ироничный голос, принадлежащий Мельхиору. Новый приступ ужаса охватил

Юдифь.

— Отец! — закричала она. — Скажи мне, ведь это не правда? Иуда не мог себя убить!

Искарriot не отвечал. Пристально глянув на его почерневшее от горя лицо, Юдифь замолчала. Бледная, она стояла неподвижно, как богиня скорби, изваянная в мраморе. Потом, подняв обе руки к небу, разразилась громким, пронзительно-сумасшедшим смехом.

— О, страшный Назарей! Ты одержал победу! И, словно сражённая ударом невидимого кинжала, упала на пол.

Глава IV

Юдифь отнесли в ее комнату и оставили на попечение служанок, которые плакали над ней, не испытывая никакого горя — гордый, заносчивый нрав госпожи не располагал к тому, чтобы ее любили слуги.

Тихим, но твердым голосом старый Искарriot отдавал приказания, касающиеся похорон сына.

Когда тело Иуды было поднято и унесено рабами для обмывания и бальзамирования, Искарriot обратился к тем, кто при таких страшных обстоятельствах вернул сына домой.

— Я должен поблагодарить вас за печальную услугу, которую вы мне оказали. Мне известен только Варавва, я благодарен ему вдвойне — он вступился за мою дочь, которую так несправедливо обвинил этот жестокий незнакомец, — и он указал на Петра.

Петр возмутился,

— Ты упрекаешь меня в отсутствии жалости, ростовщик! Ты совсем не знаешь свою горячо любимую дочь. Из гнезда незаслуженной ею любви, в котором ты ее лелеял, выползла змея, готовая жалить и убивать. Разве ты не видишь, что твоя Юдифь безнравственна? Она любовница Каиафы... Ударь меня, несчастный отец! Вырви мой язык, но правда все равно останется правдой!

В припадке гнева Искарriot поднял было руку на человека, осмелившегося произнести такое обвинение, но в последний момент рука его бессильно опустилась.

— Правда, истина! — иступленно вещал Петр. — Я буду о ней кричать, буду для нее жить и за нее умру! Трижды я клятвенно солгал и понял всю гнусность не правды. Я знаю теперь ее невыносимый гнет,

давящий на душу. Это целый ад в одном слове! И я желаю, я требую только правды, правды, которая блестит, как лезвие кинжала в руке Бога! Я, Петр, ее провозглашу! Я, кто трижды клялся и солгал, теперь три тысячи раз скажу правду, чтобы искупить свой грех! Рыдай, рви на себе волосы, благочестивый фарисей, упражнявшийся в осторожной добродетели и самодовольной святости! Ты поручился бы за честь своей дочери? Не делай этого — ее честь покупная! Цена ей золото и драгоценные камни! Из-за этой коварной женщины, от тебя рожденной, ныне Бог погиб в Иудее, Его слова были отвергнуты, Его послание не принято, Его жизнь прервана мучительной казнью!

Петр умолк, переводя дыхание. Его грубый плащ сполз с широких плеч, и под ним виднелась бедная одежда рыбака. Фигура Петра, казалось, выросла, обрела какую-то загадочность. Подняв глаза к звездам — маленьким огонькам, сверкающим над ним, Петр улыбнулся.

— Но конец еще не наступил, — сказал он. — Христа убили, но жизнь у Него не отняли. Его заставили принять смерть, но Он не умер. Что, если огромные камни, которыми завалена Его могила, окажутся не способными удержать Его? Если земля откажется Его принять? Что, если после трех дней, как и обещал, Он воскреснет к новой жизни? Что сделают нераскаявшиеся души в тот страшный час?

Голос ученика Христа понизился, он боязливо огляделся и, запахнув свой плащ, направился к выходу. Потом вдруг повернулся и сказал, бросая взгляд в сторону Искарриота:

— Мир будет совсем иным, если только Он сдержит слово!

Когда Петр ушел, Искарриот досадливо заметил:

— Это сумасшедший... Он одержим каким-то бесом...

— Ужасом угрызений совести, — уточнил Мельхиор — Он часто внушает человеку странные мысли и наталкивает на необычные поступки. Дух, которым одержим этот рыбак, перевернет весь мир.

— Рыбак? — спросил Искарриот удивленно. — Разве он простой рыбак?

— Да, — подтвердил Мельхиор. — Петр сотворен из самой грубой глины, и от этого произойдут и его неудачи, и его победы. Морской воздух витал над ним с самого рождения. Уже в раннем детстве он боролся с ветром и волнами и всю жизнь будет бороться с непокорными стихиями... Цари не приезжали издалека, чтобы преклонить колени у

его колыбели, волхвы не приносили ему даров, не пели ангелы — все это было для одного Назаря, от Которого он отрекся, но Которому он теперь будет преданно служить. Пока же он только Симон Петр, рыбак из Галилеи, товарищ твоего умершего сына...

Стон вырвался из груди Искарриота.

— Несчастный Иуда, — прошептал он, — не удивительно, что он стал фанатиком, раз у него были такие друзья.

Посмотрев на оставшихся Мельхиора и Варавву, старик извиняющимся тоном сказал:

— Я бы хотел остаться один — душа моя скорбит... А что касается моей дочери, ты, Варавва, знаешь, что все это не правда, и у тебя достаточно мужества и сил, чтобы остановить толки, которые может распустить в городе этот сумасшедший про мою дочь.

Искарриот положил руку на плечо Вараввы.

— Пойми меня, — сказал он хрипло, — если бы была хоть частичка правды в этой гнусной клевете, я убил бы Каиафу.

На лице его отразилось страдание. Темные глаза Вараввы заискрились сочувствием.

Несчастный отец склонил голову в знак прощания.

Покидая дом, Варавва встретил у выхода служанку Юдифи и спросил, очнулась ли госпожа от обморока. Ответ был отрицательный.

Мельхиор задумчиво посмотрел на опечаленного Друга.

— Тебе все еще не дает покоя твоя Юдифь? Признаюсь, я не видел более красивой женщины...

— Зачем ты говоришь о ее красоте теперь? Из-за нее погиб Иуда...

— Несчастный юноша! — горько сказал Мельхиор. — Его никогда не забудут — весь мир будет говорить о нем... Ему припишут грех, совершенный не им одним. Но людская молва — это не летопись Бога, и даже Иуде воздается в конце концов по справедливости... У меня тревожное предчувствие. Сегодня я не дал бы и полдрахмы за жизнь Каиафы...

Варавва странно глянул на него и ничего не ответил.

Глава V

В субботу все благочестивые жители Иерусалима собрались на горе Мориа, чтобы вознести благодарственные молитвы Иегове за спасение

от ужасов предыдущего дня. И хотя, по мнению народа, было за что благодарить Всевышнего — разорванная завеса Святого святых висела как страшное напоминание о недавно пережитом — в это утро замечался недостаток религиозного рвения. Голос Каиафы звучал как-то вяло и монотонно. Чего-то не хватало... Казалось, не было больше никакого смысла в величественном чтении закона, и вся церемония навевала на присутствующих скуку. Когда толпа, наконец, высыпала из храма, многие направились к тому месту, где был похоронен Назарей — весть о том, что Иосиф Аримафейский выпросил тело Распятого у Пилата и что Каиафа потребовал усиленную охрану к склепу, уже разнеслась по городу.

— Никогда у нас не было такого мудрого, осторожного первосвященника, — заметил некий фарисей своему спутнику, остановившись под Царскими воротами поправить сандалию. — Каиафа повел дело с поразительным умением, иначе ученики Назорея несомненно украли бы Его тело, чтобы доказать правдивость Его пророчества...

— Говорят, вся Его шайка, опаснейший сброд Галилеи, здесь, в Иерусалиме. На месте Каиафы я нашел бы способ изгнать их из пределов святого города, — поддержал разговор другой.

— От одного уже избавились, — злорадно сообщил первый фарисей. — Ты слышал о смерти молодого Искарюта?

— Иуда был сумасшедший. Он все кричал о преобразованиях, искал какой-то истины! Такие люди не от мира сего.

— Он и сам понял это, — сдержанно улыбнулся собеседник, и они медленно стали спускаться по ступенькам храма. — Потому и покинул мир. Его нашли вчера ночью висящим на дереве в Гефсимании и принесли тело к отцу.

— А вы слышали другие новости? — всезнающе произнес кто-то из рядом идущих сплетников. — У Искарюта еще одно горе, от которого он почти лишился разума. Он потерял свое сокровище, свою избалованную, изнеженную дочь. Она покинула дом внезапно, ночью, и никто не знает, куда она скрылась.

Вскоре уже целая группа любителей новостей обсуждала эту тему.

— Но зачем было бежать дочери Искарюта? — недоумевал любопытный.

— Кто знает! Вчера она упала в обморок при виде умершего брата. Ее без чувств уложили в постель, около нее сидели две рабыни, но они заснули, а когда проснулись, Юдифь уже не было.

Покачав головами, каждый побрел своей дорогой.

А около гроба Назорея толпились зеваки. Они с любопытством глазели на то, как бдительно римская стража несет службу у склепа, высеченного в скале.

Зоной особого внимания пятнадцати лучших римских воинов был вход в гробницу, плотно заваленный огромным камнем, на который набросили веревочную сеть, скрепленную с частью скалы несколькими большими печатями синедриона.

Внушительного, мускулистого начальника стражи толпа раздражала.

— Сколько возни из-за одного мертвеца, — бурчал он сквозь зубы.

А народ уходил довольный: обмана не было, никто не сможет похитить из могилы Проповедника, обещавшего воскреснуть после смерти.

Только один сгорбленный нищий старик оставался на посту вместе с охраной и бросал на сотника робкие, молящие взгляды.

Центурион Галбус грозно нахмурил брови.

— Что ты топчешься здесь, бродяга? — сказал он грубо. — Вон отсюда!

— Добрый человек, я прошу у твоей милости позволения подойти поближе к склепу и раз... только раз прикоснуться к камню у входа. Моя внучка очень больна, и если я трону этот камень и помолюсь, болезнь оставит ее...

Старик с мольбой протягивал руки к сотнику.

Тот смотрел на него презрительно.

— Что ты несешь? Разве может исцелить прикосновение к камню? Ты впал в детство, старик!

— Добрый человек, — зарыдал нищий, — девочка умирает, ее бьет лихорадка, и если я только дотронусь рукой до склепа и скажу: «Учитель, молю Тебя, исцели несчастное дитя», Он меня услышит и исполнит мою просьбу.

— Подойди, старый безумец, — сжалился сотник. — Я подниму над тобой свое копьё и позволю тебе на одну минуту подойти к входу. Но только будь осторожнее, не сломай печатей...

Спотыкаясь и задыхаясь от волнения, старик подошел к огромному камню и, став на колени, положил на него руки.

— Господи, если пожелаешь, — сказал он моляще, — Ты можешь спасти девочку. Одно только Твое слово, и она исцелится.

Когда он встал с колен, его старческие мутные глаза сияли счастьем.

— Благодарю тебя, добрый римлянин, — обратился он к сотнику, низко кланяясь. — Да наградит тебя Бог за твое милосердие.

Галбус с любопытством посмотрел на него.

— Ты действительно думаешь, что вынес чудо из этой могилы?

— Да, я верю, что девочка выздоровеет.

И после многочисленных поклонов старик удалился.

Галбус задумчиво смотрел ему вслед, пока тощая, сгорбленная фигура не исчезла из вида, потом, поборов жалость, которая ненадолго впорхнула в суровое сердце, строго огляделся вокруг.

Скоро полуденная жара заставила стражу укрыться в палатках, разбитых вокруг скалы-склепа. Палатка сотника стояла перед самым входом в таинственную могилу. Угрюмый сотник сел в тени и, сняв шлем, чтобы вытереть разгоряченное, потное лицо, разразился проклятиями в адрес песчаной, тощей земле Иудеи.

— Это страна трусов. Иудеи боялись Назарея, когда Он был жив. А теперь, когда Он умер, боятся Его еще больше... Есть над чем посмеяться! Римлянин, убив врага, предоставит его богам без страха и без гнева...

Внезапно послышался шорох осыпающейся земли. Галбус вскочил, поднял копье и заступил на пост. Показался человек высокого роста, закутанный в пурпурную накидку. Это был Каиафа.

— Хорошо ли караулишь, сотник? — спросил он строго.

— Я никогда не давал повода сомневаться в моей бдительности, — высокомерно ответил римлянин.

— Я не хотел тебя обидеть, — несколько миролюбивее сказал первосвященник, — но здесь шатается разный сброд. Будь настороже.

Подойдя к камню у входа в склеп, Каиафа тщательно осмотрел печати. Они были нетронуты.

— Ты ничего не слышал? — спросил первосвященник Галбуса.

Тот в недоумении уставился на него.

— Из могилы? — И он показал копьем на склеп. — Нет, я никогда

еще не слышал, чтобы мертвые говорили...

Каиафа натянуто улыбнулся, но продолжал расспросы.

— А ночью? Никто вас не тревожил?

— Разве только собаки лаяли на луну, да кричали филины, — ответил презрительно сотник. — Хотя это малоприятно, но не опасно!

— Я имел в виду женщин, которые, наверно, приходили сюда плакать, — уточнил Каиафа.

— Женщины бессильны, когда имеют дело со мной, — хвастливо заявил Галбус. — Они, действительно, замешкались у склепа вечером, но я их прогнал, хотя слезы их были безутешно горьки. Я посоветовал им плакать дома...

И он рассмеялся, считая, что удачно сострил.

Каиафе было не до смеха.

Приложив ухо к скале, он снова стал прислушиваться.

Глядя на него, Галбус откровенно рассмеялся.

— Клянусь Юпитером, можно подумать, что ты именно из тех, кто верит Его пустому хвастовству и обещаниям воскреснуть... Что ты слышишь? Прошу тебя, скажи. Послание из могилы, наверно, очень интересно...

Словно не замечая насмешки, Каиафа спросил:

— Когда меняется стража?

— Через час, — ответил сотник, — По такой жаре долго не выдержишь. Я тоже схожу в город...

— А когда возвратишься?

— К восходу луны...

— К восходу луны, — повторил Каиафа и жестко сказал:

— Присмотри за своими людьми, чтобы они не заснули на посту. Сегодня ночью будь бдителен как никогда. Это решающая ночь. Когда встанет завтрашнее солнце, Назорей будет всенародно уличен в лживом богохульстве. Тебя хорошо наградят. Ты меня понял? Галбус кивнул.

— Я много слышал про исполнительность и храбрость римских воинов, — продолжал Каиафа. — Оправдай этот слух, поддержи честь своего звания и своей страны, и твое имя с похвалой дойдет до самого цезаря.

Первосвященник отошел, но опять остановился, подозрительно прислушиваясь.

— Ты уверен, что ничего не слышал? — спросил он снова.

Галбусу это надоело.

— Именем великого цезаря, которому я служу, — сказал он гневно, — клянусь тебе, священник, ничего, ничего я не слышал!

— У тебя горячая кровь, — бросил первосвященник. — Смотри, как бы она тебя не подвела, — добавил он, медленно уходя по пыльной дороге.

Глава VI

Варавва сидел со своим другом в лучшей комнате гостиницы. Он хорошо поужинал накануне, хорошо выспался и хорошо позавтракал сейчас, и все на деньги Мельхиора.

Но Варавва не хотел оставаться должником.

— Как я могу отблагодарить за все, что ты для меня сделал? — спрашивал он своего таинственного покровителя.

Сидя в мягком кресле, Мельхиор смотрел на Варавву сквозь прищуренные веки. Легкая улыбка блуждала на его красивых губах.

— Друг, ты мне ничего не должен, — сказал он лениво. — Я извлек много пользы, изучая тебя. Между нами огромное расстояние. Ты беден и не далее как вчера был наг и голоден. Я же богат, но не по праву наследства, а благодаря работе собственного мозга, единственно честного добытчика богатства. Я никогда не был в тюрьме, ибо не одобряю дороги, ведущей туда — она грязна, а я люблю чистоту. Ты животный человек, не знающий, что материя должна повиноваться разуму; ты, подстрекаемый грубой страстью, пожертвовал своей честью ради женщины... Я храню свою честь для себя самого и исполняю существующие законы. Но все-таки скорее ты, а не я, настоящий человек. Ты представитель грубого, греховного человечества, с которым всегда борется Божественный Дух...

— Что ты можешь для меня сделать? — продолжал Мельхиор весело. — Чистить мою одежду, приносить воду и мыть мои ноги, как раб? Вот тебе мой совет: поезжай в Рим, сделайся там ростовщиком — денег я тебе дам... Разбогатеи и живи честно. Никто тебя не спросит, кем ты был... Люди будут целовать твои сандалии, богатый Варавва, дающий займы, благородный Варавва, переписывающий векселя, могущественный Варавва, держащий в своих руках целую династию из-

за одной подписи...

Варавва смотрел на него, не понимая.

— Но может быть, ты хочешь стать другом яростного Петра и присоединиться к ученикам Назорея? — спросил Мельхиор.

— Только не другом Петра, — пылко возразил Варавва. — Он не убежден в своей вере... Да и другие ученики не лучше — они все покинули своего Учителя, хотя, будь я на их месте, я бы последовал за Назареем в самый мрачный ад, потому что Он...

— Бог, думаешь ты? — продолжил Мельхиор, останавливая на Варавве строгий, вопрошающий взгляд. Варавва выдержал его.

— Не знаю... — ответил он, глубоко вздохнув. — Когда я увидел Его впервые, Он действительно казался мне Богом, Потом сверхъестественная слава исчезла, и там, где изнуренный голодом и с болезненным воображением человек видел ангела, остался только смиренный Страдалец. А когда Он угасал, моя душа трепетала, я до самого конца надеялся, что Бог не может умереть! Теперь, если хочешь знать, я думаю, что Иисус — Человек несравненной красоты, твердого характера, достойный того, чтобы за Ним следовали, любили Его и служили Ему... Ведь если бы Он действительно был Богом, Он бы не умер!

Мельхиор подался вперед, с любопытством наблюдая за гостем.

— Знаешь ли ты, превосходный Варавва, что такое смерть? — спросил он. — Не нашел ли ты объяснения у тех философов, которых изучал?

— Все знают, что такое смерть, — ответил Варавва грустно. — Сердце останавливается, дыхание прекращается, свет меркнет, наступает безмолвие, и конец...

— Нет, не конец, а начало, — торжественно сказал Мельхиор, вставая с кресла. Глаза его загорелись восторгом. — Это все — предвестники рождения, а не смерти.

Темнота и безмолвие, говоришь ты? Нет! Ослепительный свет и чарующая музыка — чудный хор ангельских голосов, удивительные мелодии нежных арф. И неземные эти голоса спрашивают душу, только что покинувшую землю: «Что несешь ты с собой? Какое послание? Прибавил ли ты тому миру хоть частицу счастья, мудрости, красоты?» А над всеми этими голосами возвысится голос Господа: «Душа

человека, что совершила ты на земле?» И на этот великий вопрос нужно дать правдивый ответ — ложью никому не отделаться.

— Это вера Египта? — робко спросил Варавва. Мельхиор посмотрел на него несколько свысока.

— Это истина, — ответил он. — Всемирная истина, для подтверждения которой родился Назарей. Но мир не готов принять истину. Да и как он может быть готов, если весь строй этой жизни основан на лжи.

Немного помолчав и справившись с охватившим его волнением, Мельхиор вернулся к своей обычной иронической манере.

— Почтенный Варавва, ты, как и весь мир, невежествен, хотя изучал философию. Ты — комок плоти, не очищенной духовным огнем. Если бы я сказал, что Назарей умер только для того, чтобы доказать несостоятельность смерти, ты был бы страшно озадачен. Но ты сейчас думаешь о другом — о том, что не можешь жениться на своей Юдифи.

— Я теперь не женился бы на ней... — признался Варавва.

— Да? Ты скорей бы убил Каиафу? Варавва вздрогнул. Темные брови его сдвинулись, глаза почти исчезли под низко нависшими веками.

— Мои руки уже обагрены кровью, — пробормотал он — Я убил неповинного человека. Он был как голубь в сравнении с мерзким священником, исполняющим свои злые намерения с хитростью и изворотливостью змеи... Но все-таки с тех пор, как я увидел Назарея...

— Какое влияние оказал на тебя Назарей? — испытующе спросил Мельхиор. — Измученный человек, как ты Его назвал, Которого можно только пожалеть, а потом и забыть?

— С тех пор, как я увидел Его лицо, я не могу ять У человека жизнь, — ответил Варавва тихо. Оба долго молчали. Наконец Варавва сказал:

— Я должен пойти к Юдифи. Хотя мои и ее грехи воздвигли между нами неодолимую преграду, я бесконечно люблю ее и меня беспокоит ее состояние. Как тяжело восприняла она смерть брата...

— Да, мертвый Иуда — предостережение всему миру, — отозвался Мельхиор. — Но он поступил так, движимый угрызениями совести и раскаянием, а на искреннее раскаяние у Бога один ответ: милость и прощение.

— Ты думаешь, грех Иуды будет прощен? — с надеждой воскликнул Варавва.

— Только не миром, который и подтолкнул его к предательству, — сказал Мельхиор с горечью. — Мир преследует людей и безжалостно доводит их до отчаяния. Но Божия любовь безгранична и неизменна, и даже душа Иуды может найти прибежище в этой великой Любви.

Слезы заблестели в глазах Вараввы.

— Твои слова утешили меня, — сказал он, стыдясь своей слабости. — Я всегда думал, что Всевышний это прежде всего Бог мести...

Вдруг Варавва принял решение.

— Я должен пойти к могиле Назарея.

— Зачем? Что тебе там делать?

— Не знаю, — ответил Варавва. — Меня тянет туда. Все, что я слышал о Назарее, очень загадочно. Даже тайна Его рождения... Как можно поверить, что Его мать — дева? Мой разум не может вместить этого...

— Вот вся твоя суть! — сердито сказал Мельхиор. — Если следовать твоей логике и не признавать все, чего не понимает человек, тогда надо отвергнуть всю гигантскую и непостижимую деятельность вселенной!.. «Где был ты, — спросил Бог Иова, — когда Я положил основание миру? Разве ты приказал быть утру?» Увы, глубокомыслящий, разумный Варавва, если ты хочешь понять все тайны Божественной Воли, тебе придется пройти через бесконечное удивление, нескончаемый поиск смысла всего сущего, и все же в конце концов ты не поймешь таинственной загадки. Постигаешь ли ты, как свет проникает в почву и помогает зерну расплодиться стократ, или как, воплощаясь в каплю воды или пылинку, свет превращает их в алмазы, достойные царей? Ты не можешь понять обыкновенных проявлений живой природы, а природа — это только материальное выражение мысли Бога. Как же ты можешь постичь внутреннюю работу Его Духа? Если Богу угодно, Он имеет власть сотворить мир или вдохнуть живую силу Своего Божества в непорочную Деву для того, чтобы она родила Богочеловека. Ты говоришь про тайны и чудеса... Ты и сам чудо, ты живешь чудом, весь мир — чудо... Следуй по своему пути, человек, ищи истины собственным способом, но если ты ее не достигнешь, не

вини истину, которая все-таки существует, — вини свой убогий разум... Варавва стоял пораженный смыслом сказанного.

— Как бы я хотел поверить в такого Бога! — сказал он тихо. — В Бога, Который действительно нас любит и Которого мы могли бы любить.

Подчиняясь внезапному порыву, он подошел к Мельхиору и обнял его.

— Я не знаю, кто ты, — сказал он, — но твои слова смелы, ко мне ты более чем великодушен. Располагай мной в любом деле.

Мельхиор дружески улыбнулся.

— Я не нуждаюсь в помощниках. Я сам себе служу уже много лет и не находил более верного и преданного наперсника... Все же, чтобы удовлетворить твою шепетильность, я принимаю твое предложение.

Облегчение, граничащее с радостью, отразилось на темном лице Вараввы.

— Благодарю тебя, — сказал он просто. — Могу ли я что-нибудь сделать для тебя в городе?

— Ты можешь принести мне вести, — ответил Мельхиор и продолжал загадочно:

— Скоро случится нечто очень важное... Но если ты пойдешь к могиле Назорея, не затевай ссоры со стражей, чтобы тебя не обвинили в намерении украсть Тело Распятого. Священники трясутся от страха, ибо Назарей поклялся, что на третий день, то есть завтра, запомни — завтра, Он воскреснет!

Варавва воскликнул:

— Ты повторяешь безумное предположение Воскреснуть, восстать из могилы? Невозможно! Мельхиор сказал убежденно:

— Если смерть — уничтожение, тогда это невозможно. Но если смерть — продолжение жизни, то это свершится!

Глава VII

Слова Мельхиора еще звучали в ушах, когда Варавва шел по улице, стараясь сосредоточиться. Но это ему не удавалось. В голове был какой-то туман, и он не мог дать себе отчета во всем, что произошло с ним в последнее время. Целая вечность, казалось, прошла с того утра, когда его освободили, а Назарея приговорили к смертной казни. Он безумно

верил Юдифи Искарот и любил ее, как любят только раз в жизни. Теперь он знал ее порочность и лживость и хотя все еще любил, но этой любви, скорее страсти, он смутно стыдился. Вор, убийца чего-то стыдился? С каких это пор? Как увидел Назаря... Это было странно. Варавва напрягал всю свою волю, стараясь понять, каким волшебством обладал Человек, близость Которого, несмотря на то что Его распяли и Он умер, все еще ощущалась. Таинственная близость, от которой всякий грех становился ненавистным, противным.

Вздыхая и сердясь на себя, что не может разобраться в своих чувствах, Варавва вспомнил первоначальное намерение и направился к дому Искаротов. Там он с ужасом узнал о внезапном исчезновении Юдифи.

— Я ее найду, Я не успокоюсь, пока не отыщу ее, где бы она ни была, — сказал Варавва, и слугу поразило выражение отчаянной решимости в его лице.

Перепуганный слуга подумал, что, похоже, сегодня все походили с ума, и Варавва в особенности.

А тот шел, спотыкаясь и ничего не видя перед собой, кроме Юдифи, какой она была накануне вечером.

— Куда она могла деться? — размышлял он. — Может быть, сбежала к Каиафе?

Дворец первосвященника был близко, но его скрывали высокие пальмы и густолиственные смоковницы за высокой оградой сада, в который никто посторонний проникнуть не мог. Нельзя было надеяться незаметно пройти в дом, а явиться туда открыто Варавва не решался. Жилище первосвященника было для него неприступной крепостью.

Вдруг Варавва увидел знакомую фигуру в бедном, грубом платье. Светлые волосы обрамляли печальное, нежное лицо шедшей навстречу женщины. Это была Мария Магдалина. Ее удивительная, тихая красота так не вязалась с ее репутацией, что взволнованный Варавва воскликнул:

— О женщина! Зачем твоя красота осквернена позором! Лучше умереть, чем жить так, как ты живешь!

Она подняла на него прекрасные, грустные глаза, в которых стояли слезы.

— Друг, Магдалина умерла! К ногам Господа сложила она свою прежнюю жизнь со всеми грехами. Перед тобой Мария, прощенная Христом. "Иди, — сказал

Он, — и не грехи больше!" Как же можно нарушить столь высокий приказ? Можно ли, увидев свет, вернуться во мрак?

Варавва вспыхнул. Мария смотрела на него кроткими, сияющими глазами, проникающими в душу.

— Я узнала тебя. Ты Варавва, которого освободил народ и который вместе с народом смотрел, как распинали Учителя. У тебя должно быть много причин для радости, а ты печален. Почему? Поделись со мной своим горем...

Неожиданно для себя самого Варавве вдруг захотелось рассказать все, что тревожило его.

— Я знаю эту красивую, гордую девушку, — сказала Мария, внимательно выслушав рассказ об исчезнувшей Юдифи. — Проходя однажды мимо, она с отвращением отшатнулась, боясь случайно коснуться меня и этим оскверниться. Наверное, она очень благочестивая, если так свято соблюдает фарисейские установления...

Эти слова глубоко ранили Варавву.

— Не хочу лгать тебе, Мария. Юдифь не такая, как ты думаешь. Она одержима таким же демоном, какой прежде был и в тебе.

Глаза Марии выражали сочувствие.

— Как она несчастна! Мне жаль ее. Если я встречу Юдифь или что-нибудь о ней услышу, я дам знать. Где найти тебя?

Варавва сказал, в какой гостинице остановился Мельхиор.

Кивнув на прощание, Мария ушла. А Варавва подумал, что Юдифь может быть в Гефсимании, у того места, где умер ее брат, и он поспешил туда.

Глава VIII

Легкий ветерок пробегал по густой листве, прозрачный ручей тихо журчал в овраге, по склонам которого росли старые маслины. В этом месте вчера ночью нашли Иуду. Со страхом и в предчувствии нового несчастья Варавва раздвинул низкие ветви, но никого не увидев, двинулся дальше. Пройдя через калитку, он очутился в плотной тени раскидистых пальм, за толстые стволы которых цеплялись ползучие

дикие розы. Варавва тихо шел по едва приметным тропинкам и слово за словом вспоминал все, что рассказывал Петр про последнюю ночь, проведенную Учителем в саду Гефсимании.

Здесь, возле пышных колючих роз, Он на коленях скорбел и плакал о людях такими горячими слезами, которых не пролить глазам смертного.

Присутствие в саду показалось Варавве почти святотатством, и он повернул назад. Мысль о сущности Назорея не давала покоя. Кто Он? Почему Его Дух витает повсюду, наполняя вселенную? Почему Его никак не удавалось забыть? Да, Он Учитель новой веры, но и прежде были проповедники новых идей и сколько их еще явится миру... . Он необыкновенно красив и мужествен, но мало ли людей обладают такими качествами... Он был добр, сострадателен, лечил больных, утешал страждущих... Может быть, в этом Его Божественность — в Его бескорыстной, преданной, неизменной любви, не требующей ничего для Себя, но дающей людям все?

Варавва был неспособен понять духовную сторону жизни. Он видел лишь то, что лежит на поверхности. Его озадачивало, что то ли египтянин, то ли грек так беспрекословно соглашался с тем, что Иисус Назарей — Бог. Почему Мельхиор этому верит?

— Я должен все узнать про Него, — решил Варавва. — Как только отыщется Юдифь, я пойду в Назарет и узнаю всю правду.

Так размышляя, он пришел к склепу, вызывающему столько любопытства в народе. Варавву поразила многочисленность палаток стражников. Это была настоящая круговая линия обороны.

Когда Варавва хотел подойти ближе, путь ему преградил воин с копьем наизготовку. Варавва учтиво объяснил цель своего прихода — он ищет девушку.

Воин пристально посмотрел на него и воскликнул:

— Эге, Варавва, тебя и не узнать, ты разодет, как фарисей! Мы же с тобой знакомы — я приходил за тобой в тюрьму. Еще нет и двух дней, как ты на свободе, а уже ищешь женщину!

Варавва упредил скабрзные намеки солдата.

— Я ищу дочь Искарота, чей сын повесился, предав Иисуса из Назарета. Девушка от горя, наверно, лишилась разума и блуждает где-то.

— Печальная история, — сказал римлянин с ноткой сочувствия в голосе. — Но все-таки не советую тебе оставаться здесь. Всех прохожих подозревают в том, что они пришли украсть тело Назарея, а у тебя репутация ловкого вора.

Стражник рассмеялся.

— Зачем эта пустая трата времени? — Варавва махнул рукой в сторону белых палаток. — Какой здоровый человек может ждать, что мертвый воскреснет?

— Ты не понимаешь, в чем тут дело, — ответил воин. — Каиафа не такой глупец, чтобы поверить в воскресение мертвых. Стража поставлена исключительно для живых — ученики Назарея бродят где-то рядом и, верно, мечтают украсть тело своего Учителя, чтобы подтвердить Его предсказания. Но они не смогут проникнуть в склеп, и если покойник захочет вернуться к жизни, Ему нужно собственными силами разверзнуть скалу...

— Это действительно было бы чудом, — пробормотал Варавва.

— Этого не произойдет, — заверил римлянин. — Завтра, слава богам, стражу снимут и ты сможешь ходить здесь сколько угодно, но сейчас уходи — скоро придет наш сотник, а он шуток не любит.

— Я повинуюсь, — сказал Варавва.

Воин возобновил свое медленное топтание на порученном для охраны участке, а Варавва пошел по дороге в город. Но он намеревался вернуться. Неподалеку от склепа он заметил углубление, похожее на нору большого зверя, достаточно глубокое, чтобы скрыть человека от постороннего глаза. Смелая мысль спрятаться тут ночью пришла Варавве. «Если свершится чудо, — думал он, — я буду свидетелем. Если же ученики Назарея придут украсть тело, я увижу борьбу между ними и римской стражей. Непременно вернусь сюда, что бы ни случилось. Эта ночь слишком знаменательна, чтобы ее проспать».

Глава IX

Варавва остановился, чтобы тщательно осмотреть и запомнить место, где хотел провести ночь.

Мягкая серая пыль густым слоем покрывала дорогу, ведущую в Иерусалим со смутно различимыми отсюда белыми крышами. Навстречу Варавве шла женщина с большим букетом белых лилий в

руках. Бледное, прекрасное это лицо, окруженное лучезарным сиянием, Варавва видел вчера на Голгофе. Время не оставило своих безжалостных следов на этом кротком лице. В беспорочных и чудных чертах отражалось сочетание девичества и материнства, мудрости и печали, скорби и любви. Варавва замер. Царственное, неземное в облике этой женщины внушало ему желание встать перед ней на колени, но он не сделал этого, а только дрожал всем телом, благоговейно шепча:

— Это Мать Распятого.

Она медленно приближалась. Спокойные, светлые, как само небо, глаза смотрели на Варавву. Сомневающийся, мятущийся грешник лицом к лицу с Богоматерью! Яркие лучи предзакатного солнца отражались от ее белого платья и создавали ореол вокруг величавой фигуры.

Варавва с мольбой простер руки.

— Мария, Мать Иисуса, — прошептал он. — Выслушай меня. Я — Варавва, великий грешник, и если бы выбор народа был справедлив, я бы умер вчера на месте твоего распятого Сына... Говорят, твой Сын богохульствовал, называя Бога Отцом. А глупая людская молва теперь разносит весть, что Он действительно Сын Всемогущего Бога. Мария, почему ты не опровергнешь этот слух? Ты знаешь тайну Его рождения и должна была объяснить Ему опасность таких заявлений. Будь Он самый святой человек в мире, такие речи чересчур смелы. Слухи о Его Божественном происхождении, переходя от одного к другому, возбуждают страх и сомнения в человеческих душах. Еще не поздно объявить правду. Прошу тебя, сделай это!

Мария молчала.

— Почему ты молчишь? — в голосе Вараввы было отчаяние. — Ты не думаешь о последствиях распространения этой безумной молвы! Если твоего умершего Сына ошибочно признают Богом, проклятие ляжет на народ Иудеи, казнивший Его. Израиль будет презираем всем миром за то, что отверг Мессию, все народы возненавидят нас за нашу жестокость, упрямство и неверность. Разве ты допустишь это?

По-прежнему ни слова не услышал Варавва ответ. Взмолванный, почти теряющий сознание, он упал на колени.

— Мария, — прошептал он хрипло, — из жалости ко мне, грешнику,

из чувства милосердия ко всем людям, объяви истину. Скажи, кто Отец твоего Сына?

Ее губы слегка задрожали, но она опять ничего не ответила, только подняла свои прекрасные кроткие глаза к небу.

— О, женщина! Ты всегда будешь обманывать людей! — воскликнул Варавва, — Мать жестоко казненного Человека, может быть, ты задумала страшную месть и поклялась, что люди станут боготворить Того, Кого они презирали, и молиться Тому, Кого убили? Если это так, то возмездие это чудовищное, неслыханное!

В лучистых глазах появилось выражение жалости. Варавву смутил этот взгляд. Стыдясь своих прежних предположений, он снова заговорил:

— Я не хотел тебя обидеть — горе твое огромно. Но я только один из тех, кто со слезами и отчаянием будут просить у тебя ответа. Я ищу истины и утешения, как и множество таких же грешников! Если твой Сын рожден от Духа, я буду поклоняться Ему, но если Он только Человек, я буду думать о нем с состраданием, как о личности мужественной и благородной, погибшей от суда не праведного.

Вдруг Варавву охватил страх. Огненное сияние, похожее на два распростертых крыла, появилось за спиной Марии.

— Мне казалось, что я говорю с женщиной, — еле слышно произнес он, — а это — ангел!

Тень удивления проскользнула по лицу Марии. Она, видимо, не подозревала о таинственном сиянии, которое исчезло так же внезапно, как и появилось.

Наклонившись к Варавве и посмотрев в его глаза, она тихо, но твердо сказала:

— Завтра.

И неслышными шагами пошла в сторону склепа.

Завтра... В который уже раз слышал Варавва это обещание. Ему очень хотелось, чтобы завтрашний день уже настал. Но впереди была еще ночь...

Глава X

— Каиафа, это странно и неслыханно! — говорил старый книжник с худым, умным лицом, половину которого занимал высокий лоб.

— Это приказ, — сказал Каиафа непреклонно. — Ты должен исполнить волю тех, кто поставлен над тобой. Да и зачем тебе непременно надо внести в летопись недолгую жизнь и позорную смерть сумасшедшего богохульника?

— Есть только один ответ на твое «зачем», — сказал книжник спокойно. — Таков вековой обычай. Мы все вписываем в наши книги, нам безразлично, касается это злых или добрых людей. История фанатика из Назарета достойна того, чтобы ее описали, хотя бы потому, что про Него ходят разные легенды...

Каиафа судорожно сжал резные ручки своего кресла.

— Ты не политик, — закричал он, — и не предвидишь того, что может случиться! Настроение народа уже изменилось. Теперь они сожалеют о смерти Пророка и говорят, что Он сделал много добра. Глубоко потрясла всех смерть Иуды Искарриота. Узнали, что он удавился, мучимый угрызениями совести из-за того, что предал Учителя. Скоро весь синедрион прослышет жестокими убийцами, а распятого преступника превратят в невинного Мученика! Вот почему, Шебна, я не желаю, чтобы о Назорее упоминали в наших летописях. Пусть Его имя и Его учение будут забыты, чтобы никто никогда не мог заинтересоваться этим...

— Интерес возрастет, если кроме слухов, ничего не останется, — возразил Шебна. — Если хочешь навеки прославить человека, только допусти, чтобы сведения о нем передавали из уст в уста и чтобы не было записано ни одного факта. Я бы предпочел, чтобы обо мне говорили, а не писали... Если я беспристрастно изложу историю Иисуса Назарея, несчастного безумца, вообразившего Себя Сыном Бога и казненного за богохульство, это не привлечет особенного внимания потомков...

— Сказав "а", ты должен будешь продолжить, — раздражался Каиафа. — Ты напишешь про мрак и ужас землетрясения, а как объяснишь тот факт, что завеса храма вдруг разорвалась сверху донизу?

Шебна задумался.

— Да это было непостижимо и страшно, — пробормотал он, потом лукаво улыбнулся. — Землетрясение и буря — это явления природы, которые иногда случаются на земле... А завеса храма, пожалуй, пострадала из-за удара молнии. Если бы ты был спокоен, Каиафа, ты не

видел бы в этом ничего такого, о чем нельзя написать.

Первосвященник резко встал. Его лицо исказила злоба.

— Ты не напишешь этого, упрямый книжный червь! — бешено закричал он. — Если ты только посмеешь вписать имя Назорея в свои свитки, я изрежу твой пергамент на клочки, а сам ты будешь просить милостыню у храма!

Шебна поверил угрозе.

— Я не противлюсь твоему приказу, Каиафа, — тихо сказал он. — Я только хотел высказать свои соображения. Но если ты настаиваешь, в наших документах не будет ни единого слова о так называемом Царе Иудейском.

— Так-то лучше, — несколько успокоившись, Каиафа сел в кресло. — Чего не напишет рука, того глаз не прочтет... Вы, книжники, большая сила. Если вы не запишете какой-нибудь победы, мир забудет о ней. Если вы в ваших летописях не упомянете про человека, то кто будет знать, что он существовал? Я не верю в силу легенд. Кто придает значение пустым байкам?

— Человек скорее усомнится в документе, а поверит нелепому слуху, переданному соседом... — снова попытался убедить первосвященника книжник. — Кроме того, Каиафа, есть и другие, кто могут написать про Назорея — последователей у Него много.

— Кто? — надменно сказал первосвященник. — Ленивые рыбаки из Галилеи, воры, прокаженные и прочий невежественный сброд? Да если бы они и написали, кто поверит им, когда в официальных хрониках ничего этого не будет!

Шебна больше не решался спорить. Собрав свои пергаментные свертки, он, низко кланяясь, вышел из покоев первосвященника.

Оставшись один, Каиафа погрузился в глубокое раздумье. Лицо его сильно осунулось, веки отяжелели — он уже давно недосыпал.

— Мозг мой утомился, — говорил он, устало вздыхая. — Меня беспокоят пустяки. Я не могу отделаться от мыслей о Назарянине. В Его умирающих глазах было что-то такое, от чего вся душа моя затрепетала. Но я уничтожил Его учение! Нам довольно одного Иеговы, при имени Которого дрожит весь мир. Если бы Всевышний был Богом любви, как уверял Назарянин, то человек слишком бы возгордился! Разве может червяк предположить, что Бог о нем заботится и печалится! Если бы

верили такому сумасбродству, мы не могли бы держать в руках народ и даже презренные рабы вообразили бы, что они свободны и равны нам!

Каиафа усмехнулся, потом нахмурился.

— Ну и день был! Каждая минута с самого утра полна горечи. Обезумевший Искарriot накиннулся на меня с проклятиями, требуя возвращения своей дочери! А я сам не знаю, где она. Интересно, кто рассказал Искарriotу про наши отношения? Мы были очень осторожны, но клевета, произнесенная даже шепотом, летит быстрее ветра, и никто не может ее остановить!

Он встал и вышел на балкон, с которого несколько ступенек вели в аллее ухоженного сада. Равнодушным взглядом Каиафа окинул звездное небо.

— Последняя ночь, — сказал он. — Завтра тревоги улягутся. Аримафеянин сдержал слово и не подходил к могиле с самого погребения. Перепуганные ученики тоже не осмелятся подойти к склепу. Завтра мы провозгласим лживость Пророка, в Которого многие верили, и все покроет пелена глубокого забвения... Правя миром, попробуй обойтись без обмана!

Он улыбнулся собственному цинизму, но сразу же невольно вздрогнул, услышав легкий шорох в кустах. Глянув туда, он увидел что-то сверкающие глаза.

— Каиафа!

В ночной тишине шепот звучал, как шипение змеи, но он узнал этот голос.

— Юдифь!

Первосвященник сбежал по ступеням в сад. Навстречу ему из кустов шла женщина в белом рваном платье и улыбалась. Оглянувшись на балкон, Каиафа сжал ее в своих объятиях.

— Юдифь, Юдифь, — бормотал он, напрасно пытаясь пригладить беспорядочную золотистую копну ее волос. — Где ты была? Зачем рискнула прийти сюда? Разве ты не боишься сплетен? Ну что за сумасбродство? Тебя же ищут! Возвращайся домой. Я провожу тебя до потайной калитки.

Ловким движением Юдифь выскользнула из объятий и встала напротив. Листья, ветки и мелкий сор цеплялись за ее рваное платье, красный цветок кактуса украшал грудь, а в руках она сжимала какую-то

вещь, которой, видимо, очень дорожила.

— Каиафа, ты требуешь повиновения от всего народа, но настал час, когда ты должен повиноваться мне! — сказала она торжествующе.

Встревоженный ее странным видом и нелепыми словами, Каиафа хотел успокоить ее, но она отпрянула от его объятий.

— Ты знаешь, я всегда рад угодить тебе, — сказал первосвященник подчеркнуто нежно. — Только давай уйдем отсюда — нас могут увидеть.

— Весь мир может на нас смотреть, — зло ответила она. — Мне все равно! Что мне мир, когда Иуда все еще сердится! Иуда не хочет говорить со мной. Он думает — я виновата в смерти Назорея. А ведь это ты, ты один! И ты должен это сказать Иуде. Он дома, спит. Пойдем со мной! Мы вместе разбудим его. Ты не можешь представить, как крепко он спит. Скажи ему, что это ты подбил меня уговорить его предать Учителя! Но Он вовсе не плохой. Жаль, что Он умер — Иуда Его сильно любил и теперь не хочет меня простить. Даже смотреть на меня не хочет и не говорит, как прежде: «Сестра, день краше с тех пор, как ты пришла!» А я действительно была красавицей, первой красавицей Иудеи, пока не состарилась.

— Ты молода и прекрасна, — перебил Каиафа.

— Нет, я состарилась, — твердила Юдифь. — Старость приходит ко всем, и те, кого мы любим, могут внезапно покинуть нас. А потом и мы уйдем из этого мира. Мы все будем ввергнуты в безмолвный мрак, из которого уже не восстанем, даже на волнах чьих-то бесконечных слез.

Голос ее задрожал, и она ненадолго умолкла, потом вдруг закричала:

— Смотри, так умер Царь!

И торжественно подняла небольшой крест, сделанный из двух веток, скрепленных ниткой. Каиафа отшатнулся.

Глава XI

Мгновение они стояли неподвижно, затем, опомнившись, Каиафа схватил безумную за руки, стараясь вырвать крест, но она крепко держала его. Сильным движением молодой тигрицы вырвавшись из жестких объятий, Юдифь отскочила с мстительной улыбкой на губах. Никогда еще Каиафа не был так взбешен. Что мог он сделать с сумасшедшей, одно присутствие которой здесь могло опозорить его

имя, испортить репутацию и лишить высокого положения!

Он подошел к ней ближе и стал уговаривать.

— Юдифь, — голос первосвященника звучал мягко, гипнотизирующе. — Ты устала и сама не знаешь, что делаешь. Пойдем! Ведь я тебя люблю, и ты можешь довериться мне.

— Не говори про любовь. — вскинулась Юдифь. — В мире больше нет любви... Ты убил ее!

Она нахмурила брови, что-то припоминая. Потом забормотала:

— Я не помню, как дошло до меня послание...

— Какое послание? — спросил Каиафа вкрадчиво, все еще надеясь без шума вывести ее из сада.

— Странное послание... — ответила девушка. — Оно гласит, что смерти больше нет! Послушай! — и Юдифь стремительно кинулась на грудь первосвященнику, потом пытливо стала заглядывать ему в глаза. — На нас лежит какое-то проклятие, и мы никогда, никогда не умрем! Как это ужасно! Я так устала жить. Столетия прошли с тех пор, как я была молода и ты убил Назорея! Ты помнишь Его лучезарное лицо, Каиафа?.. Потом мрак внезапно опустился на землю, и я потеряла своего брата. Варава нашел его и привел домой...

— Варава? — повторил Каиафа, стараясь незаметно подвести Юдифь к выходу из сада. — Варава — убийца...

— Вам надо подружиться, — сказала Юдифь. — Ты ведь тоже убийца, только очень хитрый. Никто и не посмеет тебя обвинить в смерти Назорея. Я одна знаю правду!

Каиафа сейчас возненавидел эту женщину, которую совсем недавно страстно любил.

— Молчи, Юдифь, — сказал он, сдерживая ярость. — Ты бредишь, ты сама не своя. Вспомни: это ты хотела смерти Пророка и насмехалась над Нем, а теперь говоришь так, будто память о Нем тебе дорога.

Улыбнувшись, Юдифь снова достала крест.

— Он обладает чудодейственной силой, — сказала она восторженно. — Он превращает ветхий мир в новый... Я нашла эти веточки в Гефсимании и сама связала их!

С этими словами Юдифь поднесла крест к губам и поцеловала.

— Юдифь! — закричал, первосвященник гневно. — Как ты можешь целовать символ позорной смерти?

— Как же мне не целовать его? — возразила Юдифь. — Если благодаря ему смерть побеждена. Я же передала тебе послание: Бог живет, смерти нет! Когда мы думали, что, умерев, исчезнем, было безразлично, как мы живем — несколько лет земного существования и всему конец! Никто не считал наших прегрешений. Но теперь мы не смеем грешить, потому что тяжесть грехов ляжет на нас страшным бременем на вечные времена! Что с нами будет, Каиафа?

Она вопросительно подняла на него блестящие глаза.

— Не мучай себя и меня этими сказками. Пойдем. Если не хочешь домой, давай прогуляемся по саду. Юдифь схватила Каиафу за руку.

— Нет, пойдем будить Иуду! Он спит давно, а скоро утро.

Девушка быстро пошла вперед. Обрадованный Каиафа поспешил за ней с видом печального покровителя, и если бы кто-нибудь их увидел вместе, то вполне мог подумать, что первосвященник застал полоумную в своем саду и теперь, выполняя свой долг, провожает ее в дом отца.

Внезапно Юдифь остановилась и окинула его подозрительным взглядом.

— Ты все расскажешь Иуде? — спросила она. — Ты скажешь, что это твой замысел — казнить Назорея? Ты успокоишь брата? Ведь преступление, которое его так мучает, было задумано тобой!

— Скажу, что смогу, — уклончиво ответил Каиафа.

— Ты скажешь правду, жестокий священник! — воскликнула Юдифь. — Ты возненавидел Бога и принес Его в жертву! А теперь должен во всем признаться. Я не уйду отсюда, пока ты мне не обещаешь сделать это. Поклянись, что ты все расскажешь Иуде!

Каиафа поспешил ответить:

— Клянусь, что все будет по-твоему. Юдифь смотрела не веря, в ее глазах появился зловещий огонек.

— Если ты действительно хочешь сдержать слово, поклянись этим, — сказала она медленно и подняла крест.

Каиафу охватил приступ ярости. Бросившись к Юдифи, он попытался вырвать крест, но девушка отчаянно сопротивлялась.

Во время борьбы хрупкий крест сломался. Юдифь закричала и, выхватив из-за пояса свой кинжальчик, ударила Каиафу с такой силой, что тот упал на землю. Кровь хлынула из раны.

Бросив кинжал и сломанный крест на истекающее кровью тело,

преступница исчезла в глубине сада.

Глава XII

Размеренно шагая по площадке перед входом в склеп, бдительный Галбус озирал окрестности, но никто не пытался посягнуть на то, что так тщательно охраняла стража. Только луна, завладевшая ночным небом, касалась своим светом таинственной могилы, и торжественно сияли звезды в вышине над ней.

В природе царила тишина. Маленькое знамя над палаткой Галбуса обвисло, не колеблемое ветром. Слышны были шаги остальных караульных.

— Вот посмеются в Риме, — ворчал Галбус — тишина его угнетала. — Пятнадцать лучших воинов цезаря топчутся вокруг гроба несчастного Пророка, который не угодил священникам и распят!

Он зевнул и потер глаза.

— А ведь говорят, Он был добрым, жалостливым Человеком и искусным врачом. И кажется, главное Его преступление состояло в том, что Он осмелился бороться против священников... Как хочется спать! Но если бы я заснул сейчас и Каиафа узнал об этом, не быть мне больше начальником сотни.

— Галбус, Галбус! — послышался вдруг взволнованный голос молодого воина Максимуса, а скоро и сам он предстал перед начальником.

— Почему ты оставил пост?

Тон сотника не предвещал ничего хорошего для дезертира.

— Галбус, ты ничего не слышишь? — загадочно спросил Максимус.

— Что можно услышать здесь, кроме наших голосов?

— Прислушайся, Галбус, прошу тебя! Как дивно поет эта птица!

И раньше, чем Галбус произнес хотя бы еще слово, раздалась песня невидимого существа. Сотник стоял как вкопанный. Максимус тоже замер.

— Вы слышите это чудесное пение?

Еще один стражник оставил свой пост и подошел к палатке сотника.

Галбус спохватился: так вся охрана соберется вместе и будет жадно впитывать в себя волшебную мелодию, а тем временем неслышно подкрадется Каиафа, и тогда прощай, новая должность, прощай,

обещанная награда...

— Разойдись! — скомандовал сотник громко, чтобы взбодриться самому и настроить на боевой лад подчиненных.

Приказ незамедлительно был исполнен.

Но пение все звучало. Теперь пела не одна птица, а пожалуй, десятка два. Воины замерли, положив оружие на землю, чтобы оно своим бряцанием вдруг не спугнуло невидимый чудный хор. Птицы пели так сладко, так нежно, что хотелось ни о чем не думать, ничего не знать, никому не подчиняться, а только слушать, слушать, слушать...

Неподалеку от стражников был еще один зачарованный слушатель. Он лежал в заранее облюбованном месте и удивлялся — в этих краях никогда не водились пернатые с такими ангельскими голосами.

Постепенно чувство неизведанного ранее счастья и покоя овладело и Вараввой, он впал в восторженное, сладкое забытие.

— Галбус! Рассвет! — вдруг услышал Варавва чей-то голос и очнулся.

Сотник тоже пришел в себя и посмотрел на небо.

— Никогда я еще не видел такого странного рассвета — ни в этой проклятой стране, ни на своей благословенной родине, — растерянно сказал он. — Это не рассвет... Это небесный огонь. Клянусь Юпитером, в нем есть что-то сверхъестественное... Он ослепляет меня! О, боги! Максимум!..

И прежде чем молодой воин успел прийти на помощь командиру, тот выронил копье и вдруг лишился дара речи.

Максимум, тоже не способный выговорить ни слова, смотрел на необыкновенное сияние, охватившее все видимое пространство неба.

Чудеса продолжались. Два могучих белых крыла появились на фоне ослепительного света и молнией пали на землю. Земля задрожала, поднялся сильный вихрь.

— Преклони колени, Галбус! — прошептал изумленный Максимум. — Боги сошли на землю... Вот они!

Два величественных небесных творения, окруженные прозрачной дымкой, парили над могилой Назорея.

Галбус не выдержал этого видения — он, как подкошенный, рухнул на землю. Остальные воины в страхе тоже пали ниц. Оставался только один свидетель явления ангелов — Варавва. Но вдруг яркий, режущий

свет, словно бичом, ударил его по глазам, и он тоже потерял сознание.

Глава XIII

Когда Варавва пришел в себя, он смутно стал припоминать, что с ним случилось. Кажется, он видел двух неземных существ над могилой Назарея, но не успел он рассмотреть их получше: глаза застлал какой-то туман, и он упал в обморок. Сколько он пролежал без памяти, неизвестно. Ясно было одно — ночь прошла, и сияло утро. Мир показался Варавве каким-то другим — свежий, чистый воздух кружил голову, ощущался тонкий, едва уловимый запах цветов.

Варавва хотел уже подняться на ноги и подойти к склепу, как вдруг услышал чьи-то мягкие шаги.

Глянув на дорогу, он увидел трех женщин, идущих из города. Одну из них он знал — Мария Магдалина, бесконечно печальная, держала в руках цветы и благовония. Женщины шли плакать на свой пост безутешной скорби.

Никогда уже чудная улыбка Учителя не озарит их жизни... Несмотря ни на какие горькие слезы, тихая могила не отдаст им Того, Кто погребен в ней...

Внезапно пронзительный крик прервал горестные размышления Вараввы. Две женщины в страхе бежали от склепа.

Варавва вышел из укрытия и преградил им путь.

— Что случилось? — спросил он взволнованно.

— Его нет там! Печати сломаны, камень отвален от гроба, а Учителя нет в гробе! — ответили женщины, торопясь и перебивая друг друга.

Потрясенный Варавва кинулся к могиле Назарея и увидел странную картину: все стражники лежали поверженные, как на поле битвы. Склеп действительно был открыт, а в глубине его он увидел распростертую Магдалину. Варавва хотел подойти к ней, но ноги его словно приросли к земле.

Вдруг он услышал голос:

— Женщина, что ты плачешь?

Не поднимаясь, Магдалина ответила:

— Унесли Господа моего, и не знаю, где положили...

— Мария!

Она вздрогнула, удивляясь тому, что кто-то назвал ее по имени,

подняла голову и с радостным криком «Учитель!» протянула руки к воскресшему Христу.

Неземной свет окружал Его. Божественная мудрость, любовь отражались в лучезарных глазах Сына Божия.

Все чистые краски утра нового дня витали над Ним, сливаясь в величественный венец Владыки мира.

Он предупредительно поднял ладонь:

— Не прикасайся ко Мне, Я еще не восшёл к Отцу Моему. Иди к братьям Моим и скажи им, что Я восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему...

Глава XIV

Когда Варавва опомнился, Его уже не было. Чудные белоснежные цветы обозначили место, которого касались ноги Христа. Таинственные чудеса ночи кончились. Первое воскресение явило свою славу. Изумленное, торжествующее солнце встало над миром.

Варавва подошел к Магдалине, все еще стоящей на коленях с поднятыми к небу восхищенными глазами.

— Зачем ты молишься пространству? — воскликнул он.

Мария очнулась от своего восторженного состояния и посмотрела на него с выражением кроткого удивления, словно из чудного сновидения вернулась в грубую действительность.

— Он был здесь, — ответила она дрожащим голосом. — Хотя моя слабая душа сразу и не поверила... Он воскрес из мертвых!

— Не говори мне про Его воскресение, — рассердился Варавва. — Ты же знаешь, что Он никогда не умирал! Мария медленно встала. В глазах ее было недоумение.

— Никогда не умирал? — повторила она. — А разве ты не был на Голгофе и не плакал вместе с нами над Его мучительной смертью? Разве теперь ты не стоишь перед гробом, в котором покоилось святое тело Учителя? Полотняные пелены, которыми Он был обвит, и теперь лежат здесь...

— О боги! — слышался снаружи голос просыпающегося стражника.

Варавва схватил Марию за руку:

— Бежим!

И прежде чем стражник окончательно пришел в себя и сумел растолкать остальных, Варавва и Мария успели скрыться за соседней скалой.

Мария не понимала, почему они так поспешно покинули склеп.

— Если бы римляне увидели нас, — объяснял Варавва, — они решили бы, что это мы украли тело Назаря... Они ведь и не догадываются, что Он вовсе не умирал.

Мария вскинула на него свои ясные, кроткие глаза.

— Я не пойму тебя. Ты, верно, бредишь...

— Нет, я в своем уме, — резко возразил Варавва. — Но я не верю, что Назарей воскрес из мертвых, хотя собственными глазами видел Его живым. Я утверждаю, что Он не умирал на кресте, а только лишился чувств. Это была кажущаяся смерть, и ты, Мария, своими слезами так смягчила сердца палачей, что они не стали ломать Его кости... А в тишине этой гробницы Он выздоровел — Ему ведь подвластны тайны исцеления.

— Упрямый грешник! Ты удостоился увидеть воскресшего Бога, но твой жалкий ум не способен постичь это! — новый голос вмешался в разговор.

Возле них стоял Мельхиор. Варавва поразился — как незаметно он сумел подойти! Еще больше смутил его холодный, насмешливый голос покровителя.

С нежной почтительностью Мельхиор обратился к Марии:

— Не медли, сестра! Исполни поручение Учителя! Скажи братьям, что Христос воскрес и смерть побеждена вечной жизнью! Спешి принести миру радостную весть и, хотя люди тебе сразу не поверят, храни свою веру, Мария: любовь и терпение — основа будущего.

Бросив удивленный взгляд на Мельхиора, Мария повиновалась его повелительному тону, и скоро золотистые волосы светлым пятном замелькали на дороге в Иерусалим.

— Темная, недоверчивая душа! — снова сказал Мельхиор своему угрюмому товарищу. — Как тебе заслужить милость судьбы, если ты увидел Бога и не узнал Его! Но не ты один так греховно упрямишься: вас, неверов, целый легион. Посмотри, вон идет небольшая часть...

Неорганизованной, беспорядочной кучкой римские воины направлялись в город. Сотник не шел впереди, как полагалось — его с

обеих сторон поддерживали двое солдат. Вид у него был как у паралитика — лицо мертвенно-бледное, глаза бессмысленно смотрели вдаль.

— Что с вашим начальником? — спросил Мельхиор, когда воины поравнялись с ними.

— Кто ты такой, чтобы задавать нам вопросы? — услышал он грубый ответ.

Медленно Мельхиор поднял правую руку, на которой сверкал золотом широкий перстень.

— Будь вежлив, — сказал он приказным тоном, — и повинуйся печати цезаря.

Авторитет таинственного иностранца, обладающего императорским талисманом, был моментально признан.

— Это все последствия прошедшей ночи, — сказал почтительно Максимус. — О ней много можно рассказывать...

— Что может случиться, когда на страже славные солдаты цезаря? — с иронией спросил Мельхиор.

— Мы подпали под чьи-то чары, — смущенно ответил Максимус. — Дивные птицы пели ночью так сладко, что все мы заслушались. Потом вдруг запылало небо, и боги сошли на землю. Не знаю, было это наяву или во сне. Но когда мы очнулись, печати синедриона были сломаны, камень от входа в склеп отвален, а тело Распятого Пророка куда-то исчезло... Теперь нам придется держать ответ, и я должен доложить начальству о случившемся — Галбус-то онемел. Нас наверняка ждет суд, но я поклянусь перед кем угодно, что никто — ни иудей, ни римлянин — не может противостоять небесным силам!

— Не бойся, воин! — успокоил его Мельхиор. — Ты не будешь наказан! Говори всю правду, но не удивляйся, если ее быстро заменят ложью. Она удобна и легка, с ней нет хлопот. Истина же еще долго будет нуждаться в том, чтобы за нее боролись и умирали...

Поднимая тучи клубящейся пыли, стражники двинулись к городским воротам, где их ждали язвительные возгласы иерусалимцев.

Уже разнеслась весть о том, что Распятый Пророк из Назарета воскрес, и хотя этому не особенно верили, многие радовались возможности посмеяться над римлянами. На ходу рождался новый слух: стражников напоили до бесчувствия ученики Назарея и выкрали Его

тело из склепа, ловко перехитрив хваленую римскую бдительность. На смущенных, идущих не в ногу охранников показывали пальцами и кричали:

— Смотрите, сотник до сих пор не может прийти в себя. Видно, угощение было нешуточным, если такой герой все еще пьян. Да и остальные не лучше — вон как браво они вышагивают...

Так, в сопровождении смеющейся толпы, опозорившаяся римская стража и брела ко дворцу прокуратора. И только когда бронзовые ворота Претории закрылись за ними, шумная толпа разошлась.

Варавва и Мельхиор уже были в городе. По дороге Варавва обратился к своему таинственному покровителю с вопросом:

— По какому праву ты носишь перстень с печатью цезаря?

— Научись хотя бы первому правилу учтивости, которое состоит в том, чтобы не вмешиваться в чужие дела, — отрезал Мельхиор.

У Вараввы отпала охота спрашивать. В молчании они пришли в гостиницу.

Глава XV

Там Варавву ждала Мария.

— Я обещала тебе, — сказала она торопливо, — сообщить, если что услышу о Юдифи Искарот. Она в саду Гефсимании. Бедная девушка, кажется, лишилась разума.

Варавва не мешкая пошел за Марией. Дорога казалась ему бесконечной. Наконец они пришли в Гефсиманию.

— Слышишь? — Мария подняла руку.

Из сада долетали обрывки какой-то мелодии. Варавва узнал одну из песней Соломона, царя-поэта.

Вдруг песня оборвалась на полуслове, и раздался исступленный возглас:

— Иуда! Иуда!

Варавва ринулся на этот голос. Мария не отставала. По извилистой тропинке, густо поросшей травой, они пришли на полянку, посреди которой была разбитая раковина пересохшего фонтана.

Одинокая белая фигура сидела на земле, окруженная цветами, сорванными недавно и беззаботно брошенными на увядание. В безумной женщине со спутанными волосами Варавва узнал свою

любимую, гордую Юдифь.

Почувствовав, что уже не одна здесь, она резким движением вскочила на ноги, стремительно подошла к Варавве и крепко обняла.

— Иуда! Наконец-то ты пришел! Где ты был? Я искала тебя повсюду, даже к Каиафе заходила... Я убила его, слышишь? — зашептала Юдифь доверительно. — Но увы — слишком поздно... Теперь уже не спасти твоего друга Назарея... Ты меня простил? Ты любишь меня, как прежде?

Она смеялась и плакала, прижимала свое лицо к груди Вараввы, сердце которого разрывали жалость и любовь. Вдруг Юдифь немного отступила и посмотрела на него сначала с удивлением, потом презрительно.

— Ты ведь не Иуда, — сказала она сердясь. — Зачем ты пришел сюда? Я жду Иуду. Я видела его вчера ночью, и он обещал вернуться. Оставь меня одну — мне еще надо собрать много цветов, чтобы осыпать ими свою могилу...

Мария тихо подошла к несчастной и, взяв за руку, прошептала:

— Бедная Юдифь...

Сердитый взгляд безумной сменился слабой улыбкой.

— Я тебя помню, — сказала она. — Ты добрая и можешь понять мое горе... Я обещала Иуде ждать его здесь. Он придет к закату солнца и уведет меня с собой. Как долго до вечера! Если хочешь, можешь остаться, прогони только этого незнакомца.

И она указала на несчастного Варавву.

— Я знаю одно тихое место, — сказала Юдифь, обращаясь снова к Марии. — Сядем там и споем что-нибудь... Нет, лучше ты будешь петь, а я, может быть, усну — я устала. Страшные мысли тревожат меня, но вот что утешает...

И она вынула из складок платья крест, похожий на тот, какой был у нее при встрече с Каиафой.

— Злой священник сломал такой же в порыве бешенства, — сообщила она Марии, — За это и многое другое я его убила...

Мария вздрогнула и со слезами на глазах обняла Юдифь, пытаясь вывести на тропинку, ведущую из сада. Та поняла ее намерение.

— Нет, нет. Мы пойдем туда, где растут тенистые деревья. Недалеко отсюда много пальм и цветов, прохлада и благоухание...

Мария повернулась к Варавве, стоящему рядом:

— Скорее иди к ее отцу и не огорчайся, что она не узнала тебя — ее мозг очень болен.

— Неужели она действительно убила Каиафу? — взволнованно спросил Варавва.

— Не знаю, — печально ответила Мария и подошла к Юдифи.

Та нетерпеливым жестом схватила ее за руку и потянула за собой. Скоро они пришли к месту, где росли пальмы. Легкая их листва давала земле приятную тень. Юдифь успокоилась, лицо ее прояснилось. Она села под дерево и увлекла Марию. На ее губах играла прежняя чарующая улыбка.

— Спой что-нибудь, — попросила Юдифь. — Какую-нибудь простую, нежную песню... А ты красивая, — добавила она, глянув на Марию внимательно. — Любовь светится в твоих глазах... Ну, пой же!

Дрожащий от слез голос Марии зазвучал печально, мелодия была грустная. Часто повторялись слова: «Хорошо быть розой в царском саду».

Когда Мария умолкла, Юдифь расплакалась.

— Царский сад, — всхлипывала она, горестно раскачиваясь из стороны в сторону. — А где же Сам Царь? Он был увенчан терниями, Он умер! Его распяли! Я, Юдифь Искарот, помогла этому злодеянию. Пусть на меня падет проклятие, а не на Иуду! Пусть меня испепелит молния — Иуда не виноват. В царском саду можно было встретить Царя, но Он умер! Лучше бы Он жил, потому что с тех пор, как Его не стало, меня окружает глубокий мрак.

Мария участливо обнимала безумную девушку, успокаивая ее.

Глава XVI

Перед дворцом первосвященника Каиафы бурлила чернь, плотно окружившая римскую стражу. Допрос у Пилата был закончен, и прокуратор послал незадачливых караульных к Каиафе с сообщением о событиях прошедшей ночи. Не стесняясь в выражениях, возбужденный народ осыпал римских воинов всяческими ругательствами.

— Мерзкие пьяницы! — слышалось из толпы. — Не могли устеречь мертвого!

У потрясенных, измученных охранников не было даже сил

огрызнуться, а не то чтобы развеять беснующуюся чернь. Так молча они и шли к Каиафе.

А он, лежа в постели, с большой неохотой отвечал на любезные расспросы своего тестя Анны.

— Я не понимаю, почему ты не хочешь описать приметы преступника — хоть что-нибудь ты должен был запомнить... Это очень помогло бы поимке разбойника... У нас уже есть одна улика...

И с этими словами Анна показал зятю маленький кинжал, усыпанный дорогими камнями.

— Дай его мне! — прохрипел Каиафа и, выхватив кинжал из рук Анны, спрятал его под подушку.

Изумленный Анна раскрыл рот, но задать очередной вопрос не успел — в спальне появился управитель. Вид у него был растерянный, он не знал, как сообщить хозяину о случившемся.

— Что ты молчишь, истукан? — накинулся на него Каиафа. — Говори, какие у тебя вести!

— Пилат прислал к тебе стражников, Каиафа, — уклончиво доложил управитель.

— Пусть войдут, — сказал первосвященник, еще ничего не знающий о чудесах ночи.

Солдаты вошли гурьбой и остановились у двери.

Встав чуть впереди остальных, Максимус кратко доложил:

— Каиафа, твои печати на склепе Назорея сломаны, гроб открыт, и Назорея нет в нем. Пилат послал нас к тебе... Он считает, что произошло чудо — Назарей воскрес!

— Ложь! — с пеной у рта закричал Каиафа. Он весь подался вперед, словно хотел ударить солдата, принесшего эту потрясающую весть. — Все это выдумки! А где Галбус? Где бездарный начальник трусливых римских горе-вожак?

Максимус побледнел — римская честь была задета.

— Я презираю лжецов, — сказал он твердо. — И расскажу лишь то, что видел своими глазами. Ночью небесные существа прилетели к могиле Назорея. Яркое, как молния, сияние ослепило нас, и мы замертво упали на землю. Очнувшись утром, мы нашли гробницу пустой... А что касается Галбуса, я бы очень хотел, чтобы чей-нибудь приказ заставил его заговорить — ведь он онемел, увидев чудо-Лицо Каиафы

перекосила злоба.

— Не думай, что я поверил твоим бредням. Я вижу — ты такой же мошенник, как Назорей. Но со мной эти фокусы не пройдут... Ты говоришь, Галбус онемел? Пусть он подойдет ко мне, и я заставлю его говорить!

Воины подвели к Каиафе своего парализованного сотника.

Мутные глаза центуриона смотрели мимо бледного, злого лица Каиафы, Но вдруг быстрая перемена произошла в его взгляде. Глаза оживились и наполнились смыслом. Он отстранил поддерживающих его подчиненных и гордо выпрямился перед первосвященником.

Каиафа был в гневе — как ловко этот римлянин ломал комедию с мнимой болезнью...

— Ну что же, славный Галбус? — сказал он зло. — Кто помешал тебе бодрствовать на страже, кто уничтожил твою самодовольную доблесть?

Неожиданно для всех прозвучал краткий ответ:

— Исус Назорей, Сын Бога Живого!

Голос Галбуса был громким, убедительным. Набрав в грудь побольше воздуха, он торжественно, словно приветствуя цезаря, повторил:

— Исус Назорей, Сын Бога Живого! Каиафа в бешенстве завопил:

— Вон, вон отсюда! Заткните ему глотку! Убейте — я отвечу за его смерть перед цезарем! Неужели можно допустить, чтобы все поверили в Божественность распятого преступника?

Вдруг яростный священник бессильно откинулся на подушки — кровь хлынула из раны, образовав красное пятно на повязке.

— Убирайтесь, — сказал тоже рассерженный Анна. — Но не думайте, что вам это пройдет даром. Нас не обманут ни галилеяне, ни римляне! Тот, кто сломал печати синедриона на гробнице, будет найден и сурово наказан!

Галбус тихо ответил:

— Тогда вам придется преследовать ангелов, но первосвященнику попасть в рай не так-то легко!

И, круто повернувшись, он дал знак солдатам следовать за ним. Все повиновались, кроме одного, подошедшего поближе к Анне.

— Одно слово, первосвященник, — сказал он загадочно. — То, что я

скажу, заинтересует тебя.

Легким кивком головы Анна выразил готовность слушать, и солдат продолжал:

— Сегодня утром у склепа мы видели одного иностранца... К нашему великому удивлению, он обладал печатью цезаря... Но самое интересное — с ним был известный разбойник Варавва...

Подобие радости выразилось на лице первосвященника.

— Благодарю тебя, — сказал он, улыбаясь. — Ты сообщил мне интересные факты. Когда тебе удобно, ты можешь зайти за наградой... И всем твоим товарищам, которые не видели никаких чудес, а просто заснули на посту и на следующее утро встретили у склепа разбойника Варавву, от моего имени передай, что я жду их — золота хватит и для них...

Глава XVII

Варавва напрасно спешил. Искарриота он не застал, и никто из слуг точно не мог сказать, куда направился в поисках дочери хозяин дома. Варавва не знал, что делать — говорить слугам о сумасшествии Юдифи он не хотел и после некоторого колебания решил вернуться в Гефсиманский сад. Когда цель была уже близка, он увидел небольшую группу мужчин, занятых серьезным разговором. Подойдя ближе, Варавва узнал одного из них — Петра. Остальные, судя по одежде, были галилеяне и, вероятно, ученики Назарея. Варавве не удалось пройти незамеченным — Петр остановил его и приветствовал, сказав своим друзьям:

— Это Варавва... Его освободили вместо нашего Господа...

Все с любопытством смотрели на разбойника.

— Знаешь ли ты, что Тот, Кто умер на кресте за тебя, воскрес из мертвых? Теперь мы с большой радостью и надеждой собираемся в Вифанию, потом в Галилею, как велел нам Учитель...

Варавва пытливо глянул в лицо говорившего, высокого, с блестящими задумчивыми глазами человека.

— Прошу тебя, назови свое имя, — сказал Варавва.

— Иоанн, — просто ответил тот.

— Ты веришь, что твой Учитель воскрес? — продолжал свои расспросы Варавва.

— Да, — убежденно ответил Иоанн. — Пойдем с нами! Может быть, ты увидишь воскресшего Господа.

— Я Его уже видел...

Эти слова поразили учеников.

— Он жив, и я могу в этом поклясться, — продолжал Варавва. — Когда Он говорил с Марией, я был недалеко. Я слышал Его голос, видел Его лицо. Потом Он исчез. Я осмотрел весь склеп...

— Мы тоже осматривали его... — сообщил Петр. Варавва усмехнулся.

— Как? И вы сомневались, что Он воистину воскрес? Вы тоже? — вопрошал он. — А вы узнаете Его, если встретите?

— Узнаем ли мы нашего Господа? — восторженно сказал Петр.

Варавва остановил его:

— Будь осторожнее, Петр, цена твоим клятвам известна...

Потом обратился ко всем:

— Я не могу присоединиться к вам — судьба моя иная. Я великий грешник, одержимый многими сомнениями, которые по силе могут соперничать с вашей преданностью... Но когда Учитель был взят стражей, вы безжалостно Его покинули... Я не могу ломать хлеб с вами...

Ученики не прерывали дрожащего от волнения Варавву. Он говорил резко, но справедливо.

— Мое имя может служить символом всего позорного в человеке, — продолжал он. — Я был вором и убийцей, теперь я бродяга... Я не скрываю своих прошлых преступлений и не выдаю себя за кого-то другого, кем на самом деле не являюсь. Поэтому скажу вам откровенно: Человек из Назарета никогда не умирал! Я видел Его сегодня утром — красота Его сверхъестественна, весь Он излучал свет... Но Он всегда был таким... Вот что я думаю: когда Его распяли, Он потерял сознание, а в склепе пришел в Себя... Я даже допускаю, что Он обладает такой могучей силой, что один мог вытеснить камень, закрывающий вход в гробницу. Но в чудеса я верить не могу, пока они не доказаны. И несмотря на это, если бы я считал Его своим Учителем, то не оставил бы Его во власти врагов и не отрекся бы от Него...

Петр вздрогнул.

— Разве ты не можешь понять... — стал оправдываться он.

— Я все могу понять, кроме трусости, — перебил его Варавва. — Если вы верили, что Он Бог, зачем вы все Его оставили?

— Варавва, мы только люди, грешные люди...

В глазах Иоанна стояли слезы.

Варавва устыдился своих пылких обличений.

— Простите меня, — сказал он грустно. — Желая вам доброго пути. И если встретите своего Господа, пусть глаза ваши наполнятся достаточной любовью, чтобы узнать Его.

Он собрался продолжить свой путь, как вдруг увидел женщину в белом платье, выбежавшую из сада. Это была безумная Юдифь. Мария безуспешно пыталась догнать ее: Юдифь неслась, словно гонимая могучим ветром, словно зверь, преследуемый охотником.

Возле учеников она остановилась. Варавва хотел взять ее за руку, но она оттолкнула его и, устремив лихорадочный взгляд на Петра, воскликнула:

— Где Царь? Я была в саду, но не нашла Его. Мне нужно видеть Его как можно скорее. Я должна умолить Его простить Иуду.

Она жалко улыбнулась, но строгий Петр не принял ее заискивания — вид его был суров. Юдифь в страхе отпрянула, глаза ее забегали по лицам учеников и остановились на спокойном, благожелательном лице Иоанна.

— Не сердись, добрый человек, — сказала она ему. — Помоги мне найти Царя! Я знаю, что Он где-то здесь. Вчера ночью я видела Его... Весь мир был у Его ног. Станный, огромный мир, мир умерших пришел к Нему на поклонение. Бледные, прозрачные тени обступили Его. И Он, как утреннее солнце, озарил всех Своим светом. Жизнь вернулась к людям, они радостно пели: «Смерть уничтожена, мы можем жить!» И только я одна так и осталась печальной, одна во всей вселенной...

Юдифь застонала и схватилась за плащ Иоанна, как бы прося у него защиты.

— Разве это не ужасно, что из всего сотворенного мира только я обделена вечной жизнью? Мне надо найти Царя! — повторяла Юдифь сквозь слезы. — Я знаю, что я проклята, но Он добр и терпелив, Он простит меня! Молю тебя, друг, помоги! Скажи, где Царь?

Глава XVIII

Прежде чем Иоанн успел что-либо ответить, Петр сурово отрезал:

— Тот, Кого распяли священники с твоей помощью, не отвечает на зов не праведных. К предателям у Него нет жалости.

— Не говори так, Петр, — остановил его Иоанн. — Что ты можешь знать о Божественном промысле? Мне кажется, наш милосердный Учитель утешил бы эту скорбящую душу...

— Петр охотно прощает только свои собственные грехи, — вступил в разговор Варавва.

— Ты никого не любишь, — устало сказала Юдифь, глядя на Петра. — Но без любви нет жизни! Поэтому я умерла!

Юдифь пошатнулась, но Мария была рядом — она поддержала ее.

— Как мне тяжело, — пожаловалась Юдифь подруге, обвисая в ее объятиях. — Мы вместе с тобой были в саду Царя, но не нашли Его... Иуды тоже нет...

— Он придет к закату, — успокаивала ее Мария. — А солнце еще высоко.

— Не может быть, — не соглашалась Юдифь. — Уже ночь — мрак окружает меня...

Все удивленно переглянулись — горячее солнце падало прямо на Юдифь, ярким пламенем зажигая ее рыжие волосы.

— Не бойся, Юдифь, я с тобой! — Варавва бросился к любимой.

Девушка протянула ему вялую руку.

— Ты — Варавва, — сказала она слабеющим голосом. — Ты когда-то любил меня... Скажи, ты доволен смертью Каиафы?

— Ты ошибаешься, Юдифь. Каиафа жив, он только ранен, — поспешил сообщить Варавва то, о чем узнал, когда ходил к Искарриоту.

Этим известием он хотел успокоить Юдифь. Но она разъярилась.

— Каиафа не умер? — закричала она. — Предатель, обольститель, лжец будет жить! О Всемогущий Бог, воздай по мере грехов Твоему не праведному служителю! Прошу Тебя, Иегова, — исступленно взывала она, — ниспошли Свое мщение на хитрого священника, а не на слепого исполнителя его коварного замысла, не на Иуду! Проклятие Каиафе! Проклятие мертвого Иуды и умирающей Юдифи! Вечное проклятие всех несчастных, кого ложь завела в ад!

Безумная девушка, только что походившая на страстную пророчицу,

вдруг затихла. Красноречие ее иссякло. Затаив дыхание, она не сводила глаз с Масличной горы. Взор ее прояснился, засиял восторгом.

— Смотрите! — закричала она торжествующе. — Царь! Я вижу Его! Молитвенно подняв руки к небу, она шагнула вперед, но пошатнулась и упала на пыльную дорогу.

Все бросились к ней. Вся в слезах, Мария наклонилась над подругой, но та была бездыханна.

Вдруг послышался стук лошадиных копыт.

— Что случилось? — спросил всадник и, не дожидаясь ответа, спешился.

Разыскивая беглянку-дочь, старый Искарот наконец настиг ее. Все расступились.

С криком «Юдифь!» старик упал на колени и стал заглядывать в лицо дочери. Как трогательна была ее застывшая красота!

Вдруг несчастный отец поднял голову и взглянул на окружающих.

— Уходите! Прочь с моих глаз, галилеяне, — взорвался он гневом. — Я не позволю вам торжествовать над моим горем! Где ваш Пророк, совершающий чудеса, воскрешающий мертвых? Пусть Он оживит мою чудную дочь, моего восторженного сына! Он не может вернуть мне детей! Все вы лжецы! Будьте вы прокляты!

Простив несправедливые слова, ученики и Мария печально удалились. Что могли они сказать потрясенному горем отцу? Они не обладали могуществом своего Великого Учителя, Который Один имеет власть возвращать к жизни.

Возле безутешного Искариота остался только Варавва.

Глава XIX

Почти неделя прошла с тех пор, как весть о чудесном воскресении Распятого Назарянина потрясла Иерусалим.

Несмотря на болезнь, первосвященник Каиафа настоял перед Пилатом, чтобы Галбус и Максимус были отправлены подальше отсюда — в Рим. Подозреваемый в симпатиях к учению Назорея Петроний тоже был отослан на родину. Но все трое по чьей-то протекции получили хорошие назначения в римских легионах.

Исчезновение тела Пророка священники объяснили тем, что оно украдено. Члены синедриона авторитетно заявляли, что они уже напали

на след преступников. Кроме того, внимание народа было отвлечено неожиданной смертью Юдифи Искарיות. Давно город не видел таких пышных похорон. Нескончаемая вереница юных дев Иерусалима провожала тело первой красавицы Иудеи к семейному склепу, где уже покоился ее злосчастный брат.

Глядя на белые лилии и покрывала — символ девственной чистоты умершей, многие качали головами и шепотом передавали скандальный слух о сомнительной нравственности Юдифи. Но громко произносить не решались: в старческих руках ростовщика Искарיותа громадная сила; участь не одной иерусалимской семьи зависела от его расположения, и боязнь оказаться нищим укорачивала языки.

Ученики и последователи Назарея покинули город — кто опасаясь мести священников, кого позвали в дорогу дела. Жизнь продолжалась. Поговаривали, что скоро в Иудее будет новый наместник цезаря — в связи с расстроенным здоровьем прокуратор Понтий Пилат просил императора Тиверия об отставке.

... Над маленьким городком Назаретом заходило солнце. Красные предзакатные лучи освещали плодоносную долину и заглядывали в небольшое оконце столярной мастерской, возле которого сидел старик. Он спешил выполнить заказ — маленький деревянный стульчик с затейливой резьбой. Морщинистые руки удивительно ловко справлялись с тонким делом. Видно было, что мастер пристрастен к своему труду. Перед ним лежали несколько лилий — их изображение он и переносил на спинку стульчика. Мастер был так поглощен работой, что не замечал прохожего, остановившегося возле дома. Путник кашлянул, привлекая к себе внимание.

Старик встрепенулся и, прервав свое занятие, удивленно вскинул глаза на мужчину могучего телосложения, покрытого пылью дальней дороги.

— Кто ты? Что привело тебя сюда?

— Мое имя Варавва. Я пришел из Иерусалима, чтобы поговорить с тобой, если ты — Иосиф, сын Иакова, потомок дома Давыдова и отец Того, Кого называли Царем иудеев...

Почтенный старец сказал:

— Я — Иосиф.

— Ты — старый человек, — заговорил, волнуясь, Варавва. — Твои

ноги на краю могилы, и ты не пожелаешь солгать...

Он так уставился на Иосифа своими воспаленными глазами, словно хотел прочесть все сокровенные тайны его души.

— Я Варавва, — снова повторил он свое имя, — бывший вор, бунтовщик и убийца. Если бы человеческие законы были справедливы, меня должны были распять на месте твоего сына, ибо Он неповинен, а я преступник! Но невинность на земле всегда страдает. Так было в Иерусалиме в эти ужасные дни, и так, мне кажется, будет в дальнейшие времена... Но ты смотришь на меня спокойным, невозмутимым взглядом! Разве тебе безразлично, что я живу, а твой Сын умер?

Иосиф не ответил.

— А, ты, пожалуй, уже знаешь все, — продолжал Варавва, ловя хоть какую-нибудь перемену в лице старца. — Иисус из Назарета восстал из мертвых и явился Своим ученикам! Но ты же не безумец, Иосиф, и не станешь приписывать Божественность тому, кто рожден от тебя, обыкновенного, смертного человека!

Варавва старался говорить подчеркнуто бесстрастно, но за нарочитым спокойствием скрывалась грызущая тоска. Он не вынес этого напряжения — его бурное нетерпение прорвалось.

— Говори, старик, говори! — закричал он яростно. — Если бы ты только знал, как это мучает меня! Его лицо, Его голос, весь Его Облик меня не покидают! Его смиренные глаза тревожат мою душу! Он так непохож на смертного! Нежность и доброта Его — неземные! Люди жестоки — Он являл милосердие! Люди всегда жалуются — Он смиренно молчал. Умирая, Он превращал страдание в торжество... Как я хочу знать, кто Он в действительности! Я обращался к Его Матери, твоей жене, умоляя раскрыть тайну Его рождения, но она молчала, как и ты... Ее окружало чудесное сияние — таинственное, неземное, которое наполнило меня страхом. Такое же сияние озаряло Назорея, когда я увидел Его в судилище. Чудный свет этот казался Его частицей, Его сутью. Все эти загадки лишили меня рассудка, потому я и пришел к тебе. Скажи правду, Иосиф! Ты — Его отец и должен знать все про своего сына с первой минуты Его рождения в мир! Сжался над моим страданием, ответь!

— Что я могу сказать тебе, бедная душа, — в голосе Иосифа было сострадание, — кроме того, что Божественный Человек, о Котором ты

говоришь, не сын мне!

Варавва был потрясен.

— Не сын?! — повторил он изумленно. — Разве Мария не твоя жена? Разве у тебя нет детей?

— Ни одного, кто называл бы ее матерью, — ответил Иосиф. — Дети у меня есть, но все они рождены в дни моей молодости от первой жены, которая давно умерла. Марию я знал только как существо не от мира сего. Невинность этой Девы я призван был охранять...

— Но разве ты на ней не женился? — недоумевал Варавва.

— Именно так, как мне было введено, — ответил Иосиф. — Я преклонялся перед ней, как перед царицей и ангелом!

— Опять ты меня смущаешь! — воскликнул Варавва. — Почему ты называешь ее царицей? Молва гласит, что она простая девушка из Египта!

Глаза Иосифа повлажнели.

— Туда мне велели с ней бежать, чтобы спастись от изверга Ирода, который мог отнять жизнь ее Младенца... Когда я впервые увидел ее, была весна, тихий вечер... Она одна шла по полю. Странное сияние было в ее волосах. Мне казалось, я встретил ангела с небес.

Старик умолк, вспоминая, но скоро опять продолжал:

— Потом пришло повеление жениться на ней, и я послушался.

— Что ты говоришь? — раздраженно закричал Варавва. — Разве ты не по своей воле женился на этой царице, как ты ее называл? Но она была твоей?

— Не смей произносить таких речей! — сказал Иосиф с внезапной пылкостью. — Она никогда не была моей — ни взглядом, ни дыханием, ни прикосновением! Ее друзьями были ангелы, они ей пели в ту ночь, когда родился Младенец. Я был только верным слугой Марии.

— Ты бредишь! — закричал Варавва в гневе. — Ты потерял рассудок, бедный старец! И на самом краю могилы хочешь поддержать обман! Если Он не был твоим сыном, скажи, чей же Он Сын!

Вдруг тень упала на землю — солнце зашло. В сером вечернем свете друг против друга молча стояли двое.

— Чей же Он Сын? — повторил Варавва почему-то шепотом.

Иосиф смотрел прямо в глаза дерзкому гостю.

Яркий свет внезапно озарил все вокруг. Иосиф торжественно

простер руки и произнес:

— Спроси Его Самого! Он здесь!

И старец, упав на колени, замер в глубоком поклоне. Смущенный, испуганный Варавва обернулся. Перед ним, излучая лучезарную красоту, стоял... Назарей.

Глава XX

Все величие утра, дня и вечера, все тайны творчества были сосредоточены во взгляде, который выражал силу и любовь — несказанную, безмерную, недоступную смертному пониманию, безграничную, как небо, всепроникающую, как воздух.

Пораженный, боящийся верить собственным глазам, Варавва опустил на колени перед воскресшим Спасителем мира.

— Это Ты, Учитель? — прошептал он. — Ты пришел, хотя я в Тебе сомневался.

Бесконечная любовь, которой дышал весь Божественный облик Иисуса, наполнила Варавву восхищением; его томящаяся, давно заключенная в оковы греха душа потянулась к новой жизни, где были бессмертие и чистота.

— Ты — мой Бог! Я верю Тебе! — воскликнул он иступленно.

Светлое Создание медленно отступило, повернулось и тихо заскользило по туманному лугу, оставляя за Собой светящуюся тропинку.

Варавва встал и пошел следом, ничего не видя, ничего не помня, ничего не сознавая кроме того, что Бог вел его. Радость наполняла его, такая огромная, что земля во всей красе казалась только каплей в море охватившего его восторга.

На склоне горы Лучезарное Видение остановилось и, как легкое облачко, растаяло в воздухе.

Варавва осмотрелся. Он был уже далеко от Назарета. Еще царила ночь. Но светлая радость в душе осталась. Отсутствие Христа было временным — Он жив и опять вернется! Ликуя, Варавва поднял глаза к небесам. Мог ли человек быть несчастным, имея Бога в сердце и сознавая, что душа его бессмертна! Когда-то мятущийся, страдавший Варавва был теперь спокоен, сомнения его пропали навсегда.

— Христос, Спаситель мира, Тебе я вручаю свою душу!

Он произнес эти слова громко, торжественно, глубоко веря в то, что они будут услышаны. Радостно и уверенно Варавва двинулся вперед по пути, по которому шел Учитель. Он возвратится к своему странному другу Мельхиору. Ему первому расскажет о том, что с ним случилось в Назарете. Потом он провозгласит свою веру каждому, кто станет его слушать. О последствиях он не думал: внутренняя духовная сила, наполнявшая его, внушала полное равнодушие к житейским трудностям. Жестокость, месть, людская злоба были ему нипочем. Пытки и мученические страдания мог перенести тот, кто увидел Христа.

Глава XXI

Серебристый свет полного месяца озарял стены и башни Иерусалима в ту ночь, когда Варавва возвратился из Назарета. Городские ворота были уже закрыты, но ему удалось разбудить спящего привратника, который, выйдя из своей будки, смотрел на путника в изумлении.

— Варавва?! — воскликнул он.

— Да, я. Но почему ты так удивлен? Привратник вместо ответа громко закричал:

— Эй, вот человек, которого вы ищете!

Послышалось топанье многих ног, звон оружия, и прежде чем Варавва понял что-либо, он оказался окруженным воинами.

— Что это значит? — спросил он. — Разве вы не знаете, что я освобожден волей народа?

— Молчи, злодей! — послышался гневный ответ. — Ты пытался убить первосвященника Каиафу... Ты помогал ученикам Назорея выкрасть Его тело из запечатанного склепа... За все это тебя непременно распнут...

Варавва выслушал стражника с удивительным спокойствием.

— Это Каиафа меня обвиняет? — спросил он, заранее зная, что ему ответят.

— Да, Каиафа донес на тебя Пилату — он узнал тебя, хотя была ночь... Тебя видели с известной блудницей Магдалиной, а также в обществе Петра, ученика Назарянина. В то самое утро, когда исчезло тело Распятого, ты крутился возле склепа. Словом, улики хватает. Да и твоя репутация не позволяет сомневаться в твоей вине. Так что следуй за нами. Участь твоя решена.

Варавва улыбнулся.

— На этот раз я не совершал того, в чем меня обвиняют... Но какой бы ни была моя участь, я готов перенести ее. Во имя Иисуса Христа я готов принять смерть...

— Безумец! — закричал воин, толкая арестованного копьем. — Не смей говорить так!

— Каждый должен говорить правду, даже если за это ждет суровое наказание, — ответил Варавва спокойно.

— Сумасшедший, — переглянувшись, решили воины. — Внезапная смерть Юдифи Искарот, которую он, говорят, любил, лишила его рассудка.

Варавву повели по безлюдным, темным улицам ночного Иерусалима. Скоро тяжелые тюремные ворота впустили узника и его конвоиров.

— Ты вернулся, Варавва! — пробурчал тюремщик. — Только пятнадцать дней прошло с тех пор, как тебе даровали свободу, но у тебя такая подлая натура, что ты не мог не совершить нового злодеяния! Пойдем! Я введу тебя во владение твоей прежней камерой.

И он открыл дверь в тот самый каменный мешок, в котором Варавва провел много времени. Дверь скрипнула, приветствуя узника и отсекая его от внешнего мира; рывкнула тяжелая задвижка под рукой тюремщика, и Варавва остался один, если не считать постоянных жильцов этого помещения — мышей. Еле заметная полоска лунного призрачного света пробивалась через узкую щель в стене.

Варавва лег на солому. Предстоящий суд и наказание смертью не пугали его. Он твердо решил не защищаться и не опровергать выдвинутых против него обвинений, и если на суде ему дадут слово, он громко провозгласит свою веру: Иисус Назарей — Сын Бога Живого!

Вспоминая своего Божественного Друга, Который так круто переменил все мысли, всю душу бывшего разбойника, Варавва сладко заснул,

... Вокруг благоухали цветы, слышалась чарующая музыка. Белый ангел сидел на поляне и сплетал венок из странных, неколких роз.

— Где я? — шепотом спросил Варавва.

— В убежище от бурь, — ответил ангел, — в ограде Царского сада...

И вдруг уже виденное Вараввой неземное сияние возвестило

появление Божественного Иисуса Назаряя.

— Господи, Господи! — в восторге закричал Варавва. — Прости меня, грешника. За мои грехи Ты принял крестные муки! Это я должен был умереть позорной смертью, а не Ты!

— Верующий в Меня не умрет вовек! — услышал он дивный голос Христа.

Чудный свет превратился в бесконечное золотистое море, стены темницы раздвинулись, сильные, нежные руки коснулись раскаявшегося грешника и повлекли туда, где был иной мир, иной закон, иная жизнь...

— Я не допущу, чтобы Варавву казнили, — говорил Мельхиор, спускаясь вслед за тюремщиком в мрачное подземелье — он добился разрешения посетить тюрьму, где томился его друг,

— Хоть ты и обладаешь перстнем императора, тебе не изменить наших законов, — возражал тюремщик, любезно несший перед таинственным иностранцем факел.

— Да, закон ваш суров, но исполнителей закона можно смягчить... — сказал Мельхиор уверенно.

Тюремщик не успел ответить — они уже пришли.

— Варавва! — позвал Мельхиор друга. Никто не отозвался.

— Спит, — сказал восхищенный тюремщик, — и смерти не боится.

Мельхиор подошел к куче гнилой соломы. Варавва спал глубоким, безмятежным сном. Смуглое, грубоватое его лицо запечатлело застывшую смиренную улыбку.

— Ни перстень императора, ни злоба священников уже не властны над ним, — тихо сказал Мельхиор. — Его освободила воля свыше!

Послесловие

День близился к концу, когда двое путников остановились, чтобы последним взором окинуть Святой город. С вершины горы они следили за тем, как багровое предзакатное солнце бросало свой свет на белые дома и зеленые сады Иерусалима, на величественный храм Соломона. Видна была Голгофа — темная, пустынная.

Один из путников — высокий, могучего телосложения мужчина опустился на колени и стал пристально смотреть в ту сторону.

— Ты печален, Симон, — сказал его товарищ. — Тяжело покидать страну, которую посетил Бог. Но не грусти — Господь теперь всегда с тобой, и Голгофа уже не принадлежит одной Иудее, она — символ всего спасенного мира.

Кириянин поднял голову.

— Все так, Мельхиор, — сказал он. — Но я никогда не забуду, как нес крест по той горе. Душа моя дрожит от одной мысли об этом! Я опять вижу Лик Христа!

Симон встал с колен.

— Посмотри, — обратился к нему Мельхиор, указывая на могилу. — Вон там я похоронил Варавву. Одинокая пальма склоняет над ним свои резные листья. На земле он был так же одинок, как дерево над его могилой. Но на небе его ждет другая участь — там он найдет прощение, любовь и покой.

— Да, нелегко обрести веру, — добавил он, немного помолчав. — Не всем дано такое удивительное счастье. Тебе, Симон, выпало нести крест на Голгофу, и ты теперь отказался от своего дома и от родных, чтобы служить одному Господу. Но пройдут долгие века, прежде чем человечество поймет, что это единственный путь постижения истины, что только во Христе можно обрести мир и покой.

Симон удивленно посмотрел на Мельхиора.

— Но почему должно пройти так много времени? — спросил он. — Я уверен, скоро все поклонятся Ему, даже Каиафа...

— Нет, этот лжец никогда не признает правду! — жестко ответил Мельхиор. — Каиафа сделает все, чтобы имя Христа было вытравлено из иудейских летописей. Но Истина восторжествует! Любовь и Милосердие бессмертны! Даже в мрачные дни мы не должны терять мужества и светлых упований. Будем всегда твердо держаться учения Христа, Его Божественного света, и мы никогда не заблудимся!

Спустившись с горы, путники направились в ту сторону, где лежала таинственная страна с величественными пирамидами и лениво текущим Нилом.